

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№4 /110/ 2025

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№4/110/ июль-август 2025

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Редактор отдела публицистики: Ирина Резник (Омск)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Зав. отделом поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор отдела поэзии: Анастасия Николенко (Владивосток)

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, действительный член Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.
Новиков Андрей Вячеславович, поэт, прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей России /Липецк/.
Орлов Максим Томасович, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.
Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: р. Томь, окрестности села Васильевка, Амурская обл. – автор фото Екатерина Ермоленко.

Подписано в печать 18.08.2025.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2025

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

Нина Ищенко. Раскалённый июль – путь Вени Д’ркина через символическую смерть.....	3
Владимир Спектор. «Здесь всё – моё»... О поэме Наталии Дёмчевой «Степная сага».....	6

Публицистика**К 100-летию писателя Ю. В. Трифонова**

Александр Балтин. «Дом на набережной».....	8
Галина Талалаева. Горизонталы и вертикали прозы.....	13
Татьяна Бирюкова. Утоление жажды или бег времени. О романе Юрия Трифонова «Утоление жажды».....	15
Привал на поэтической тропе	
Сергей Степанов-Прошелец. К 130-летию Сергея Есенина.....	17

Проза**Наталия Ячеистова. Тёмный след Цусимы**

(к 120-летию Цусимского сражения и 80-летию завершения Второй мировой войны).....	21
Анжелла Седых. Холстинки из цикла «Господне Лето».....	24
Алексей Яшин. Чего только в жизни не случается! Рассказ.....	26
Михаил Гришин. Игнатов родник. Рассказ.....	30
Вера Сытник. Ночью. Рассказ.....	32
Светлана Чернышёва. Добрики. Не детские истории.....	34
Олег Булычев. Первый шаг. Рассказ.....	37
Дарья Фомина. Дело было вечером... Рассказ.....	41
Ирина Прищепова. Рассказы.....	43
Дмитрий Воронин. «Жил-был художник один...» Рассказ.....	46
Валерий Румянцев. Голос прошедших лет. Рассказ.....	51
Анатолий Жилкин. Шура. Рассказ.....	54
Лариса Кеффель-Наумова. Жизнь Пелагеи. Рассказ.....	55
Сергей Кириллов. Бимка. Рассказ.....	58
Ирина Соляная. Птица-горе. Поморская сказка.....	60
Егор Черкасов. Исповедь старушки. Рассказ.....	62
Рустам Мавлиханов. Свои. Рассказ.....	63
Алёна Кубарева. Где мой половник? Рассказ.....	65

Поэзия

Никита Брагин. Из новых стихов.....	67
Ольга Борисова. «Я по листве бреду опалой...».....	68
Андрей Новиков. Из цикла стихотворений о Туркменистане (2).....	69
Николай Ерёмин. Подборка сонетов – 2025.....	70
Ефим Гаммер. Стихоассоциации моего двора... ..	71
Ирина Резник. «За горою событий, за дымкой времён...».....	72
Леонид Карпов. «Как хорошо проснуться рано...».....	73
Григорий Гачкевич. Стихи из цикла «5+».....	74
Екатерина Большакова. «И счастья беспокойного пылинки...».....	75
Владислав Бусов. «Он стихами за Русь отболел...» К 130-летию Сергея Есенина.....	76
Сергей Окишев. «Ну а Время нас несёт неистово...».....	77
Екатерина Громова. «Время счастья без права на мокрый платок...».....	78

Рыбохотобзор

Виктор Кустов. Из цикла «Рыбацкий альбом» (продолжение, начало в №3-2025).....	79
Юрий Жекотов. Крут почёта (из цикла «Рассказы дальневосточного охотника»).....	83
Алексей Пранов. «Рыцарь леса». Рассказ.....	84

Творческий совет журнала.....	88

КРИТИКА

...всякий читатель — критик, и всякий критик — читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик.

Член Союза писателей ЛНР. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтеневского общества Луганска, доцент кафедры философии ЛГАУ. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021), «Псевдоморфозы сакральности в знаковых пространствах современности» (2023), «Путь читателя через границы» (2025), «Александр Литвинов в Луганске: память, песни и сказки Вени Д'ркина» (2025). Редактор-составитель 8 сборников Философского монтеневского общества Луганска.

Раскалённый июль – путь Вени Д'ркина через символическую смерть

Мы живём во времена не только пробуждения Бога, но и возвращения сказки. Старые формы сказки соединяются с новейшими приметам городской культуры, проявляются в музыке и в литературе. В России актуальность сохранения старых смыслов усиливается в связи с переменами, вызванными СВО в 2022 году, когда зависимость от культурного импорта начинает осознаваться как стратегический недостаток, а возрождение русской культуры становится одним из факторов стабильного развития общества. Особенно важно, что традиционная русская культура к настоящему времени включает в себя не только деревенскую народную архаичную культуру, но и культуру городскую. Посмотрим, как сказочный сюжет соединяется с городской рокерской традицией в песне Вени Дркина «Июль».

Веня Дркин, Дрантя, Веня Д'ркин – псевдонимы Александра Литвинова (1970–1999), поэта, музыканта, барда, рокера. Веня родился в посёлке Должанский, похоронен в Свердловске, оба населённых пункта находятся на территории ЛНР, жил в разных городах СССР и Донбасса, последние годы его жизни прошли в Луганске. В своих интервью Веня представлялся как сказочник, для которого песни – не главное. Попробуем проанализировать его песню «Июль» как сказку.

Как показал Джозеф Кэмпбелл, базовым сказочным сюжетом является путь героя – языческий героический миф, включающий определённую последовательность действий. Главный герой покидает родной дом, отправляется в путь, покидает пространство известного и безопасного и оказывается в пространстве неизвестного и опасного. На этой территории герой должен пройти испытания и совершить подвиги, вступить в схватку со смертельно опасным врагом, что и означает пройти инициацию – ритуал перехода из одной возрастной группы в другую.

Инициация символически означает смерть старого человека и рождение нового. Символическим изображением смерти всегда является смерть, то есть инициация оформляется как смертельное испытание, которое разворачивается на границе миров, мира живых и мира мёртвых. Вернувшийся из иного мира человек обретает иное качество и меняет свой статус, из ребёнка становится взрослым, может жениться, воевать, управлять своей жизнью и жизнью общины.

Границей миров может быть лес, но также и вода. Как показывает Владимир Топоров, море является универсальным образом смерти.

Вода появляется в первой же строфе песни «Раскалённый июль», состоящей из пяти строф. Море упоминается в третьей и пятой, заключительной строфе. В первой строфе автор обращается к персонифицированному июлю:

Раскалённый июль,
Обезболь меня в прорубь.

В июле умер друг рассказчика, и для облегчения своей боли он мечтает окунуться в прорубь, смыть водой свою печаль и беду. Смерть друга описана в первой и третьей строфах песни:

Преподай отъезжающим в рай
Инструктаж на санскрите,
Как спасти свои души в воде,
Исповедуюсь перед собой,
И напости о СПИДЕ.

Друг из той же поэтической, музыкальной среды, что и сам автор, носитель городской рок-культуры, уезжает в рай, то есть в смерть. Путь в смерть лежит через воду, где может быть спасена душа, то есть вода выступает не только как средство для живого друга, автора песни, облегчить свою боль, но и как граница между миром живых и миром мёртвых, в соответствии с универсальным культурным архетипом.

Отъезд друга в рай отсылает к двум известным в рок-культуре произведениям, использующим этот образ. Это «Баллада об уходе в рай» Владимира Высоцкого и «Железнодорожник» Вячеслава Бутусова на слова Ильи Кормильцева.

«Баллада...» написана в 1973 году и начинается словами:

Вот твой билет, вот твой вагон.
Всё в лучшем виде одному тебе дано.
В цветном раю увидеть сон –
Трёхвековое непрерывное кино.

Песня Бутусова создана в 1994 году и также содержит образ поезда, уходящего на небо, то есть в рай:

Последний поезд на небо отправится в полночь,
С полустанка, покрытого шапкой снегов.

Хотя песня Высоцкого более подробно разрабатывает образ, использованный Дркиным, песня Бутусова была более актуальна на момент создания песни «Июль». Оригинальная в XX веке идея соединения религиозного образа рая или смерти с символом прогресса поездом, летящим вперёд, используется Дркиным на излёте века как понятная слушателю концепция движения в иной мир из современного городского пространства.

Мотив поезда в творчестве Дркина развивается и дальше, в песне «Бубука» (1997). В обеих песнях возникает творческий диалог Вени Дркина и Вени Ерофеева: поезд у обоих авторов является пространством изменённого состояния сознания, что проявляется в реальности как нарушение законов природы и социальной жизни, враждебность мира к героям. Итак, поезд – символ смерти в отчужденном враждебном мире, и такой образ создаётся и в песне «Июль».

В третьей строфе автор обращается к слушателям и прямо сообщает им о смерти друга:

О, согласитесь, не самое
лучшее времечко выбрал мой
друг для своей панихиды.

Июль – время смерти друга, и эта смерть снова связывается с водой, потому что в заключительных строках третьей строфы упоминается море:

И далёких
прохладных
и недосыгаемых милых
С запахом моря.

Слова про море – последние в центральной третьей строфе и во всей песне:

И обратный
плацкартный
тебя не заметивший милый
С запахом моря.

Этот рефрен связывает июль, смерть друга и море в единую систему образов, подтверждая, что вода в этой песне – стихия смерти, как и июль.

Раскалённый июль – равноценный участник событий. К нему обращается автор во всех строфах, кроме третьей, включающей в текст слушателей. В первой строфе раскалённый июль должен утолить страдания героя и проводить его друга в последний путь через стихию воды. Во второй строфе раскалённый июль заливают солнцем всё вокруг, и это солнце сравнивается с ядом («впечатлён твоим ядом»), потому что солнце сжигает мир и мучает душу, от него нет спасения.

Во второй строфе описаны детали городского быта – растресканный пол, высохший кран, «оставленный кем-то цветок, он же кактус, который не смог отстучать телеграмму». Эти подробности создают картину заброшенного жилища, где нет воды и всё засохло под палящим солнцем, включая даже кактус. Это городская квартира, и судя по тому, что не все детали автору знакомы, это жилище не автора, а его умершего друга. Кактус, который не смог отстучать телеграмму, очевидно, о предстоящей смерти друга, вводит тему трагического опоздания и разлуки с недоступной возлюбленной, которую не успели предупредить и позвать, и друг умер без неё.

В третьей строфе, где автор обращается к слушателям, происходит слом ритма. Песни с куплетами разной ритмической структуры в русском роке стал писать Виктор Цой, а Вени Дркин довел этот приём до совершенства. Смена ритма отмечена и сменой объекта повествования. После описания смерти друга в первой строфе и его жилья во второй автор смотрит внутрь себя и описывает свои чувства, яркие детали окружающей обстановки, которые бьют по нервам, вызывают резкую эмоциональную реакцию, но с трудом складываются в единую картину, это цветовые пятна без предметов, признаки без субъекта, сопровождаемые эмоциональными выкриками на грани выразимого:

О, это белое злое,
ах, на чёрном ажурном,
ых, до блевоты родных и друзей

Это описание как чёрный квадрат Малевича представляет собой формулу, куда можно подставить любое значение: белые волосы на чёрном платке, белая рука на чёрном пиджаке, белое тело в чёрном гробу, белое лицо на чёрной морской воде. Разорванные строки и образы передают невыносимую боль, ломающую текст и ритм. Внутренний взор автора наконец вырывает и его, и потрясенного слушателя из жаркого смертельного июля в прохладный день на морском берегу, когда друг был жив и любимая была рядом с другом:

И далёких
прохладных
и недосыгаемых милых
С запахом моря.

Четвёртая строфа снова начинается обращением к июлю. Она имеет тот же ритм, что и первые две, и похожий зачин – «високосный июль» вместо «раскалённый июль». Високосным бывает год, а

не июль, и это значит полный год, восполненный до целостности. В приложении к июлю это указывает на июль как венец лета, исполненный максимальной интенсивности солнечного жара. Вся эта строфа наполнена образами сжигающего огня. Обращаясь к июлю, автор говорит, что «не для всех теперь твой поцелуй отшелушенной кожи». Кожа шелушится под солнцем, и поцелуй солнца не для всех, потому что друг умер и его нет среди живых, опаляемых солнцем.

Во второй части строфы создан образ целой горы сгоревших денег:

Возгоревший от денежных масс,
Серым пеплом покинувший нас,
Дымом очи изложет.

Палящее солнце сжигает деньги, покинувший нас друг каким-то образом с этим связан. Деньги, которые были важны для него при жизни и, возможно, его погубили, теперь не имеют значения, развеялись как серый дым в раскалённом небе.

Пятая строфа написана в размере третьей. Это самая загадочная строфа, которая начинается парафразом:

О, где ж ты, маленький, был, когда
солнечный круг эти сукины
дети шагами делили на акры?

Если считать, что это, как и во всей песне, обращение к июлю, то получится, что автор упрекает июль в том, что тот не остановил людей, готовых поделить даже солнечный круг. Как вариант, эти «сукины дети» с их нечеловеческой жадностью, достигающей до небес, имеют отношение к куче денег, сгоревшей в предыдущей строфе, и это именно они отвечают за смерть друга, как и июль, не защитивший его.

Теперь друг мёртв: небо вокруг его шеи, потому что он уже не в этом мире, а ушёл на небо (здесь небо традиционно для многих культур выступает как место мёртвых), плуг пройдёт по его рукам, потому что он уже зарыт в землю, закаты привяжут к его ногам, поскольку дни сменяются днями без него.

Самые последние строки песни возвращаются к образу потерянной и недоступной возлюбленной:

И обратный
плацкартный
тебя не заметивший милый
С запахом моря.

Плацкартный вагон отсылает к образу отъезжающего в рай друга из первой строфы. Обратный поезд означает обратное движение из мира смерти в мир живых. Двигается назад и автор, тоскующий по другу, и его девушка, опоздавшая возлюбленная из навеки утраченного дня с запахом моря. Милый её не заметил, он не замечает уже никого, ни друга, и они оба возвращаются обратно, в раскалённый июль, где будут жить дальше со своей потерей.

Одной из трактовок этого сложнейшего стихотворения может быть упорядочивание сюжета и образов по схеме волшебной сказки, как и предлагает сам автор, настаивая, что он сказочник. Фольклорная сказка строится вокруг инициации, и в песне «Июль» мы видим образы, связанные с обрядом перехода: смерть, вода и море как переходное пространство между миром живых и мёртвых, небо как царство мёртвых, девушка, которая должна быть наградой герою и закрепить его статус после символической смерти.

Веня смело меняет смысл и образов, и сюжета народной сказки. Инициацию описывает не переживающий смерть, а его друг. Смерть героя является реальной и необратимой. За море и на небо друг уходит на самом деле. Возлюбленная, брак с которой ожидает героя волшебной сказки в будущем, героя песни ожидает в прошлом, в навечно прекрасном и недоступном дне с запахом моря. В момент смерти возлюбленной нет рядом, и это роднит традиционную сказку и сказку постмодерна: в фольклорной сказке герой ещё не встретил любимую, их встреча в будущем, а в сказке Дркина он её уже не встретил, их встреча в прошлом. Время течёт в другую сторону, и каждый новый день отдаляет от потерянного счастья.

В то же время песня поддаётся и ещё одной трактовке: наряду с реальной смертью друга, автор переживает свою собственную символическую смерть, как положено при инициации. В третьей строфе, центральной в песне, происходит заметный перелом ритма и эмоционального настроя, своеобразный распад личности, выход автора за пределы слов, норм и понятных образов, и из этого состояния изменённого сознания автор выбирается в реальную жизнь, пережив настоящую смерть друга и преодолев в какой-то степени своё горе.

Автор возвращается из мира мёртвых с девушкой своего друга, то есть в определённом смысле он привёл из царства мёртвых царевну, как это делают сказочные царевичи. Эта царевна, в отличие от героинь народных сказок, не обрела жениха, а потеряла его навеки. Ей нечего делать в мире живых. Друг мертвеца вернулся из царства мёртвых с невестой мертвеца только для того, чтобы в мире живых расстаться с ней навсегда. Классическая схема инициации перевернута в каждом своём моменте, но всё же остаётся узнаваемой и позволяет слушателю расшифровать песню как сказку.

С помощью цитат, упоминаний деталей городского быта, смены строфической формы Веня Дркин создал свою сказку на основе фольклорной сказки. Классический сюжет волшебной сказки о пути героя при инициации является базовой структурой для понимания сложного произведения, написанного в поэтике постмодерна одним из лучших авторов этого жанра в русской постсоветской культуре XX века. Интересно понять роль образов поезда, смерти, воды/моря, недоступной возлюбленной в дальнейшем творчестве Вени Дркина, используя расшифровку песни «Июль».

Владимир СПЕКТОР

г. Луганск, ЛНР – Россия

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных премий.

Редактор литературного альманаха «Свой вариант».

«Здесь всё – моё»...

О поэме Наталии Дёмчевой «Степная сага»

(1-я часть трилогии «Военный синдром» 100 с. Изд. «Медиа Принт», г. Липецк)

Наверное, не зря на рубеже веков возник вопрос: «Может, время стихов ушло, время прозы суровой настало?» Думаю, что жизнь убедительно ответила, показав, что время поэзии длится, стихотворения пишутся, и даже читаются. А вот время поэм, хоть и не ушло, но, в какой-то мере, подобно шагреновой коже, сокращается. Ускоряющийся ритм жизни (к поэзии в целом не благоволящей) чтению поэм, вдумчивому и неспешному, не способствует. Впрочем, так было всегда. Ни один период времени изобилием поэм не отличался, и авторы понимали, что масштабные поэтические произведения требуют своего, особенного, подготовленного читателя. Тем не менее, выдающиеся поэмы Александра Твардовского о Василии Тёркине и «За далью даль» были широко любимы в народе, и популярность их была честная и заслуженная. Они не просто талантливы, в них звучал голос народа, голос правды. *«А всего иного пуще не прожить наверняка — Без чего? Без правды сущей, правды, прямо в душу бьющей, Да была б она погуще, как бы ни была горька».* Правда (в которой сила), мир и война, смысл бытия, вопросы и поиск ответов, счастье и любовь... Обо всём этом писали всегда и пишут сегодня. В том числе и в поэмах. Одну из них написала известный поэт из Липецка Наталия Дёмчева, назвав её «Степная сага». В ней нет героя, подобного Тёркину, хотя поэма тоже о войне (той, что неожиданно случилась в 21-м веке), редко встречается прямая речь, но личность автора ощутима в настроении, мыслях и чувствах. Наверное, героем поэмы можно назвать время. А можно – степь, что стала полем битвы. Или воздух Родины, который, как сказано о нём, «особенный, не надышишься им». А вероятней всего, герой поэмы – весь народ, преодолевающий, стиснув зубы, трудности военного лихолетья. Кто-то – на фронте, а кто-то в тылу, но и в нём невозможно не услышать эхо канонады, не увидеть то, что ещё вчера казалось кадрами из приключенческого кино. Жизнь превосходит своей реальностью любой фантастический фильм...

«Степную сагу» можно было бы назвать не поэмой, а циклом стихотворений. Но он сложился в единое целое и стал поэмой. Главное, что стихи проникнуты авторской позицией, которая совпадает со взглядами читателей, узнающих в поэтических строках отражение собственных судеб. И в целом судьбы страны. Прежде чем продолжить вести речь о произведении Дёмчевой, хочу вспомнить отрывок из поэмы Давида Самойлова «Снегопад». Она тоже о войне и о судьбе, и о том главном, что помогает автору найти свою поэтическую тропу, не сбиться с неё на всём протяжении обширного повествования.

«...Летел, летел прекрасный снег, струился без отдохновенья и оставался в нас навек, как музыка и вдохновенье... Учусь писать у русской прозы, влюблён в её просторный слог, чтобы потом, как речь сквозь слёзы, я сам в стихи пробиться мог».

Великая школа русской классики – это универсальный способ совершенствования литературного стиля, мастерства, умения. Это уникальное наследство, которое никогда не потеряет свою ценность. Просторный слог ощущается и в лучших строках поэмы «Степная сага». Возможно, кому-то она покажется излишне громоздкой, могут возникнуть претензии к излишнему стремлению к красотам, злоупотреблению аллюзиями и аллитерациями. Но автор вправе ответить, что таков её стиль.

«Уходят в вечность поезда, на звук сирен спешат. В глухую темень, в никуда, в пылающий закат. Внося в вокзальный диссонанс речитатив мольбы, колёса напевают вальс разлучницы-судьбы. По рельсам стелется состав железный, вороной. Перрон, беспомощно отстав, остался за спиной»...

За спиной у Наталии Дёмчевой – богатый жизненный и писательский опыт. Она не только автор многих книг, но и руководитель литературной студии «Звукопись». Вот как пишет её земляк, писатель и воин Александр Пономарёв: «Наталия родом из Донбасса. В Горловке похоронен её отец, работавший инженером-горноспасателем. А она с отличием окончила «Десятую гвардейскую школу» в шахтёрском посёлке Ртутный. После окончания медицинского института долгие годы живёт в Липецке, помогая людям и как врач, и как поэт. Благодаря лидерским качествам и неиссякаемой энергии, Наталии удалось собрать и объединить в своей студии авторов разных по стилю и направлению творчества.

Бескорыстно делясь с ними опытом и знаниями, она содействует их творческому и личностному росту. Это как раз тот случай, который называют служением и подвижничеством».

Филолог Геннадий Авилов в предисловии к новой книге Дёмчевой отмечает: «Из отдельных кадров, фрагментов, мелочей в поэме складывается целая жизнь. Простые, на первый взгляд, истины, мимо которых можно спокойно пройти, попадают в эпицентр её внимания. Лирические

раздумья обогащены глубиной социально-исторических ассоциаций. Своеобразный историзм образной ткани поэмы придаёт ей некое эпическое звучание».

Явственно слышна в поэме переключки нынешнего времени с годами испытаний Великой Отечественной войны. Как всё похоже... И как неожиданно. И как неотлично зло сегодняшнее от того, что ломало жизнь и судьбы людей и страны в страшную годину фашистской оккупации. Зло не меняет свои повадки, оно не терпит доброты и справедливости, равенства и стремления к свободе. Но и добро бессмертно. Оно проявляется в лицах и поступках потомков тех, кто сражался с фашистами. И нынешние солдаты продолжают традиции поколения победителей.

«Торжественно, легко и грустно плывут в историю века... По неизведанному руслу текут и время, и река».

«В глубинах запотевшего пруда рождается подводное течение. «Отличники шахтёрского труда» за Родину уходят в ополчение. А где-то на пологом берегу, в руинах обескровленного лета, я дедовы медали берегу и связку писем в стареньких конвертах»

«И в памяти листая информацию, где болью продиктована строка, читаю, как в войну на дальней станции ходил отец за кружкой кипятка».

Отцы и деды, чья широта души сродни степным бескрайним просторам Донбасса, а крепость характера близка твёрдости угольных пластов, смогли победить объединённый европейский фашизм, изгнав захватчиков с родной земли. И в поэме степь помнит своих сыновей, а терриконы защищают от вражеских обстрелов, помогают в бою, как в труде. Так было, и так есть. Степь защищает и возрождает своих. И не даёт укрыться от возмездия чужим.

«Тополь тоскует в дозоре, как боевой командир. Степь... Необъятное море в сите осколочных дыр. Житное, ратное поле – рубища ветхий наряд. Изнемогая от боли, ангелы в небе парят»...

«Даже последний вздох в жизнь протаранит путь. Раненому врасплох степь забинтует грудь. Смешанный с ложью страх обезоружит сон. Дождь на семи ветрах скроет победный стон».

«Ястреб тризну празднует, кружится над минами. Жизнь такая разная... Вечность – под руинами. Над несчастным городом грозно зреет зарево... Степь живая, гордая, возродится заново».

А что ещё во все времена (и военное – не исключение) придаёт силы и возрождает, укрепляет в надежде, дарит веру в счастливое будущее и настоящее? Конечно, любовь, и она на страницах поэмы – не случайная гостья. Не зря говорится: «Кипяток всех житейских страданий обжигает сердца вновь и вновь. И спасительной ложкой в стакане защищает аорту любовь». Любовь побеждает даже если «Танцев нет. Все ушли на войну». И это не может никого оставить равнодушным. Это основа жизни, секрет счастья и противоядие от гибели. «Степная сага» – и о любви тоже.

«Все на фронт ушли друзья, Их вернуть в апрель нельзя. Веет холод от жнивья. Но любовь моя – жива».

«Мир по глотку завяз в быту, жизнь в берлоге печали бренна. Я и ты – это там и тут, где забытое счастье дремлет... Стыдно болью грузить вагон и подарки просить у Бога. Нам бы только любви немного, не растоптанной сапогом».

«Накрест дверь заколочена в клубе. Просмолив табаком седину, сторож клеит афишу над клумбой: «ТАНЦЕВ НЕТ. Все ушли на войну!»

И всё же главный смысловой стержень поэмы – в утверждении жизни и окончательной победы над вселенским злом, чьи неотъемлемые признаки – насмешливое неприятие справедливости, ненависть и нетерпимость к инакомыслию, мстительное злорадство, жестокое равнодушие к страданиям ни в чём не повинных людей. Всё это бывало в истории, и не раз.

Почему оно повторяется? Этот вопрос звучит в поэме. Но ответ на него неочевиден. И потому нужна победа. *«Вновь бесноватость назначает встречу. И ненависть, оскалив чёрный рот, взрывает, убивает и калечит. И, кажется, назад, а не вперёд стремится время, как палач за плахой, как мракобес, лелеющий войну. И прошлой смерти воскрешая страхи, жизнь, как собака, воет на луну».*

В поэме Наталии Дёмчевой жизнь продолжает бой. Враг – коварен и жесток, беспощаден и вооружен всеми силами зла. Но на стороне жизни – добро и справедливость, милосердие и сострадание. И потому жизнь – непобедима. Примечательно, что одно из стихотворений завершается словами «Здесь всё моё». Здесь – родная земля, степь и терриконы, здесь родные и друзья. Здесь – Родина. И в этом – главный смысл поэмы.

«И падает иудина монета на расчленённый свастикой майдан, где снайпер, не щадя бронежилета, пакует закордонный чемодан».

«Ведь на войне, друзья, как на войне. Прилюдно умереть – и смерть красна. Особенно, когда в строю – Весна, промозглая, на ветреном коне».

«По старикам слабеющим тревоги, и боль о поколенья молодом, И дураки России, и дороги, и взрывом сбитый с ног панельный дом... Здесь всё – моё»...

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

К 100-летию писателя Ю. В. Трифонова

Юрий Валентинович Трифонов (28 августа 1925, Москва — 28 марта 1981) — русский советский писатель, поэт, редактор, мастер «городской» прозы, одна из главных фигур литературного процесса 1960—1970-х годов в СССР. Помимо художественной прозы Трифонов известен также как мастер спортивного репортажа и очерка. Активно сотрудничал с центральными спортивными изданиями — газетой «Советский спорт» и журналом «Физкультура и спорт», в которых часто публиковались его спортивные материалы; издательством «Физкультура и спорт» было выпущено несколько сборников его спортивных очерков.

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России (в том числе, к примеру, в Якутии и на Дальнем Востоке), Украины, Беларуси, Казахстана, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Испании, Чехии, Германии, Израйля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Лауреат ряда литературных премий. Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

«Дом на набережной»

В августе 2025 года исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского писателя Юрия Валентиновича Трифонова. Времени для жизни и творчества оказалось отпущено ему совсем немного. Но и в эти недолгие три десятка лет он создал незабываемые, поистине первоклассные произведения.

Литературный старт Юрия Трифонова был триумфальным. Повесть «Студенты», опубликованная в 1950 году в «Новом мире» Александра Твардовского, удостоилась Сталинской премии. Говорят, лучший друг советских писателей поинтересовался, который это Трифонов, не сын ли расстрелянного в 1938 году старого большевика Валентина Андреевича Трифонова? Услышав, что да, сын, вождь спросил: «Хорошая книга?» Константин Федин подтвердил – хорошая. И Сталин оставил Трифонова в списке лауреатов, лишь заменив премию второй степени на третью...

Успех «Студентов» оказался оглушительным: мешки писем читателей, предложения инсценировки, общественные обсуждения и дискуссии. Казалось, можно почивать на лаврах. Однако наступила полоса поисков, сомнений, разочарований, о чем Юрий Валентинович без обиняков, очень откровенно рассказал в «Записках соседа», опубликованных в сокращении после кончины писателя, в 1989 году. Эти великолепно написанные воспоминания о Твардовском дают, ко всему прочему, представление о личности самого Трифонова, об атмосфере внутри и вокруг лучшего журнала тех лет – «Нового мира».

Александр Твардовский, тепло встретивший дебют молодого писателя, казалось, к нему охладел. Критика скептически приняла роман «Утоление жажды» (1963). Недавно я перечитал его; в самом деле, роман рыхловат, как-то не выстроен, – это ещё не тот Юрий Трифонов, который перевернул некоторые наши представления о прозе позднее. Но и в этом, не самом удачном сочинении, намечаются контуры того стиля, который стал фирменным, так сказать, стилем Юрия Трифонова. Основанную на реалиях строительства каракумского канала вещь отличает доскональное знание материала, органичное вкрапление деталей собственной биографии, неподдельный интерес к людским судьбам.

«Никто не знал, что сегодня, в последнее воскресенье лета, (Ю. В. Трифонов родился 28 августа. – Ю.К.) мне исполнилось тридцать два. Прожита половина жизни, а ощущение такое, будто настоящего ещё не было, главная жизнь впереди. Куда, собственно, я девал эти годы? Нет, настоящее было, но недолго, лет до одиннадцати, детство было настоящее, а потом все полетело кувыркком: отрочество ни к чёрту, юность искалечена войной, а потом непрерывная борьба за то, чтобы быть человеком, несмотря ни на что. Всю жизнь я изо всех сил старался поправить непоправимое...»

Будущему писателю было 12 лет, когда арестовали отца, следом в лагеря отправили мать. Эвакуация в Ташкент, работа на авиационном заводе в Москве, учёба в Литературном институте в семинаре Константина Фекина, командировки в Туркмению, долго не смывавшееся клеймо сына врага народа. Словом, биография совсем не простая...

«История – многожильный провод»

В середине 60-х Трифонов пишет документальную повесть «Отблеск костра», первую вещь в ряду его экскурсов в отечественную историю. Живой интерес к судьбе отца и его брата, Евгения Андреевича Трифонова, их участию в двух революциях, гражданской войне, заставил погрузиться в пучины архивов, в изучение писем, дневников, комплектов старых журналов.

«Прошло много лет, прежде чем я по-настоящему понял, кем был мой отец и что он делал во время революции, и прошло ещё много лет, прежде чем я смог сказать об этом вслух. Нет, я не имею в виду невиновность отца, в которую верил всегда с мальчишеских лет. Я имею в виду работу отца для революции, его роль в создании Красной гвардии и Красной Армии, в событиях гражданской войны. Вот об этом я узнал поздно. То, что написано ниже, не исторический очерк, не воспоминания об отце, не биография его, не некролог. Это и не повесть о его жизни».

Потом тему нашей драматической истории Юрий Трифонов разрабатывал и углублял в романах «Старик» (1978) и «Нетерпение» (1973). Последний переносил читателя в XIX век, когда народовольцы, проповедовавшие индивидуальный террор, устроили буквально охоту на царя-освободителя, Александра II.

Оправдывал ли их тактику Юрий Валентинович? Едва ли. Скорее по-человечески сочувствовал трагической участи Андрея Желябова, Софьи Перовской и их товарищей, пытался осмыслить их действия и гибель в свете неприятия существовавшего миропорядка. Размышления о прошлом, его связи с настоящим проросли и в повестях 70-х годов.

Герой «Долгого прощания» Григорий Ребров, драматург-неудачник, перебивающийся «историческими завитушками» в журналах, целыми днями пропадает в библиотеках, зарывается в старые публикации, книги, стремится понять печальные судьбы этих загадочных людей, вроде Николая Клеточникова, агента «Народной воли» в жандармском Третьем отделении, или нечаевца Ивана Прыжова, «незадачливого бунтовщика, историка, пьянчужки и попрошайки, благороднейшего человека, бытописателя народного житья».

Ребров и сам не понимает, зачем ему эти поиски, ставшие привычным занятием или даже своего рода болезнью, наподобие пристрастия к наркотикам или алкоголю. Эти скитания духа, тянущиеся в начале пятидесятых, когда процветали рептильные авторы, вроде драматурга Смолянова, завершаются в повести уже в 70-е, когда Ребров становится востребованным сценаристом, а Смолянов с его поделками напрочь забыт...

Герой повести «Другая жизнь» Сергей Троицкий по образованию историк. Но если Ребров в эпилоге добивается успеха, то Сергей терпит крах и умирает в возрасте 42 лет. Рассказанная его вдовой Ольгой Васильевной история мытарств Сергея – поток сознания или её внутренний монолог? – начинается опять-таки в начале 50-х, когда всё бурлило и ломалось, страна переживала тектонические сдвиги. Окончивший институт (а может быть, университет?) Сергей работает не по специальности, потом целых семь лет прозябает в каком-то музее. Однако друг студенческих времён Федя Праскухин перетаскивает его в институт, где возникает перспектива защитить диссертацию и сделать научную карьеру.

«Что, казалось бы, могло быть проще того, что уже было? Всякая наука озабочена движением вперёд, сооружением нового, созданием небывалого, и только то, чем занимался Серёжа, – история, – пересоздает старое, пересоздаёт былое. История представлялась Ольге Васильевне бесконечно громадной очередью, в которой стояли в затылок друг к другу эпохи, государства, великие люди, короли, полководцы, революционеры, и задачей историка было нечто похожее на задачу милиционера, который в дни премьер приходит в кассу кинотеатра «Прогресс» и наблюдает за порядком, – следить за тем, чтобы эпохи и государства не путались и не менялись местами, чтобы великие люди не забегали вперёд, не ссорились и не норовили получить билет в бессмертие без очереди...»

Однако у Сергея иные представления об истории. И притом они явно не совпадают с господствовавшими марксистско-ленинскими интерпретациями, что обрекает его поиски на полную безнадежность.

«...человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и – по нему определить многое. Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нём заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам. Не бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду...»

Прокрустово ложе быта – в таком примерно духе откликалась тогдашняя критика на цикл произведений писателя: «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», которым дали определение городские повести. Далеко ли ушли от этого современные толкователи?

Перебирая недавние публикации о произведениях Юрия Трифонова, натолкнулся на характерные и весьма противоречивые оценки. Приведу выдержки из некоторых.

«Как истинный художник Трифонов написал вполне реалистическую повесть, так и не сумев осознать весь смысл этой созданной им жизни. Так что «другая жизнь» в повести совсем не прозвучала, осталась только констатация факта: люди расставались с большевистской концепцией жизни, находили ценное в дореволюционном прошлом, впадали в альтернативу, сначала в околонуточный мистицизм, а потом самые последовательные и в Богоискательство. Всего этого выписать и даже осознать Трифонов не смог, хотя и был одним из лучших художников того времени (Павел Троицкий, proza.ru)».

Боже, как это знакомо! В достопамятные советские времена наши высокоумные литературоведы и филологи наперебой осыпали претензиями, поучали Толстого и Достоевского, других классиков, которые чего-то не поняли, не сумели осознать, проникнуться правильной идеологией, единственно верным учением и т.д.

«Трифонов прекрасно описывает эту норму, – отмечает в своем блоге Татьяна Воеводина. – Его герои по уши погружены в быт, в какие-то склоки, свары – отношения. Равным образом на работе и дома. В НИИ кто-то с кем-то не разговаривает, кто-то кого-то подсиживает, кто-то формирует свою «кликочку»... Дома ссорятся невестка со свекровью, теща уедаёт зятя, даже за праздничным столом недружелюбно пикируются две интеллигентные женщины-родственницы.

Вероятно, таков стиль эпохи – бытовой. Собственно, это и понятно: когда нет больших идей и больших целей – на первый план выходит обывательское в обывателе...

Трифонов и сам оказался захлестнутым этой бытовой стихией, сам попал во власть этого стиля. В те же годы он написал книжку о народовольцах – «Нетерпение», она вышла в Политиздате в серии «Пламенные революционеры»; так что изображать Трифонова чуть ли не диссидентом и жертвой режима не надо: нормальный был советский писатель, вполне респектабельный, успешный, как сказали бы сегодня. О народовольцах, понятно, можно было написать по-разному... Но Трифонов верен стилю эпохи: он пишет чисто бытовой роман с бытовыми же склоками и «отношеньками», как ныне выражаются в интернете».

Ну вот опять знакомое: быт, быт, в который погружён, оказывается, и сам писатель. Который, правда, отвечал на упреки в бытовизме весьма резко: бытовой бывает сифилис...

Авторы подобных откликов как-то не разглядели, что трифоновский быт, если уж рассматривать эту особенность его прозы, прежде всего, свидетельство художнической зоркости Юрия Валентиновича, внимательности к тем мелочам, из которых и состоит наше пестрое бытование, а по сути – фон, на котором разыгрываются жизненные драмы, возникают сложнейшие коллизии в судьбах его героев...

«В основе трифоновской историософии лежит безнадежный онтологический пессимизм. Угрюмое представление о том, что раз все однажды умрут, то «никому ничего не надо». Что помнить по большому счёту не для кого. ...От всего этого веет чем-то кладбищенским; чувствуется недвусмысленный намёк на «мир потусторонний». Может статься, в следующие сорок лет нам предстоит научиться читать Трифонова по-новому. Перестать наконец рассуждать о нём в терминах «реализм» и «психологизм», мало что прибавляющих к пониманию истинного характера его дара, – и оценить Трифонова как медиума, через которого говорили сто с лишним лет русской истории: идеалисты-террористы, железные люди 1920-х, советские обыватели. Теперь все они с той стороны – стоят, как сказано в «Другой жизни», в «бесконечно громадной очереди». Партия мёртвых и её лидер – писатель Юрий Трифонов (Игорь Кириенков, «Лидер партии мёртвых»)».

Как тут не поспорить! Никак не соглашусь с «угрюмым представлением», с «партией мёртвых». Трифонов и в самом деле не исповедовал исторический оптимизм в его марксистском духе, вряд ли верил в официально прокламируемое светлое коммунистическое будущее. Осмелюсь заметить: Юрий Трифонов, по-моему, верил безусловно в человеческую порядочность, в некий нравственный стоицизм, и эта вера была единственным прибежищем, а оправдания типа «среда заела» или ссылки на обстоятельства не принимались всерьёз. Для этого писатель был слишком идеалист – в самом лучшем смысле слова!

«Отблески Юрия Валентиновича Трифонова особенно в наше время не ослабевают. Видимо, то, что он не договорил, важнее того написанного и сказанного со всей определённой и железобетонной самоуверенностью здесь и сейчас, что вроде должно придавать могильной плитой всё написанное казённым современным лауреатом. Поэтому книг Трифонова сейчас почти не издают.

Сейчас не трифоновское время. В том смысле, что не милосердное. Жесткое. И проза нынешняя, словно наждачная бумага, старается стереть всё то хорошее и доброе, что было в героях Трифонова.

Надо ли говорить... – о людях, испарившихся, как облака? Надо ли – о кусках дёрна, унесённых течением, об остроконечных башнях из сырого песка, смытых рекой, об улицах, которых не существует, о том, как блестела до белизны металлическая ручка на спинке трамвайного сиденья, качался пол, в открытые окна летело громохание Москвы...

Надо, конечно. Потому что Трифонова помнят, любят, читают. Не все, но читают. Трифонов – писатель не для всех». (Автора публикации, увы, не назвав; упустил, прошу прощения!)

«Скучный бытописатель Трифонов», – так озаглавил публикацию на сайте proza.ru Юрий Язовских: «Периодически встречаемые восторженные отзывы о прозе Юрия Трифонова всё-таки заставили меня обратиться к его классическим произведениям – повестям «Обмен» (1969) и «Дом на набережной» (1975). Я их прочел, но не впечатлился. Писатель он был талантливый – с этим не поспоришь, но его главные вещи по сегодняшним временам скучны и мелочны. В рассматриваемых повестях автор знакомит читателей с маленькими житейскими подлостями, которые совершают герои произведений. И это все «вкусы», которые Трифонов припас для нас».

Что тут скажешь? Таким читателям и вовсе не следует открывать книги Юрия Трифонова, пусть читают увлекательных авторов вроде каких-нибудь роев или донцовых, коим несть числа, и чьи опусы забудут очень скоро, как забыли романы популярных некогда Арцыбашева, Нагордской и прочих...

Умница Андрей Немзер (1957-2023) свой очерк о Юрии Трифонове озаглавил «Жертвоприношение» («Памятные даты». – М.: Время, 2002). И это, на мой взгляд, одна из самых серьёзных попыток осмыслить и истолковать литературный путь Юрия Трифонова, его мировоззрение.

«Студенты» – книга жуткая, – писал А. Немзер. – вне зависимости от чувств и намерений молодого автора работавшая на грязное и кровавое дело борьбы с «космополитизмом» (по сути – с недобитой интеллигенцией). Но – это-то и ужасно! – талантливая. Хорошо написанная. ...Трифонов сумел выразить метафизический ужас русской истории XX века потому, что прочувствовал, сколь страшна «обычная», из сплошных несделанных выборов и провальных компромиссов состоящая жизнь».

Один очень наблюдательный и пристрастный литератор отмечал:

«Самое знаменитое произведение Трифонова было напечатано в январской книжке «Дружбы народов» за 1976 год («Дом на набережной». – Ю. К.) Почему именно этот маленький роман – называть его повестью как-то уничижительно – завоевал такую славу, немедленно превратился в знаменитый спектакль на Таганке, дал название роковому дому Иофана, который именно с той поры получил в Москве это прозвище? Вероятно, потому, что из всех пяти московских повестей эта – самая личная, выглядит она наиболее прозрачной, акценты вроде бы расставлены. ...Трифонов в «Доме» достиг абсолютного равновесия между сложностью и понятностью; «Дом на набережной», резко дисгармоничный, трагический по содержанию, – идеально гармоничен по форме».

***

Обмен затянулся; бестактность и неуместность его, учитывая смертельную болезнь матери, заставляют Дмитриева всячески уклоняться от необходимости совершать нудно-прозаические действия, однако обмен всё же происходит, незадолго до смерти матери.

Густота повествования и психологическая, ювелирная по точности нюансировка персонажей делали повесть знаковой, обеспечивая ей значительную читательскую аудиторию: жизнь плескалась в сумме страниц – чуть ли не более живая, чем на самом деле.

Жизнь была грустна, слишком пропитана бытом, чтобы подниматься к возможным высшим регистрам... Хотя уже то, что Дмитриев понимает бестактность затеянной женой акции, говорит о другом психическом устройстве тогдашних людей – теперь и понятия-то такие, как бестактность, бессовестность, отсутствуют...

Неофициально объединённые в цикл «Московские повести», пять произведений Юрия Трифонова стали пиком его творчества и, точно своеобразно перерастая литературу, превращались в документы времени (так, хотя из совершенно других литературных пространств, «Треблинский ад» Гроссмана нельзя оценивать только по литературной шкале).

Социум диагностировался в книгах Трифонова безжалостно и узнаваемо, слишком узнаваемо для городской интеллигенции – основной его аудитории: быт напелз густыми волнами, растворяя подчас в себе бытие. Вектор жизни интеллигентов, трагедия одного сообщества в социуме – тема тем Трифонова, и рудная жила этой темы разработана глубоко.

Неторопливая манера письма сжимается постоянной рефлексией: сам Трифонов говорил, что главная работа прозаика – уметь отцеживать словесный жир. Причудливая игра с перспективой, когда она становится то и дело обратной, превращаясь в ретроспекцию, завораживает, как сложный орнамент реальности...

Плавные часы чтения. Мир, уходящий в забвение. Как всё больше и больше задёргивается туманом советское прошлое...

Дом как страна; дом, несущий суммы судеб – мешающихся, густеющих, обрывающихся; дом знаменитой архитектуры – Дом на набережной...

Гнёзда квартир плотно населены: повествование Трифонова разворачивается густо, порою перенасыщенно.

...Литературовед Глебов, договорившись в мебельном магазине о покупке антикварного стола, приезжает туда и в поисках нужного ему человека наталкивается на одноклассника Лёвку Шулепникова – Шулепу, не узнающего или делающего вид, что не узнал Глебова. Это уязвляет его, ибо виноватым Глебов себя не считает, если уж и винить кого – так времена.

Времён, кстати, в повествовании три: середина 1930-х, вторая половина 1940-х и 1970-е – современность Юрия Трифонова, когда городская интеллигенция зачитывалась его повестями.

Шулепа, разыскавший телефон Глебова, звонит ему ночью. Конечно же, он узнал бывшего одноклассника, но в речах его – извечная бравада, всегдашний шулепниковский блеф.

Круто завертятся воспоминания, как Глебов, считавший себя совершенно никаким, завидовал в школе яркому Шулепникову, мечтая выделиться хоть чем...

Шулепников, стреляющий из пугача; директор, устроивший розыск стрелявшего; колорит Москвы соответствующих годов; сущность дома, видевшего слишком многих, чтобы тени всех сохранить...

Дом дан как своеобразный персонаж: пути ведут в него, уводят из него; пути минуют его – такой привлекательный, массивный, точно насупленный слегка.

Дом знает все «вины», а ещё то, что, в сущности, некого винить – люди слишком пластилиновые, обстоятельства способны делать с ними что угодно...

Не об этом ли повествование Трифонова?

О! Оно о многом – о правде и лжи, о быте и бытии, о совести и долге – о тех повседневных и тяжёлых константах, что определяют действительность человека, давая ему определённое место в мире. Повествование разворачивается плавно, детально, с использованием ретроспектив и сменных перспектив, и оно становится своеобразным учебником человековедения...

Как и дом, густо описанный, колоритный; дом как полноправная, весьма серьёзная единица абстрактного измерения человеческого бытия.

Природа страха плохо поддаётся анализу, она причудлива и многообразна, и писатель, берущийся исследовать её, рискует...

Однако Трифонов в «Доме на набережной», исследуя именно природу страха, рассматривая оную через различные психологические призмы, находит столь глубоко, онтологически запятанные в недрах личности корни страха, что и читать становится страшновато...

Каков персонаж Глебов?

Определить его как никакого, слишком зависящего от обстоятельств?

Но и они даны для того, чтобы человек выявлялся, раскрывался, не смешивался с мерцающим, бесконечным общечеловеческим тестом.

...Всё мешается в знаменитом доме, возникают люди, пропадают люди, появляются тени из былого, и вновь возникшие отношения звенят струнами...

Тогдашняя современность слишком непохожа на нынешнюю, и Трифонов многое рассказывает о ней.

...Обмен затянется, он затянется, уродуя людей, меняя их, он погрузит в массу бытовых реалий советского пространства, позабытых ныне, и даже эта их густота способствует психологическому портретированию.

Сердцевина человеческого бытия – процесс самореализации, одна из линий этого процесса – выработка добросердечного отношения к другим, но у трифоновских персонажей вечный дефицит любви, да и с добротой и искренностью тоже не всё в порядке... А так...

Долгоиграющий обмен выявляет многое, как и другие повести городского цикла, формируя вечные портреты давно ушедших со сцены людей.

Совсем другие, непохожие на нынешние, типажи, всё иное – быт, лица. Лучше ли? Хуже?

Вероятно, не об этом речь, а о том, чтобы оставить знаки и признаки своего времени, проводя их через художественное слово, с чем Юрий Трифонов справлялся блестяще.

Летунов Павел Евграфович, вспоминающий жизнь – постепенно, поэтапно, вспоминающий её в недрах 1970-х, и ленты его прошлого делятся до Гражданской, когда был молод, воевал...

«Старик» Юрия Трифонова сочетает реализм, густой и плотный, с элементами модернистского толка – коллажами, фрагментарным изображением яви...

На излёте жизни письмо от такой же старой знакомой будоражит память старика, сознающего тонкость нитки, на которой подвешена оставшаяся ему порция лет.

Воспоминания кажутся яркими, ярче реальности, тускло мелькающей за окнами жизни. Они кажутся страшными и пёстрыми, они клубятся как фантазии – и вместе с тем совершенно реальны. Длится путешествие в себя образца 1914 года из себя – настоящего, прошедшего советскую эпоху почти насквозь, набравшего опыт, адекватный соли крупного помола. Бушует и длится внутренний монолог, перекидываясь с одного на другое, слоятся картинки: недавние путешествия наплывают на масляную живопись Гражданской, имена прорывают даты, калейдоскопом мелькают лица.

Как-то нелепо растягивается быт современного момента: душным летом 1973-го с торфяными пожарами семья героя Гражданской ведёт войну за опустевший флигель, чтобы расселиться. Каков контраст... Да и герой не глядит героем: желчный, вредный, увязший в прошлом.

Снова калейдоскопом мелькают лица, то проявляясь отчётливей, то словно стираясь.

Старик вспоминает. Прошлое гораздо ярче, в посмертие нет веры, настоящее тускло.

Очень тяжёлая повесть, и многие, многие, бесконечно многие узнают или узнали бы себя в ситуации богатства былого и скудости настоящего. Даже если и не были героями никакой войны.

Другая жизнь... Она становится совсем другой, если уходит человек, с которым предполагалось ещё многое, очень многое...

Слова одного из сослуживцев мужа: «Многие его любили», – задевают Ольгу Васильевну, она начинает переосмысливать нечто важное, не понимая, почему человек сказал именно так. Она продолжает любить мужа, хотя и вынуждена жить слишком другою жизнью.

Она думает, что слова сослуживца мало что значат и любили в действительности немногие, и... захлёбывается в переживаниях.

Тонкость психологического полотна, сплетаемого Трифоновым, сложна: он словно сканировал внутреннюю жизнь, переводя её в словесные картины, и они были убедительны.

«Другая жизнь» варьировала темы прежних повестей, темы, традиционные для Трифонова – нравственные, основные. Или когда-то бывшие таковыми.

Открытия, мелькающие в повести, тоже тонки, например: люди обижаются не на смысл, а на интонацию, потому что интонация обнаруживает другой смысл, скрытый и главный. Поиски скрытого

и главного смыслов оставались основными в книгах Трифонова, он всегда хотел дойти до сути – отношений, ситуаций, жизни вообще.

Почему она такова? Могла бы быть иной? Тут уже экзистенциальный, онтологический характер поиска плюс качественно выписанные персонажи, через которых и проводится этот поиск. То есть он не теряет ценности и сейчас, в годы неистового прагматизма, помноженного на чудовищный эгоизм. Не теряет, а обретает новое звучание, жалко, слышат лишь немногие.

Дмитриев, Лена, жена Дмитриева, Ксения Фёдоровна – смертельно больная мать Дмитриева.

Обмен затянется, словесная ретроспекция уведёт глубоко, но не глубже, чем исследовательский художественный щуп изучит психологию героя, пусть и не тянущего на такое звание.

Трифонов-психолог видит внутренний человеческий пейзаж с тою силой, с которой Трифонов-писатель живописует его.

Из среды городской интеллигенции Дмитриев индивидуален под лупой художественного анализа. Как, скажем, Шулепников, Шулепа: некогда такой, ныне инакий. И то, что «ныне» это совершенно неприглядно, не должно свидетельствовать о праздничном былом.

Разворачиваются ленты лет: всегда ли был неприятен Старик – участник Гражданской, или годы, оплетая личность усталостью и опытом, сделали его таковым?

Но психолог не определяет линии развития человека, он фиксирует и исследует их, и то, что психологизм Трифонова был изрядной высоты, во многом сформировало звучание его книг.

Мой отец был типичным представителем советской интеллигенции – физик с широчайшим жизненным и интеллектуальным кругозором. Типичным: необыкновенно мягким, никогда не повышавшим голоса, лучившимся добротой. И то, что Юрий Трифонов был его любимым советским писателем, свидетельствовало о необыкновенной психологической точности (и тонкости!), верной вглядчивости советского классика. Ибо во многих персонажах отец узнавал себя, как узнавали многие-многие... Несколько растерянные в жизни – впрочем, по-своему артистически растерянные, не слишком придающие значение быту, знающие, что внутреннее содержание человека куда ценнее всего внешнего, – эти люди сейчас были бы признаны лузерами... Что ж! Лузер в определённом смысле знает о жизни больше, нежели человек, преуспевший во «внешних жизненных шахматах». Он точно знает, что интеллигентность не миф, а необходимая характеристика человека, достойного именоваться оным, и что мягкость – вовсе не мягкотелость, а желание не задеть другого, не причинить ему боль.

Обмен всегда затягивается, что чревато для жизненных обстоятельств, но не для стилистики.

Городская стилистика Трифонова! Уплотнённые, густые, как бабушкин борщ, с тяжёлым мясом быта и плоти – эти фразы лепятся массивно, созидавая картины жизни, какие в неповторимости своей определяют ностальгический колорит.

Через временное проступает вечное – всегда, если речь идёт о первоклассном писателе. И, перечитывая Юрия Трифонова сегодня, можно не только с дополнительной отчётливостью представить быт и суть жизни отцов, но увидеть, как сквозь изломы и успехи советской яви проступает розовато-золотистое свечение всеобщности – той всеобщности, какая и определяет сущность жизни людской, пускай и незримо для большинства.

Галина ТАЛАЛАЕВА

г. Москва

Член Союза Писателей России. Участник литературной лаборатории «Красная строка».

Горизонталы и вертикали прозы

Говорят, времена меняются. И в нашей стране, которая некогда справедливо называлась самой читающей в мире, читателей становится всё меньше, а тех, кто хотел бы стать писателем, всё больше. Статистика, дело тонкое. Спорить не станем. А прислушаешься к тем, кого волнуют высоты литературного мастерства, пусть в самых начальных подступах к нему, и поверишь, что ничего не потеряно, никакие времена не отнимут у нас желания видеть, слышать, делиться друг с другом сокровенным.

Мой слегка возвышенный тон оправдывают впечатления, пережитые на тематической встрече в московской библиотеке №2 имени Ю. В. Трифонова, приуроченной к столетию писателя.

«В разные времена настоящее выглядит по-разному» – так обозначена тема разговора. Участники литературной лаборатории «Красная строка», во главе со своим организатором, членом Союза писателей России Ниной Александровной Кроминой приняли приглашение и окунулись в осмысление творческого пути и произведений Ю. В. Трифонова, которые помогают глубже понимать историю не только нашей страны, но и каждого из нас.

Встречу открыла сотрудник библиотеки им. Трифонова Мария Вальдес; о творческой биографии писателя рассказала Лариса Викторовна Кравчук, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России; история создания и публикации самого известного произведения Ю. Трифонова «Дом на набережной» прозвучала в выступлении сотрудника библиотеки Екатерины Линевиц.

Объём материала и значимость творческого наследия Юрия Валентиновича Трифонова убедительно говорит о том, что на таких предъюбилейных встречах мы могли бы услышать и еще услышим не одну самую высокую и, не сомневаюсь, справедливую оценку мастерства юбиляра, но мы получили больше. Наша встреча оказалась продолжением тех уроков, которыми Трифонов щедро делился со своими студентами на семинаре прозы в Литературном институте.

«Особенно важно, я бы сказал: бурнописание, страстнописание. Нельзя, решив посвятить себя искусству, выдавливать, как из тюбика, кусочками, полусохшую пасту. В поисках своей темы, стиля, возможностей надо кидаться в разные стороны, пытаться пробовать одно, другое, третье. Редко, правда, но бывает, что человек сразу себя находит. И ещё надо уметь ставить себе большие задачи, даже непосильные, на грани невозможного. Спасти пишущего человека могут не отдельные листочки и тетрадки, а груды исписанной бумаги. Не бойтесь быть графоманами, хотя графомания, на мой взгляд – это сало на литературных костях. Но, во всяком случае, непременно что-то выйдет – или шедевр или открытие правды о себе».

Многое из сказанного Трифоновым на семинаре в Литинституте позже вошло в его книгу «Продолжительные уроки» и стало для его учеников духовным автографом наставника, написал Алексей Казаков в статье «Свидетель эпохи из «Дома на набережной» (1979 г.).

Прислушались к этим словам и участники нашей «Красной строки», потому что творчество – это всегда учёба, неплохой девиз по жизни, вне зависимости от сферы приложения сил.

Один из ярких и продуктивных студийцев «Красной строки» Сергей Мельников заговорил о композиции текста. «Трифонов втягивает читателя в историю, подавая её потоком воспоминаний, который может перемежаться и фантазиями, и предположениями, и ложной памятью, потому что к концу книги возникает чувство, что сам читатель был наблюдателем или участником этой короткой, но очень плотной эпопеи».

А дальше С. Мельников, будто извиняясь, скажет – я не литературовед, терминами не владею, но представит развернутое построение произведения с ёмкими и конкретными примерами из текста. Непрямое говорение, несобственно прямая речь, гиперсписок, контрасты, поток сознания, инверсия, символизм и метафоры – приемы в палитре художника. А для слушателей это не только путеводитель по лабиринтам одного романа, но и писательская школа. И кто знает, какие ещё литературные загадки разгадает или создаст наш Сергей Мельников, а мы порадуемся его открытиям.

Ещё одно выступление хочется процитировать сегодня. Это поэт и прозаик Юлия Пучкова. Она анализирует формирование характера одного из действующих лиц романа, а мы слышим тревогу за тех молодых людей, которые подрастают сегодня рядом с нами, кому предстоит продолжить наш путь.

«Это произведение надо читать в школе, – говорит докладчик Ю. Пучкова. – В романе поднято море мировоззренческих вопросов, все этапы взросления, которые проходят подростки, особенно мальчишки. Тут и травля, и стадное чувство, которое может завести чёрт знает куда и даже привести к гибели. Ни у кого из нас не хватило бы на это терпения: и деление мира на своих и чужих, и трудные отношения отцов и детей, и наличие или отсутствие принципов, и предательство вольное или невольное. А человеком оставаться надо! Это всё нужно обсуждать с ребятами 9–10, а может даже 10–11 классов. Это книга жизни – мы видим, как три мощные силы, а затем и обстоятельства медленно гнут человека в сторону от нравственных принципов, а дальше он гнёт себя сам, движимый стремлением к безопасной, комфортной жизни. Показан процесс превращения обычного мальчишки в беспринципного урода, ищущего для себя выгоду в любой ситуации. Ориентиры добра и зла нужны подрастающему поколению. Нам, состоявшимся людям, не меньше. Убедительно, веско и непрямолинейно говорит о совести писатель Трифонов».

О совести и чести радеет русская литература из века в век. И здесь так уместно прозвучали параллели и духовные связи в творчестве Ю. В. Трифонова и А. П. Чехова, которым посвятила своё выступление писатель, член Союза писателей России Елена Евгеньевна Яблонская. Её лекции хорошо знакомы слушателям лаборатории «Красная строка», но сегодняшнее сближение двух писателей прозвучало особенно трепетно и понятно тем, кому дорог родной язык, родная литература.

«Советский писатель Ю. В. Трифонов обращался к наследию Антона Павловича Чехова постоянно, – говорит Елена Яблонская. – Достаточно вспомнить такие его статьи разных лет как «Правда и красота» (1959), «Нескончаемое начало» (1972), «Книги, которые выбирают нас» (1976). В предисловии к двухтомнику Трифонова 1978 г. говорится о том, что тяготение писателя «к объективной манере повествования, представляющей читателю бесконечный простор для работы мысли» – от Чехова, а в том, как Трифонов тончайше даёт почувствовать, сказывается мастерство и такт художника, не даром бравшего уроки у Чехова». Трифонов «следует за Чеховым, впуская в произведение «поток жизни» во всей его полноте».

И пусть это определение «бытовая проза» не охладит интереса к творчеству Ю. Трифонова, ведь мы знаем, что в самые трудные минуты жизни будущий писатель, а тогда одиннадцатилетний мальчик напишет в своем дневнике: «Жизнь – страшная вещь, и в то же время – лучшая школа.»

Исторические события, через которые прошли поколения советских людей, безусловно, определяли становление характера под духовным влиянием родных. А они были людьми творческими и мужественными, способными видеть свое участие в происходящем. Вот здесь-то и таится тот самый «ген писательства», который мы встретим в дневниках совсем юного человека. А его дисциплина перед страницей тетради, постоянная потребность записывать самое интересное лягут в копилку впечатлений, накапливаемых художником на протяжении всей жизни. Читая «Дневник Юры Трифонова», который был начат девятилетним мальчиком в 1934 году, помнишь слова уже состоявшегося писателя о том, что ничего придумывать не надо, только копить сюжеты, характеры, судьбы в поисках своего голоса, нужна точная передача «бытовых подробностей». При этом точность Факта побеждает самую яркую фантазийность сюжета и добавляет убедительности портрету литературного героя, этому учил своих студентов и сам следовал Юрий Валентинович Трифонов.

Рассказывая об этой замечательной встрече в московской библиотеке на Лесной улице, мне удалось остановиться на малой части вечера, в котором приняла участие литературная студия «Красная строка». Свое приветствие через время писателю отправили Лариса Кравчук, Анна Сатжи, Алена Кубарева, Александр Горохов, Сергей Крюков, Елена Вадюхина, Раиса Егорова, Татьяна Бирюкова и другие. Строки из романа «Дом на набережной» прозвучали в исполнении актёра театра «Голос» Евгения Касаткина. И кажется, мы почувствовали дыхание времени.

А мы, участники литературной лаборатории «Красная строка», ещё не раз откроем книги Ю. Трифонова, переживём его судьбу и скажем спасибо за твёрдость духа и трогательную любовь. Ведь именно так нам и дано рассказать о других и что-то понять о себе, проникая на крыле отведённого таланта «в горизонталь и вертикаль прозы».

Татьяна БИРЮКОВА

г. Видное, Московская обл.

Член Союза писателей России, Союза краеведов России. Автор 7 книг стихов и прозы. Почётный писатель Московской области. Победитель ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» за проект «Возвращение к истокам». Публиковалась в журналах «Поэзия», «Московский краеведческий журнал», «Параллели», в газете «Московский литератор», «Литературной газете», в альманахах и коллективных поэтических сборниках Москвы и Подмосковья.

Утоление жажды или бег времени

О романе Юрия Трифонова «Утоление жажды»

Эссе

Роман Юрия Трифонова «Утоление жажды» (издательство «Художественная литература», год 1967) приобрела недавно в интернет-магазине и как-то сразу погрузилась в него. Я прожила полжизни в Туркмении и словно вновь вернулась в места молодости, мне хорошо знакомые.

Александр Твардовский, редактор журнала «Новый мир», принесшего первый большой успех молодому прозаику, посоветовал после успеха «Студентов» выбрать для новой книги совсем другую тему, производственную, «поднять новый пласт». И Юрий Трифонов едет в Туркмению, где строился Большой Каракумский канал. Тяжелейшие условия труда, производственные конфликты, удаленность от Москвы и экзотическая романтика вдохновляли.

Юрий писал: «Мотался по Каракумам на вездеходах, на верблюдах, на маленьких самолётиках, знакомился, узнавал, записывал, пытался изложить увиденное в виде рассказов. Зимой холода и ветры, летом всё живое в пустыне пряталось от жары, а люди работали! Кабина экскаватора накалялась как котёл на огне, за рычаги голой рукой не берись. И ветры каждодневные, ещё страшней, чем зимой: палящие, крутыми волнами набегающие из афганского пекла. Звался этот ветер – «афганец». Песок от жары делался лёгким, крошился в пыль, и «афганец» носил его над пустыней несметными тучами. Иногда небо вдруг меркло, как во время затмения...»

Могу сказать, что не всегда так страшно в пустыне. Ранней весной – россыпью красные маки на жёлтых барханах, удивительно тонкий запах издают цветы корявого, с гладким стволом дерева саксаул и заросли тамариска близ реки. И скалистый извилистый каньон Мергенишан, который образовался в тринадцатом веке, и ущелье, в котором сохранились девственные участки природы, и фисташковые рощи, и высохшие, глинистые, в трещинах такыры, и солончаки – всё это Туркмения. Всё было интересно Трифонову.

Идея орошения пустыни – вековая мечта туркмен. В начале 1950-х годов люди искренне верили, что будущий канал полностью изменит жизнь республики, превратит пустыню в цветущий сад. Верил в это и Юрий. Восемь раз в течение десяти лет Трифонов ездил собирать материал для нового романа «Канал», впоследствии назван «Утоление жажды».

В 90-е годы моя работа была связана с проверками объектов водного хозяйства, в том числе и каналов, отводящих солёные воды с орошаемых земель в пустыню, но, удивительно (!), применяли те же технологии, что при строительстве Каракумского канала, о котором написал Юрий Трифонов! В те годы грандиозного строительства никто не мог предвидеть последствий – обмеления Аральского моря и экологической катастрофы. В середине 60-х годов Аральское море буквально подходило к железнодорожным путям и видны были лодки и паруса, а в конце 90-х, море отступило очень далеко, его из окон поезда видно не было, куда ни глянь лежал песок. Море и реки, его питающие, Аму-Дарья и Сыр-Дарья, значительно обмелели.

А вот рабочие и тогда, и сейчас, стремились побольше заработать, не жалея себя, это был героический труд, также ссорились и любили, но тяга к овладению профессией была огромная. Бульдозеры, скреперы, трактора – всё это для туркменского дехкана, работающего ранее на своём небольшом клочке земли только мотыгой, было стимулом к новой жизни.

Трифонову удалось передать красоту пустыни, она представлялась ему большими песочными часами: *«Когда идёшь по бархану вниз, ноги погружаются в песок до щиколоток. Это похоже на ходьбу в воде. Тихо шуршит, струится белый песок, пластами сползая вниз. Мне кажется, что я погружаюсь в вечность, плыву в песке огромных песочных часов. Цивилизация и царства, орды завоевателей, народы бесчисленные, как песчинки, всё перемолото временем, всё превратилось в тихо шуршащий, белый, безмолвный песок... От этих мыслей возникает исподтишка чувство приятного превосходства. Чёрт возьми, моя очередь ещё не скоро!..*

Шуршит и льётся песок в песочных часах вечности, и мы не замечаем этого, как не замечаем, например, вращения земли. Но иногда бег времени становится поразительно ощутимым, и вдруг мы слышим его, как нашу кровь, стучащую в висках».

Трифонов наблюдал ход строительства, посещал геологические экспедиции, работал спецкором в газетах Ашхабада, а ещё переводил с подстрочников туркменских писателей. Его интересовали люди и их поступки. В характер главного героя романа Коришева автор вложил много личного. В итоге получилось создать не придуманный мир людей, которых молодой автор смог понять. Мир далёкий от плакатности.

Юрий Валентинович пытался собранный материал превратить в рассказы и напечатать, но на этом пути постоянно встречались трудности. Непривычная правда жизни и правда характеров останавливала редакторов. В одном из рассказов упоминалось землетрясение, произошедшее в Ашхабаде в 1948 году. Юрий писал: «Мы идем по городу, обезображенному страшной бедой. Говорят, когда-то он был красив. Говорят, что он был необыкновенно зелёный и уютный. Зелень осталась. Деревья стоят на земле гораздо прочней, чем дома. Как хорошо быть деревом! Как хорошо ничего не помнить!.. Весь город лежит во тьме, а над головой – цветущее яркими звёздами небо. Оно кажется живым от звёзд, оно переливается, искрится, в нём бродят свечения, голубоватые и серебряные, колыхается беспредельный свет...»

Этот рассказ об Ашхабаде был отвергнут всеми журналами и радио. В то время, да и многие годы потом, я доподлинно знаю, что о масштабе и жертвах землетрясения умалчивалось. У нашего соседа погибли тогда все родственники, об истинной причине отъезда из города, он боялся говорить. Другие тоже молчали.

Неформатным казался тонкий психологизм вместо трудовой темы Твардовскому, который тоже отказался печатать рассказы в «Новом мире». Уязвлённый и разочарованный Юрий отдал их в журнал «Знамя» и уже на 6 лет стал его автором.

Роман пришлось править несколько раз. А когда он вышел, критики восприняли его довольно сдержанно. Алла Пастухова, ей в ту пору было чуть больше двадцати лет, написала рецензию, в которой отмечала, что «главный герой романа является alter ego самого Трифонова». Она стала следить за всем, что выходило из-под пера Трифонова, а он отмечал, что только одна женщина, написавшая критическую статью, поняла и оценила авторский замысел. Алла стала второй женой Юрия Валентиновича.

И всё-таки победа осталась за автором. Роман захватил режиссёра Булата Мансурова... По мотивам романа Трифонова «Утоление жажды» на киностудии «Туркменфильм» вышел 2-х серийный чёрно-белый фильм. Главного героя старого рабочего играл Борис Алейников. Эта роль стала его последней ролью в кино.

Воспоминания после прочтения книги Юрия Трифонова роились в моей голове и будоражили. Проживая в Подмоскowie, я не забыла родные места. Вот и сегодня приснилась жёлтая бескрайняя пустыня и высокое безоблачное небо, гаснущие солнечные лучи веером раскрылись по небу, вода потемнела, а камыши шептались и качали тёмно-коричневыми головками в такт лёгкому ветерку...

Роман «Утоление жажды» – самый лиричный из всех романов Трифонова и сегодня захватывает душу читателя. Я согласна с автором: «Пустыня – удивительное место на земле. Там легко дышится».

Привал на поэтической тропе.....

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ

г. Нижний Новгород

Журналист. Автор 35 книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Аврора», «Звезда», «Студенческий меридиан», «Крылья Родины», «Крокодил», «Смена», «Знаменосец», «Турист», «Собеседник», «Нижний Новгород», «Земляки», «Вертикаль. XXI век», «Чудеса и приключения», в альманахах «Ставрополье», «Неволя» (Москва). Лауреат премии по итогам творческого конкурса (Ставрополь), премии Союза писателей Латвии (за поэму «Красная Лиепая», 1981). Победитель в двух литературных конкурсах: имени Калинина и «Народный автор» (2010).

К 130-летию Сергея Есенина

(21 сентября / 3 октября / 1895 – 28 декабря 1925)

Эти выстрелы прозвучали синхронно в один и тот же день – 30 августа 1918 года. Был убит председатель Петроградской Чрезвычайки Моисей Урицкий и тяжело ранен Ленин. Удивительно одинаково давали показания поэт Леонид Каннегисер¹ и Фанни Каплан. Как утверждали большевики, они сразу же признались в совершении злодеяний и утверждали, что действовали в одиночку. И мотив этих злодеяний был один – месть. Якобы Каннегисер мстил за то, что Урицкий расстрелял его друга, а Фанни Каплан отплатила вождю пролетариата за разгон Учредительного Собрания. Короче, складывается впечатление, что сценарии двух покушений написаны одним и тем же человеком. И самое поразительное, что авторы многочисленных статей и книг о событиях столетней давности прошли, как и следователи, мимо, казалось бы, очевидных фактов. В частности, выясняется, что убийство Урицкого было, похоже, спланировано в Нижнем Новгороде. И не кем-нибудь, а самими чекистами.

Неисправимый романтик

Март 1969 года. Читальный зал РГАЛИ (тогда архив носил название Центральный государственный архив литературы и искусства СССР). Я, студент-заочник Московского полиграфического института, заполняю листок-требование. В нём указано: автобиография Леонида Каннегисера. Мне доставляют сразу три экземпляра этой биографии. Два – в исполнении литераторов А. Морозова и В. Шанталинского, абсолютно идентичные. Я выписываю: «Родился 15 марта 1896 года...», «Отец – Иоаким (Аким) Самуилович Каннегисер (1860–1930), ранее бывший директором-распорядителем завода Общества судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве, работал инженером в области судостроения и металлообработки в Петербурге. Мать – Роза Львовна Сакер (1863–1946), врач. Брат – Сергей (9 марта 1917 года застрелился у себя дома – либо в результате несчастного случая, разряжая свой револьвер, либо покончив жизнь самоубийством, по поздним воспоминаниям дальней родственницы, якобы из-за того, что опасался оглашения информации, что он был тайным осведомителем охранного отделения), сестра – Елизавета (была депортирована из Ниццы в 1942 году и погибла в Освенциме)...»

Сразу же последовало распоряжение начальника Архивного управления МВД СССР о прекращении выдачи документов о Каннегисере. Теперь даже стихов этого автора прочитать здесь нельзя.

Кто же такой Каннегисер? Друг Есенина. Марина Цветаева вспоминала:

«Лёня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись – через все и вся – поэты.

Лёня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лёни не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы – на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу её.) Лёнина чёрная головная гладь. Есенинская сплошная кудря, курча. Есенинские васильки, Лёнины карие миндалины. Приятно, когда обратно – и так близко. Удовлетворение как от редкой и полной рифмы.

После Лёни осталась книжечка стихов – таких простых, что у меня сердце сжалось: как я ничего не поняла в этом эстете, как этой внешности – поверила» (М. Цветаева. Собрание сочинений в 7 тт. Москва, Терра, Книжная лавка – РТР, 1997. Том 4. Книга 1. Воспоминания о современниках).

А вот мнение Паллады Богдановой-Бельской. Эта хозяйка литературного салона меняла мужчин как перчатки. В своём дневнике она писала, что число её поклонников достигало трёх сотен. Среди них был и террорист, сподвижник Бориса Савинкова, Егор Созонов. Только официальных мужей у неё было пять. Ей было тридцать лет, Каннегисеру – девятнадцать. И между ними возникло большое чувство. Они часто встречались, ежедневно переписывались. «Милому Ломаке» (так Паллада звала Леонида, – С.С.-П.) посвящались такие строки:

Картавый голос, полный лени,
Остроты, шутки и детский смех,

¹ Леонид Иоакимович (Акимович) Каннегисер (15 марта 1896, Санкт-Петербург, Российская империя — 1918, Петроград, РСФСР) — русский поэт, член партии народных социалистов, студент Петроградского политехнического института.

Отменно злой – в упорном мщении,
Спортсмен всех чувственных утех...

Каннегисер и Есенин

Леонид Каннегисер начал публиковать свои стихи, когда ему было 16 лет, в 1913 году. Он был знаком с Мариной Цветаевой, Константином Бальмонтом, Михаилом Кузминым, Рюриком Ивневым и другими литераторами. А в марте 1915 года познакомился и подружился с Сергеем Есениным.

Летом того же года Есенин пригласил Каннегисера к себе в Константиново. Такой чести удостоивались только самые преданные друзья. Даже Матвея Ройзмана, автора нашумевшей в своё время книги «Всё, что помню о Есенине», представлявшегося самым верным другом поэта, тот держал на дистанции. А Каннегисер после возвращения в Петербург писал Есенину: *«Всё лето мне было очень хорошо, но нигде так, как в Константинове... А как у вас? Что твоя милая матушка? Очень ей от меня кланяйся. А сестрёнки? Я к ним очень привязался и полюбил их за те дни, что провёл у вас»*.

Одно из своих стихотворений Каннегисер в 1916 году посвятил Есенину. В нём есть такие строки: «С светлым другом, с милым братом Волгу в лодке переплыть...». В свою очередь, Сергей Есенин писал так:

У голубого водопоя
На шишкопёрой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

В момент убийства Урицкого и массовых арестов знакомых Каннегисера (всего было заключено под стражу 467 человек, в том числе 80-летняя бабушка Леонида, Розалия Эдуардовна) Есенина в Петрограде не было. Это его и спасло. Но чекисты за ним следили неусыпно. Их в окружении поэта было много. И тайных, и явных.

Убийство Урицкого

Об этом написано много. Если коротко, то всё выглядело так. Утром 30 августа Каннегисер взял напрокат велосипед и приехал на нём к наркомату иностранных дел, где в это время обычно бывал Урицкий. Поэт ждал его примерно двадцать минут, а когда тот входил в лифт, выстрелил ему в голову. Благополучно скрыться Каннегисеру не удалось. За ним была организована погоня и, в конце концов, убийцу задержали.

Выстрелы Каннегисера и Фанни Каплан, по мнению большевиков, должны были стать сигналом для восстания. Но существует версия, что эта акция была спровоцирована непосредственно Яковым Свердловым и стала поводом для начала широкомасштабного красного террора. Каннегисер был назван членом подпольной террористической организации, которую якобы возглавлял его двоюродный брат Максимилиан Филоненко. Приказ об устранении Урицкого боевики получили, как писали газеты, от Бориса Савинкова. Но на тот момент Филоненко в Петрограде не появлялся. Он находился где-то в другом месте, а потом всплыл в Париже.

Такова официальная версия. Но на допросах Каннегисер её опровергал. По его словам, выстрел в председателя Петроградской ЧК был актом возмездия за казнь его друга Владимира Перецельга, проходившего по делу о контрреволюционном заговоре в Михайловском артиллерийском училище. Кроме того, Каннегисер хотел искупить вину своей нации за содеянное евреями-большевиками. *«Я еврей, – заявил он. – Я убил вампира-еврея, каплю за каплей пившего кровь русского народа. Я стремился показать русскому народу, что для нас Урицкий не еврей. Он – отщепенец. Я убил его в надежде восстановить доброе имя русских евреев»*.

Какая же из этих версий более правдоподобна, если учесть, что отец Каннегисера был знаком с Урицким, а сын перед тем, как привести свой приговор в исполнение, разговаривал по телефону с главой Петроградской Чрезвычайки?

Некто Касаткин

Февральскую революцию Каннегисер встретил в тот свой период, когда учился в политехническом институте. Встретил восторженно. Решил стать офицером, в июне 1917 года поступил в Михайловское училище. Но в феврале следующего года после того, как большевики переименовали это учебное заведение в Первые Советские артиллерийские командные курсы, Леонид стал восстанавливаться в институте.

У Перецельга в Михайловском училище были друзья. Он закончил Казанское военное училище, служил в 93-м пехотном запасном полку. Но вскоре был арестован. 19 августа его и ещё пятерых курсантов и преподавателей училища приговорили к смертной казни по совершенно надуманному обвинению.

Но это было уже после приезда Каннегисера из Нижнего Новгорода. 20 февраля в столовой Технологического института, где проходило чествование Александра Блока по поводу публикации его поэмы «Скифы», Каннегисер неожиданно встретился с Сергеем Есениным. Встреча была короткой, Каннегисер жаловался на то, что работа в «Торгово-промышленной газете» его не устраивает. Как показал на допросе отец Леонида Иоаким Самуилович, сын «принял сделанное ему кем-то из знакомых предложение ехать в Нижний Новгород в эвакуационный отряд». Это предложение, судя по всему, и сделал Есенин. Но он не пытался подставить Каннегисера. Есенин испытывал к другу настоящие чувства и плохого ему никогда не желал. Похоже, Есенина использовали втёмную, вербуя людей для исполнения терактов.

Свидетельств о других встречах поэтов в тот период нет, хотя Есенин находился в Петербурге практически до конца марта. Но есть основания предполагать, что такие встречи были. И совсем не случайно то, что Леонид Каннегисер отправился в Нижний Новгород в одно время с близким знакомым Есенина Иваном Касаткиным.

Касаткин появился в окружении Есенина позже, чем поэт-романтик – в 1917 году, когда они одновременно вступали в кружок «Звено». Иван Михайлович водил в юности дружбу с Генрихом Ягодой и Максимом Горьким, печатал рассказы, очерки и стихи в нижегородских газетах. С приходом к власти большевиков стал чекистом. А ехал он в Нижний Новгород для того, чтобы проинспектировать, как готовится к пуску в эксплуатацию Растяпинский завод взрывчатых веществ. Вторым его заданием было выявление контрреволюционных заговоров. И они были обнаружены уже через пару недель. 24 марта 1918 года газета «Рабоче-крестьянский нижегородский листок» сообщала о раскрытии контрреволюционного заговора: «Душой заговора являлся поручик 7-го Финляндского стрелкового полка Д. А. Громов, адъютант Корнилова, который, главным образом, и выдал своих соучастников. Как член штаба укомплектования добровольческих отрядов для отправки на Дон, он приехал в Нижний и вступил в сношения с так называемыми «общественными деятелями», оставшимися не у дел, – Демидовым, Килевейном, Панютиным и Башкировыми, которые обещали ему финансовую поддержку. Благодаря им же он вступил в контакт с местными организациями белогвардейцев, во главе которых стояли прапорщик Ещин, студент Варшавского политехникума Н. Бирин...»

Трудно сказать сегодня, на самом ли деле существовал этот и другие заговоры, или же это была банальная «липа». Настоящие заговорщики хорошо конспирировались. И чекисты нередко прибегали к самым банальным провокациям. Касаткин же был неплохим психологом, и он вполне мог так обработать 22-летнего поэта, к тому же романтически настроенного, что втянуть его в мифический заговор не составляло большого труда.

Каннегисер легко поддавался внушению. Так что решение по поводу убийства Урицкого он, скорее всего, принял под воздействием Ивана Михайловича, который сумел охмурить и Сергея Есенина, который называл его «учителем и другом». Потом, спустя два десятилетия, Касаткин сам попадёт под асфальтовый каток сталинских репрессий и тоже будет расстрелян.

Надо сказать, что работа в Нижнем Новгороде не удовлетворила Каннегисера. Он горел желанием стать мстителем. И возвращается в Петроград. О пребывании его на Волге свидетельствует только чудом сохранившееся стихотворение «Снежная церковь»:

Зима и зодчий строили так дружно,
Что не поймёшь, где снег и где стена,
И скромно облачилась ризой вьюжной
Господня церковь — бедная жена.

И спит она средь белого погоста,
Блестит стекло бесхитростной слюдой,
И даже золото на ней так просто,
Как нитка бус на бабе молодой.

Запела медь, и немота и нега
Вдруг отряхнули набожный свой сон,
И кажется, что это — голос снега,
Растаявшего в колокольный звон.

Столько всяких нестыковок

В личном архиве Дзержинского обнаружен такой документ, датированный 12 июля 1918 года: «Ввиду грозного момента и исключительных обстоятельств вынесены следующие постановления... б) Предложить ЦК партии отозвать т. Урицкого с поста председателя Петроградской Чрезвычайной комиссии и заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твёрдо и непреклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию». Документ весьма любопытный. Почему же решение чекистского ареопага не было выполнено? Остается только гадать. Похоже, что у главы Петроградской Чрезвычайки нашлись влиятельные покровители в лице Троцкого и его окружения. И Дзержинский

прибег к крайнему средству — убийству, завербовав для этой цели поэта-романтика. И сделал это с помощью Ивана Касаткина, поскольку в деле об убийстве Урицкого есть такая фраза: «в контрреволюционную организацию, в которой состоял Каннегисер, был внедрён сотрудник ЧК».

Что если эта акция и спланирована чекистами? Кажется, в «яблочко». Есть много вопросов, на которые нет ответа. Вот только два: для чего Каннегисер звонил Урицкому накануне покушения, почему при входе в наркомат никто не потребовал у него документы? И самый главный вопрос: а стрелял ли вообще поэт-романтик? Нисим Городинский в своей книге «Записки чекиста» утверждает, например, что убийство Урицкого совершил некто Чинарёв, действовавший по распоряжению самого Дзержинского. Это трудно проверить, поскольку Чинарёв погиб в боях с басмачами.

Чтобы выявить главных вдохновителей заговора, которого, возможно, и не было, следователи дважды пытались устроить побег Каннегисеру. Надеялись, что он перед этим пошлёт записку своим друзьям. Но из этих записок они ничего не поняли. Это были настоящие ребусы. Сам же Леонид Каннегисер показания давать отказался. Это касалось и приобретения револьвера, и партии, к которой принадлежал поэт.

***

Находясь в тюремной камере, сохраняя исключительную твёрдость духа, за несколько дней до казни он пишет такие строки:

Что в вашем голосе суровом?
Одна пустая болтовня.
Иль мните вы казённым словом
И вправду испугать меня?

Холодный чай, осьмушка хлеба.
Час одиночества и тьмы.
Но синее сиянье неба
Одело свод моей тюрьмы.

И сладко, сладко в келье тесной
Узреть в смирении страстей,
Как ясно блещет свет небесный
Души воспрянувшей моей.

Напевы Божьи слух мой ловит,
Душа спешит покинуть плоть,
И радость вечную готовит
Мне на руках своих Господь.

***

Точная дата расстрела Каннегисера неизвестна. Скорее всего, это произошло в период с 18 сентября по 1 октября 1918 года. А 20 ноября 1992 года был вынесен вердикт: «Реабилитации не подлежит». Но вот какой фокус: многих расстрелянных реабилитировали, но их не помнят. А Леонид Каннегисер не забыт. «Человеческому сердцу не нужно счастье, ему нужно сияние, – писал он в тюрьме. – Если бы знали мои близкие, какое сияние наполняет сейчас душу мою, они бы блаженствовали, а не проливали слезы» (Российский государственный архив литературы и искусства).

Леонид Каннегисер и Сергей Есенин

Большая часть литературного наследия Каннегисера хранится в секретном фонде Центрального государственного архива литературы и искусства в Москве. Доступа к нему нет. Всё, что процитировано, – украдено из ЦГАЛИ и других архивов. Поэтому никаких ссылок нет.

п р о з а

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Наталья ЯЧЕИСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Пути земные и небесные», «Тонкая грань», «Вечное лето» и др. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Тёмный след Цусимы

(к 120-летию Цусимского сражения и 80-летию завершения Второй мировой войны)

Вторая половина XIX века оказалась крайне сложной для Китая. Иностранные державы вели активную политику по разделу ослабленной войнами страны. Для некогда могущественного государства наступил «век унижения», длившийся до середины XX века, – длительный период, когда Китай подвергался эксплуатации, насилию и ослабляющему воздействию со стороны империалистических держав. Великобритания, Франция, Германия и Япония вели борьбу за зоны влияния в Китае, который виделся им лёгкой добычей. Не хотела отставать от них и Россия.

В это время в России ускоренными темпами шла индустриализация, но Сибирь, богатая полезными ископаемыми, была фактически отрезана от европейской части страны. В этих условиях российское руководство в 1891 г. приняло решение о создании железной дороги – Транссибирской магистрали (Транссиба), способной соединить Сибирь с остальной частью России. Работы по созданию Транссиба начались при Александре III и были закончены при Николае II. Дорога пролегла из столицы во Владивосток через Москву, Рязань, Оренбург, Уфу, Челябинск, Новосибирск, Иркутск, Улан-Удэ, Читу и другие крупные города. При доведении участка Транссиба до Читы возник вполне логичный вопрос о наиболее коротком способе соединения Читы с Владивостоком. Лучшим решением виделось проведение ж/д ветки через китайскую Маньчжурию. Главным идейным вдохновителем этого проекта являлся министр путей сообщения Витте. Строительством дороги, получившей название Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) было оформлено секретным русско-китайским договором 1896 г., который предполагал защиту Китая в случае японской агрессии. Для целей проекта было создано акционерное общество КВЖД, учреждённое Русско-Китайским банком. Обществу КВЖД правительство Китая бесплатно передавало государственные земли, необходимые для постройки, эксплуатации и охраны железнодорожной линии. Общество имело право безусловного и исключительного управления полосой отчуждения, включая город Харбин, было освобождено от ряда китайских налогов и пошлин, от контроля со стороны китайского правительства. Срок действия концессии на строительство и эксплуатацию дороги составлял 80 лет. КВЖД была построена в рекордные сроки – в 1897–1903 гг. Основная ветка связывала Читу с Владивостоком, южная ветка вела от Харбина в Порт-Артур, где разворачивалась российская военная база.

В ноябре 1897 года на заседании российского кабинета министров обсуждалась записка министра иностранных дел графа Муравьева с предложением занять китайский незамерзающий Порт-Артур или рядом находящийся Далянь, с учётом того, что немцы незадолго до этого заняли китайский порт Циндао, а английские суда курсировали вблизи Порт-Артура и Даляня. На этом заседании Муравьев заявил, что считает такой шаг весьма своевременным, так как для России было бы желательно иметь военно-морскую базу на Дальнем Востоке. Государь император поддержал эту инициативу, посчитав, что если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане. В Петербурге намеревались превратить Порт-Артур во вторую, наряду с Владивостоком, военно-морскую базу Тихоокеанского флота России.

Переговоры велись одновременно в Пекине (на дипломатическом уровне) и в самом Порт-Артуре. Китайское правительство сначала не соглашалось на российские условия, но не имело сил им воспротивиться. В 1898 г. между Россией и Китаем был подписан договор об аренде на 25 лет двух портов на юго-западной оконечности полуострова Ляодун: Порт-Артура и Даляня (Дальнего) с целью создания там военно-морской базы. Русская эскадра незамедлительно вошла в Порт-Артур. Командующий эскадрой Тихоокеанского флота контр-адмирал Дубасов быстро решил вопрос высадки русских войск в Порт-Артуре и ухода оттуда китайского гарнизона. С прибывшего из Владивостока парохода «Саратов» на берег сошли первые русские воинские части. Это были две сотни забайкальских казаков, дивизион полевой артиллерии и команда крепостной артиллерии. Строительство крепости было начато в 1901 г., к 1904 году было выполнено около 20% общего объёма работ. В порту базировалась 1-я Тихоокеанская эскадра (7 броненосцев, 9 крейсеров, 24 миноносца, 4 канонерские лодки и другие суда). В крепости был расквартирован Порт-Артурский крепостной пехотный полк.

Казалось бы, успех российской дальневосточной политики был очевиден: в Порт-Артуре была создана крупная военно-морская база, вошёл в действие Транссиб, заработала КВЖД, причём грузо- и пассажиропоток в первые годы превзошёл все ожидания; акционерное общество КВЖД работало с огромной прибылью. Но, как говорится, «Восток – дело тонкое». При планировании указанных проектов, у которых, кстати, хватало противников среди российских политических деятелей, не были тщательно просчитаны возможные политические риски. А на Востоке и политическая, и экономическая ситуация может меняться довольно быстро, поэтому на этом направлении надо уж точно «семь раз отмерить», прежде чем отрезать. Активизация присутствия России в Китае и Корее вызвала резкое противодействие со стороны Японии, имевшей виды на превращение этих стран в свои колонии. Сыграли свою негативную роль и внутрикитайские процессы (восстание ихэтуаней в 1900 г. против иностранного засилья), и общая расстановка международных сил, и неосознание Россией своего военно-технического отставания от потенциального противника, что было особенно опасно при ведении боевых действий на чужих территориях. Не могли не отразиться на общем состоянии дел и предреволюционные события в России, отход людей от веры и связанное с ним падение нравов. Митрополит Иннокентий Пекинский (Фигуровский) писал в те годы: *«Живя в Дальнем, я удивлялся и скорбел душой о той беспечности и непробудном разгуле, который царил там накануне самых военных событий... Если русский народ вовремя не образуется и не принесёт плодов раскаяния, его неминуемо ожидает горькая участь»*. Увы, так оно и произошло. И как это ни печально, российские проекты в Азии прошли путь «от хитрой геополитической идеи к катастрофе».

Особую роль в российских неудачах сыграла, как водится, Великобритания. «Англичанка опять нагадила», говорили в народе. В 1902 г. был заключён *англо-японский союз о помощи Британии* Японии в случае конфликта с третьей страной, под которой подразумевалась Россия. И той, и другой стороне не давало покоя усилившееся присутствие России на Востоке. В Японии началась настоящая военная истерия, сопровождаемая призывами «высечь русского медведя». Прикрыв свои тылы соглашением с англичанами, Япония в ночь на 9 февраля 1904 г. напала на русские корабли в Порт-Артуре. Днём 9 февраля при выходе из порта Инчхон крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вступили в неравный бой с японской эскадрой, и их командиры предпочли затопить свои корабли, но не сдать врагу. Началась русско-японская война (1904–1905 гг.). Враг стремился уничтожить нашу эскадру или заблокировать её на внутреннем рейде Порт-Артура. Эти попытки были отбиты огнём русской флотилии. Прибывший в Порт-Артур адмирал Степан Макаров, командующий Тихоокеанской эскадрой, развернул энергичную подготовку к активным действиям на море. 9 марта японский броненосный отряд подошёл к Порт-Артуру, но был успешно отбит вышедшей навстречу русской эскадрой. 29 марта 1904 г. Макаров лично вывел эскадру навстречу японскому флоту, вновь подошедшему к Порт-Артуру. Но во время боевого перестроения флагманский корабль «Петропавловск», на котором находился командующий вместе со своим штабом, подорвался на японской мине и затонул. Весь экипаж, включая адмирала Макарова, погиб. Погиб и находившийся с Макаровым его друг, великий художник-баталист Василий Верещагин. Незадолго до этого Верещагин писал: *«Я всю жизнь любил солнце и хотел писать солнце. И после того, как пришлось изведать войну и сказать о ней своё слово, я обрадовался, что вновь могу посвятить себя солнцу. Но фурия войны вновь и вновь преследует меня»*. Ослабленная утратой боеспособности двух броненосцев и особенно гибелью флотоводца, русская эскадра была уже не в силах противостоять превосходящим силам противника.

Как показало время, Россия оказалась не готовой к войне с сильным, малоизвестным и хорошо подготовленным противником. В декабре 1904 г. пал Порт-Артур; шли кровопролитные бои в Маньчжурии, было проиграно крупное сражение в Мукдене и в устье реки Амноккан (на границе Китая и Кореи, где вела лесоразработки русская Восточно-Азиатская промышленная компания). Протоирей Митрофан (Сребрянский), служивший полковым священником во время русско-японской войны, писал в то время: *«Я не мог без слёз смотреть на проходивших мимо меня драгун; все шли молодец к молодцу; я видел и знаю их честную и храбрую службу на протяжении всей войны, и вдруг они едут домой побеждёнными и опозоренными»*.

28 мая 1905 г. русская эскадра была разбита в Цусимском сражении. Это было последнее морское сражение в русско-японской войне, в котором российский императорский флот потерпел сокрушительное поражение. В Цусимской битве участвовали Объединенный флот Японии под командованием адмирала Того Хэйхатиро и Вторая Тихоокеанская эскадра России под командованием адмирала Зиновия Рождественского, которая перед тем находилась в пути более семи месяцев и прошла 18 000 морских миль (33 000 км) от Балтийского моря. Русские надеялись дойти до Владивостока и установить военно-морской контроль на Дальнем Востоке, чтобы поддержать русскую императорскую армию в Маньчжурии. Российский флот имел большое преимущество в количестве линкоров, но в целом был более старым и медлительным, чем японский флот. Русские были замечены японцами ранним утром 27 мая, во второй половине дня японцы начали сражение. В начале боя Рождественский был ранен и потерял сознание, а к вечеру четыре его линкора были потоплены. Ночью японские эсминцы и торпедные катера атаковали оставшиеся русские корабли. Все одиннадцать российских боевых кораблей были уничтожены, из них семь потоплены и четыре захвачены в плен. Спасти удалось лишь нескольким военным кораблям. Потери русских составили: более 5000 человек убиты и 6000 взяты в плен. Японцы, не потерявшие ни одного крупного корабля, имели 117 человек убитыми.

Потеря всех крупных боевых кораблей флота вынудила Россию пойти на мирные переговоры. В августе 1905 г. в Портсмуте (США) при посредничестве американского президента Теодора Рузвельта был заключён мирный договор между Россией и Японией. По этому, позорному для России, Портсмутскому договору Россия уступила Японии г. Порт-Артур и Дальний, Южно-Маньчжурскую железную дорогу и Южный Сахалин (отобранный позже у Японии по итогам II Мировой войны).

Цусимское сражение и последовавшее за ним поражение в войне имели для нашей страны роковые последствия. Авторитет царя и государственной власти был подорван, в России начались социально-политические волнения, демонстрации и забастовки, подогреваемые силами извне, что вылилось в итоге в революцию 1905 г., последующие Февральскую и Октябрьскую революции, свержение царя, крушение Российской империи.

Япония же торжествовала победу: Цусимское сражение было воспринято ею как одна из величайших морских побед в истории Японии, это был первый серьёзный удар, нанесённый «по превосходству белой расы». Адмирал Того был провозглашён национальным героем. Изображения горящих российских броненосцев и эсминцев можно было увидеть повсюду – в газетах, на картинах и открытках, и даже на веерах и детских платьях. После победы в войне с Россией Япония почувствовала себя сильной империалистической державой. В обществе нарастали шовинизм, национализм и милитаристские тенденции, подогреваемые идеологами и средствами массовой информации. В 1910 г. Япония полностью аннексировала Корею в качестве колонии и начала тотальную трансформацию её политических, образовательных и социальных институтов в соответствии с японскими нормами, сопровождая свою политику невиданными зверствами в отношении мирного населения. В Японии всё чаще звучали заявления о своей культурной исключительности и расовой уникальности. Япония провозглашала себя самой сильной страной Азии, берущей на себя роль «цивилизатора» в отношении других азиатских стран. Шовинистическая идеология японского милитаризма окончательно оформилась в период 1920–1927 гг.; Япония решила перейти к активным действиям на континенте, заявив о планах создания «Великой Восточной Азии» под своим началом. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с бывшим китайским императором Пу И. Летом 1937 г. Япония развязала полномасштабную войну с Китаем, (оккупация которого продолжалась до 1945 г.), отличавшуюся невиданной жестокостью и массовыми убийствами. Военная жестокость по отношению к мирным жителям и по сей день остаётся основной причиной напряжённости в отношении между Японией и её соседями, особенно Кореей и Китаем.

27 сентября 1940 г. Япония вступила во Вторую мировую войну, подписав Тройственный Берлинский пакт с Германией и Италией и напав на Индокитай. США ответили санкциями, запретив экспорт нефти в Японию. Но Япония уже чувствовала себя сверхдержавой, непобедимой империей, ведущей свою историю от богини Аматаэрасу. 7 декабря 1941 г. Япония атаковала американский флот в заливе Перл-Харбор и большую часть американских самолётов на Филиппинах. Стратегические цели наступления заключались в том, чтобы нанести ущерб Тихоокеанскому флоту США, захватить нефтяные месторождения в голландской Ост-Индии и сохранить свою сферу влияния в Китае, Восточной Азии, а также в Корее. США вступили в войну с Японией. Силы были не равны; постепенно происходило истощение ресурсов японской армии. В феврале 1945 г. американцы предприняли бомбардировки Токио и затем Осаки, Кобе и Нагои. В общей сложности по стране сгорела четверть жилья. В апреле 1945 г. американцы достигли Окинавы – отправной точки для вторжения на основную территорию Японии. 26 июля 1945 г. США направили Японии Потсдамскую декларацию с требованием безоговорочной капитуляции. Япония не удостоила её ответа. 6 августа США подвергли атомной бомбардировке Хиросиму. Вечером 8 августа, согласно предварительной секретной договорённости в Ялте, СССР присоединился к Потсдамской декларации и объявил войну Японии. Советские войска вошли в Маньчжурию и Корею, начались военные действия. 9 августа США подвергли атомной бомбардировке Нагасаки.

Кабинет министров Японии хотел капитуляции, но военное командование страны отказывалось сделать это, продолжая боевые действия. Наконец, император Японии обратился к нации по радио с требованием пойти на капитуляцию, «вытерпеть нестерпимое и вынести невыносимое». 14 августа 1945 г. японский имперский генеральный штаб, по приказу императора Хирохито, выпустил общий военный и военно-морской приказ, который повелевал всем своим командующим в Японии и за её пределами дать приказ находящимся под их командованием японским вооружённым силам прекратить военные действия немедленно, сложить оружие, остаться на своих настоящих позициях и безоговорочно капитулировать перед командующими, действующими от имени Соединённых Штатов, Соединённого Королевства и Союза Советских Социалистических Республик.

2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о капитуляции, положивший конец Второй мировой войне.

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Седых Анжелла Валерьевна. Филолог по образованию (ИГПИ). 30 лет преподавала русский язык и литературу, а также мировую художественную культуру, мировые религии и светскую этику. Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Холстинки из цикла «Господне Лето»**Спасовка**

Августа купель. Мятные холстинки. Спасы на дворе. Богородичьи дни. Жизнь русского народа вся, как есть, на ладони. Люди испокон веку чтит святое, сами были как у Христа за пазухой. Мне кажется, для первых христиан святость и была смыслом жизни. Они так жили. В посланиях обращались друг к другу: «Святым такой-то Церкви...». Они знали Евангелие, святоотеческую литературу, жили по уставу. Особенно строгим он был во время оно – когда начинался пост.

Август строгостный! С 14 числа Успенский пост, вровень с Великим. Но людям он был всегда на радость, и они ласково его именовали Спасовкой. Ибо это время личного подвига воздержания. И человеческая душа нуждается в чистоте, тишине и пище. Помните о языке, которому тоже уместно «попоститься». Ей-богу, не лукавлю. Однажды просто открыла Библию, и попала вот эта фраза: «Возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (1-е Послание Петра 2:2). Она теперь всегда со мною. Сложно соответствовать, но хочется. Треплемся на ветру слов, мнений, запал потушить не сразу удаётся. По-простому и смиренно бабушка говаривала: «Господь не оставит». И впрямь, если Богу угодно смирить сердце человека, Он это устроит. Август – самое время спасти душу.

У всех на слуху: Спас на воде, Спас на горе, Спас на холсте. Куда проще? Медовый, он же Мокрый. Яблочный. Ореховый или Хлебный. Самые русские праздники. Неужели то и дело веселиться и столы накрывать?!

Нет же. Ключевое понятие, которое мы получили от нашего православного мира, – жить по Писанию. Княжеское дело на Руси – знать священные образы, им не перечить, многократно соответствовать во всём. Да, не лыком шиты, не для хромоты рождены. Может, и не князья, но Божьи мы дети. Сам Спас с нами. Это славянское слово – одно из богословских имён Иисуса Христа – Спасителя. Ему посвящены эти дни. А откуда они пошли?

Великий князь Андрей Боголюбский учредил в 1164 году праздник Всемилоственного Спаса. По преданию церкви, Медовый Спас получил от народа титул Боголюбского. Мёд – символ света, земного пастырства Христа. «Мёд и молоко текут в Земле Обетованной» (Исх. 3:8). «Медоточивые слова» в Евангелие означают красноречие в делах духовных... На самом деле, примеров (образов) достаточно. Только черпать их желательнее самим.

Душа же летит к 19 августа, к. Преображению Господню. В народе оно запомнилось как Яблочный Спас. Согласно древнему обычаю, с утра в храмы понесут для освящения плоды нового урожая. В VII веке первые снопы и виноград преподносили в благодарность Богу за Его любовь, за дарование щедрого урожая. Таинственно-символическое значение этой традиции состоит в том, что и природа, искажённая после грехопадения человека, нуждается в обновлении не меньше самого человека.

Богородичный пост завершится 28 августа праздником Успения. Спаситель с любовью встречает свою Матерь. Он примет её в небесную славу, даруя ей жизнь вечную. Спаси, Господи, и нас грешных.

Мокрый Спас

Август благовествует и единовременно взыскует с потомков. На его горбе Сам-третьей – три Спаса. Традиционно, 14 числа, в самое утро строгого Успенского поста, Мокрый Спас, или, как его называют в простонародье, Медовый. В этот день верующие поминают Спасителя с особенным трепетом. Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня говорит само за себя. Страдания на кресте Иисуса Христа были более чем искупительная жертва за живущих на Земле.

В VIII веке праздник, отмечаемый в Константинополе, ныне вошёл в каждый русский дом. По легенде, в городе свирепствовала страшная эпидемия, справиться с которой не мог ни один эскулап. Тогда священнослужители прибегли к помощи Животворящего Креста, на котором был распят сам Христос. Они вынесли Его к людям, чем обескровили чуму. Все водоёмы были освящены. И тысячи паломников последовали к святым родникам. Живая вода исцелила их недуги. Вот потому-то это, прежде всего, Мокрый Спас.

И всё-таки в этот день не обойтись без мёда. Тянется с ложек тёмный, золотистый, бурый, сзелена, красный – всякий мёд. Ото всех цветочных блюдцев умными пчёлками собрана пыльца. И какая! Липовая, гречишная, подсолнечниковая, кипрейная, донниковая, падевая. Источник падевого мёда – медовая роса, её, опьянённые влагой, цветочные головы уронили наземь. А всё те же пчёлки её бережно подняли. В ней меньше сахара, что не может не нравиться, но больше пользы. С виду падевый мёд не привлекателен – тёмно-зелёная вязкая масса, подобно дёгтю. Но она не испортит ни торжество, ни будни. Страдная на исходе, люд приуготовляется к зиме. Пора озимого хлеба. Время присобирать к зиме съестное. Проза жизни. А как без неё?

И всё же посту – поклоны и милости. Успение Богородицы – праведная кончина Божией Матери, событие горько-радостное. Пречистая Мать 28 августа, что приходится на конец поста, воссоединилась со Своим Сыном. Ей, Благословенной и Пречестной, и посвящены строгостные августовские дни. Со смирением положены они и начертаны для Спасения души и тела. Нам же только искренне желать идти вослед Христу и Его Матери.

Яблонево горсти Спаса

Погожий август тешит свет. Ломятся столы в церковной ограде от тяжёлых корзин с плодами и пирогами. В Преображение Господне принято освящать эту земную радость, подавать милостыню. Людно. Сытно. Аромат свежих яблок за версту слышен. Ешь. Не робей. Яблочный Спас никого не обидит. А до него даже думать забудь про белый налив и прочие лакомые. Приспело. Навалились мужики и бабы на яблоки, едят их с сочным треском, с задором. Но первое – для угощения. На него желание загадывают. Сбудется – верь.

За Уралом у каждого в саду яблоневые горсти. Каждый день три ведра паданки. Наземь сыплются «Машины стаканчики», сахарные «Конфетки», говорливый голландский «Штрейфлинг», бодряя анисовка. Собирают их, не ленятся, вареньице, мармелады и компоты катают в банки, винные амбары обновляют. А в Сибири скромнее урожай. Понятно, не каждая яблонька стужу выдержит, кутай не кутай, как повезёт. Северные фрукты не такие крупные и щедрые на вкус. Однако ж их пуще всего поливают колодезной водицей, берегут от недужи. Дети же и кислому ранету рады. Облепят стволы, под самый верх, вровень с чердачным окном, заползут и, как из засады, пуляют косточками и объединёнными сердечками в собак. Дворовые псы кружат на цепи. Авось, иная косточка перепадёт. Пождут. Далеко не отходят от «ветхозаветной». А на детей – грех сердчать, пустолаем заниматься.

И всё же на Спас домашним – потешные ряды в угоду. На всякого живописное яблочко приуготовлено. На семи ветрах обветрено оно, лазоревым ситцем облакано, на фарфоровом блюде катано, всеми цветами жизни разодето. Наливное белое, душистое красное, зелёное с малиновым рукавом, жёлтое с янтарным бочком, сквозное павловское. Синичное пупырышко кверху – не налюбуйешься. А у иного, зрелого, семечки, как колокольцы, внутри погромыхивают, точно невидаль. Лучшие русские яблочки – все здесь. До ночи с ними возятся. В трапезной толчея. Уродилась ядрёная антоновка. Как её не насыпать в пирог? Как не опустить в кадку? Как всем звёздам мочёные яблочки не показать? Гулким стуком отзовется тишина, нарушаемая клёкотом птиц и падением яблочка в самое донышко деревянного бочонка, приспособленного железным обручем, точно кушаком. И чтоб смягчить этот яблоневый град или для иной какой надобности, на самое дно бочки положена седая солома.

Мочёные, толчёные, пареные, жареные, печёные, варёные. С мёдом, припудренные, с орехами, с овсяными хлопьями и рисовым пудингом... Каких только сахарных блюд свет не видал! На всё мастера найдутся их сгношить. Да за всей этой радостью Божья прежде всех. Спасительная она. Потому яблоки-то кропят (освящают), а о душе пекутся. С яблоком в ад попали, с яблоком из него и выйдут. На взгорке Крестный ход. Несут золотые хоругви, Спас Нерукотворный выше всех, Богородичные иконы на белых платках пониже. Ласковый звон по-над Киренгой, по-над Леной. Подымаются от края до края монастырские кумачи и скрижали. Серебром и медью отзывается каждая лавка Господня. И сквозь краткое затмение от этого буйства вдруг пробьётся ключом благодатная молитва о плодах и винограде, а с нею прилетят и на тебя струйки святой воды, рассылаемые щедрой рукой отца Власия. И душа вспорхнёт птицей под облака, раздумывается, что ароматный розовый яблонный дичок. И уже круглый август покатится к третьему Спасу. Вкусно.

Госпожинки

Марципановые облака плывут. Воздух бодрит. В жёлтых листьях вся Киренга. На задках августа Госпожинки – празднование Успения Пресвятой Богородицы. Богодухновенное время. В каждом доме в этот день благословляют травы. Господь даст – и все сыты будут. На траве лежали, траву ели, ею лечили, всякую хворь отгоняли. Люди уж забывать стали, как обескровленных солдат добрая матушка соком крапивы отпаивала. Толкла колючие листья в ступке, кашицей раны обрабатывала, в старые простыни обматывала, через неделю, другую всю гною вытягивало, нежная кожа нарастала – и человек подымался.

Летось в поле бабы собирали лебеду, сныть, конский щавель, лабазник. Набьют полные фартуки съедобными травами и в монастырь снесут. Там завсегда эта лекарская душа кстати. В подвале до зимы стояли бочки капусты, огурцов и опять. Их мешками носили, долго над ними не мудрили – обдадут кипятком, анисом пряным присыпят. Вот и пост.

Зима раскошелит, август Спасами затарит. Мочёное яблочко с чёрною полыньёю и ржаной соломой вкуснее обычного. А петровская репа с грядки слаще пареной! Мм... Картошечка с небес! Бабушка баяла внушным, что ангел ночью спускается и в ведёрко картошечку насыпает. Утром проверят – так и есть. А уж сколько из неё вкусноты приготовить можно, знает даже ленивый.

Ни одну травинку, ни один корешок с огорода не выбрасывали. Уже с весенней пахоты корни эти в мешки складывали и на чердак намытыми несли. Там сушили. А на большой неделе перетирали на камнях в муку, пекли хлеб, лучше пшеничного. Запах стоял не только в сенях. «Опять Маланья шаньги печёт!» До слюнок. Душистый. Кто поест – раздумывается.

Благословен Господь. Каждая былинка у Христа за пазухой. Мудра от века. Есть у меня одна Лидия, так она по роду знает, как из 99 трав настойки сделать. Такая горько-сладкая юдифь всякое лихо из нутра достанет. Научиться бы этому бабьему ремеслу. Всех бы на ноги поставила. Бандеролями бы в города и веси высылала травы. Чабрец, или богородскую, шалфей, зверобой, подорожник, клевер, сосновые шишечки, пихтовое маслице, ягодные пожинки, цветочные венчики. Любовь земная.

На Руси в каждой избе обязательно висели заветные кулёчки – над порогом, в сенях ли. До революции на базаре всем Иванам да Марьям дёшево продавали корни лопуха, пырея и листья кипрея, отсюда и прозвали его иван-чаем. И жили лет до ста. В преклонные девяносто бабушка Стася – соседка с Ербогачёна – печку сама топила, дрова колола, по воду ходила, Христа ради подавала. Господь её берёт, нужную травку давал.

Старые люди рассказывают, что по травке, которая к дому прибилась, в огороде приросла, можно определить болезнь хозяина. Если спорыш одолел – суставы изнашивались. Ковёр пустырника – сердце колыхается или нервы сдали. Донник у порога – собери, вены полечи. Ну а если чистотел прирос – кожное и сложное одолеешь. Каждому Боженка травку даёт – живые таблетки. Такими травами вся Россия лечилась. А главное, люди друг друга не оскорбляли, прощали, смиряться. Деткам пели «Отче наш» с колыбеля, они успокаивались под молитву «Царице моя Преблагая». Причащали младенчиков Святых Христовых тайн, чтобы нормальными росли, здоровыми, русскими. Батюшка благословлял есть рыбу, пить молочко. И ходили красивые, в платочках, в цветастых длинных юбках и сарафанах, в белых рубашках. Все ткани дышали, тело не старили. Говорили: «Ты не должна болеть – ты в юбке ходишь!» Не шутки.

Август скатился – шиповник народился. Какой чай с его плодами! Какой аромат! Да и про Ореховый Спас не забудешь. Добрый охотник уже сбил шишку, собрал ядрышки с кедровки. На столе любая семечка кстати. Ржаной хлебушек с подсолнечными, льняными или тыквенными семечками как будто для Госпожинок. Испечённый на закваске, не заплесневевает, разве что затвердеет. Раньше девицу замуж не брали, если она не умела печь такой хлеб. Пеките хороший монастырский хлеб и будьте счастливы. Главное от вас не уйдёт, остальное под снег ляжет. За всё слава Богу!

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат ряда российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Учёный-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два учёных звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н. И. Пирогова и Макариевской премии 2022 года.

Чего только в жизни не случается!

Рассказ

Николай Андреянович, доцент ракетного факультета, по-нынешнему мухослонопревращению института местного госуниверситета, выслушал как-то весёлый рассказ своего давнего приятеля, профессора Скородумова с биофака, то есть института, с которым они ранее трудились в оружейном НПО «Меткость», о совпадениях в жизни. Даже разделённых временем и в разных государствах, то есть в Советском Союзе и в нынешней России. Выслушал и усмехнулся: чего только в жизни не случается! И в свою очередь, алаверды по-кавказски, поведал о ещё более странном, исторической важности совпадении.

В самом начале своей инженерной карьеры, ещё не выйдя из статуса молодого специалиста, послан был Николай – как далеко ему до Андреяновича! – в пустынную командировку в Калининград: из числа тех, в которые время от времени почти что нарочито посылают свежееперённых инженеров, чтобы привыкали к мобильности и не засиживались на своих стульях. Словом, на тамошнем небольшом заводе сверить ведомость на заказанное лабораторное оборудование совершенно мирного профиля, передать гарантийное письмо и в тот же день назад.

Истинно не зря молодых инженеров натаскивают на сообразительность в пустышных пока командировках! Иначе почему Николай, сев в столице в поезд до Калининграда, несколько удивился: летом, в самый сезон перемещения советских граждан по стране, тем более в направлении Балтийского моря с его песчаными пляжами, то есть в места курортные, а в вагоне не более десятка пассажиров?! Это-то он зорко отметил, проходя к своему месту в плацкартном вагоне. И дородная, опытная проводница, повертев в руке на входе его билет с местом назначения, как-то со смыслом посмотрела на симпатичного парня. И всё же не утерпела, когда поезд тронулся и пришло время разносить постельные принадлежности:

- А что ты, молодой человек, едучи до Калининграда, на наш долгоиграющий поезд билет-то взял?
- Да-а, в кассе спросил, и мне дали. А почему долгоиграющий?

– А потому, что в отличие от прямых от Москвы до Калининграда, что через Белоруссию и Литву идут, наш в полтора раза дольше тащится, со всеми остановками и круголесит по всей Прибалтике!

– Так кто же на нём, в смысле на вашем поезде, тогда ездит?

– Он как электричка междугородная: на одной станции войдут, дождутся своей и выйдут. В этом смысле удобен для жителей нескольких областей. И для прибалтов тоже. Летом, как сейчас, даже грибки-ягодники, рыболовы, а зимой охотники частые наши пассажиры. Долгих-то, навряд тебя, почти и не бывает. Поэтому и вагона-ресторана нет, пустовать будет. И по той же причине летом купейных вагонов нет, не говоря уже о мягких – их и зимой в состав не подцепляют. Сейчас вот от Москвы подальше отъедем, начнёт народ садиться и сходить. Ну-у, парень, в следующий раз на наш номер билет не бери. Сейчас же, как говорится, не в свои сани не садись, а севши, долго катись, ха-ха-ха!

Отсутствие вагона-ресторана особо не огорчило: словно предчувствуя его конфузию с долгоиграющим поездом, дома ему основательно затарили дорожную сумку на ремне через плечо. Однако чем заняться? Всего лишь второй час пополудни – сон дневной и горячей молитвой не выпросишь у кого следует. Застелил барскую нижнюю полку вперёд по движению состава, переобулся в домашние тапочки, полуприлёг, облокотившись локтем правой руки на подушку, вынул из сумки взятую в дорогу книгу – на днях купленный «Подросток» Достоевского, прикрутил до минимально различимой громкости ручку поездной трансляции и продолжил уже начатое чтение «самого загадочного романа нашего великого писателя и знатока души человеческой», – как вспомнил он слова учительницы литературы Марии Ивановны, у которой Николка-паровоз (его школьное прозвище – по имени детского персонажа из книги «Бронепоезд 14-69» советского классика Всеволода Иванова) ходил в круглых отличниках.

Приятное чтение, тихая музыка из подпотолочного динамика, лучи ещё высокого солнца не тревожат глаза, скользят мимо окошка по движению поезда с востока на запад. А тёплый ветерок, проникающий сверху, через щёлку слегка спущенного оконного стекла, приятно щекочет лоб и щёки. Красота! В таком малолюдстве и долгоиграющий поезд не докучает.

От полного спокойствия тела и души, от ритмического постукивания колёс на стыках рельс даже посреди ясного летнего дня потянуло в дремоту. Но её в самом начале прервало вежливое, нарочито-предупредительное покашливание. Николка раздвинул веки и поднял глаза в сторону вагонного коридора: напротив его условного купе-отсека стоял очень даже ладно сложенный, несмотря на угадываемый возраст в середине шестого десятка и седовато-пепельные, слегка выходящие волосы, в усах, мужчина среднего роста.

– Извиняюсь, молодой человек, не обеспокою?

Уверенный, но в то же время учтивый баритон сразу выдавал в нём воспитанного человека, а выправка, умело подправленная парикмахером причёска, усы и этакая ладность даже в облегчённой летней одежде сразу напомнили Николаю знакомых им военных отставников из числа старших офицеров... но не генералов! Не сообразившись с ответом, Николай неопределённо слегка наклонил голову вправо, в сторону купе. Незнакомец, истолковав это как приглашение к знакомству, подобрел лицом.

– Видите ли, я услышал нечаянно ваш с проводницей разговор, то есть ехать вам ещё долго. Я же специально сажусь на него – самый прямой, без пересадок путь до Себежа – это городок на стыке Псковской области, Белоруссии и Латвии...

– Да вы присаживайтесь.

– Ну и хорошо. А то и вам, и мне, как обитателям зоопарка, ха-ха, скучновато поодиночке вёрсты под ногами мерить в своих отсеках. Минутку, вещички свои сюда перекину. Постель-то я не брал, к полуночи на выход.

Через минуту-другую незнакомец, а теперь уже и знакомец Евгений Игнатьевич (представившись в ответ, Николай попросил звать его по имени и на «ты»), устроился за столиком напротив и без церемоний предложил пообедать.

– Так получилось, что супруга с внуком неделю назад в Себеж убыла к своим родичам – она оттуда родом, а у меня отпуск только с сегодняшнего дня. Поэтому все эти дни холостяковал, кухонные дела не поддерживал: утром чай с бутербродами, обедал в учрежденческой столовой, вечером пельмени или в заведении «с подачей» с друзьями-приятелями завернём. Сегодня с графика сбился, обойдясь лишь утренним чаем. Но по дороге на вокзал в гастроном зашёл, затарился для себежских – вот целиковую сумку набил.

Глядя, как Евгений Игнатьевич ловко нарезает полтавскую колбасу, ноздреватый сыр и полубуханку «бородинского», открывает банки со шпротами и консервированными кальмарами, Николай заикнулся было о своём «тормозке», но тот только рукой махнул:

– Тебе ещё долго ехать, пригодится. Если не сложно, дойди до проводницы, попроси тарелочку и пару стаканчиков. А когда она чай сварганит – пусть несёт сюда сразу пяток. Грешен, уважаю чаевничать.

Когда Николай вернулся с посудой (проводница поощряюще кивнула головой на его просьбу), то во главе купейного столика горделиво, кареглазо посматривала бутылка армянского пятизвёздочного. Чего-чего, а здесь у Николая алаверды не имелось... Малоопытен ещё в командировочных делах.

Первыми полпромилле* чокнулись за знакомство. Узнав за закуской, откуда жительством его молодой собеседник, Евгений Игнатьевич мотнул головой, дескать, приходилось по служебным делам в вашем славном городе бывать. Николай уже знал из своего, пока не великого, но всё же жизненного опыта, что не всегда следует расспрашивать военных людей о чём-либо, касающемся их занятий. Да он и сам в своей «Меткости» давал подписку о неразглашении всего и вся, чем он по эту сторону проходных занимается. В том же, что новый его знакомый военной косточки – уже не сомневался: даже синтаксис его речи отдавал чем-то дисциплинарным. Но долго гадать не пришлось. Что разрешено, то и иной «голубой мундир» сам расскажет, будучи в отставке...

Это Николай знал по своему неродному дядьке Лазарю Фёдоровичу – мужу старшей сестры своего отца Андреяна, служившего в НКВД.

– Смотрю, нынешнее молодое поколение не утратило интереса к серьёзной литературе, что бы там зануды всякие на радио и телевидении ни верещали, мол, джинсы целью жизни своей сделали! – кивнул Евгений Игнатьевич на книгу Достоевского, что лежала на заправленной постели соседа обок Николая, зорко углядев фамилию автора и название.

– Джинсы джинсами, – повёл плечами Николай, – а книги книгами. И почти все мои коллеги по инженерной работе, вообще знакомые читают: кто регулярно, а иные время от времени. Так, наверное, и раньше было, да? Отец мой на флоте в войну служил, так у него даже библиотечка небольшая собралась. Правда, у флота своя специфика.

– Да-да, и в войну читали, разумеется. Я, собственно говоря, не в общем о чтении, а Достоевского имею в виду. Читать Фёдора Михайловича в охотку, в дороге как вот ты, Николай? – это уже иной уровень творческого мышления. Вот про войну вспомнил, так я добавлю неожиданное: порой и в плену читают, и на литературные темы говорят.

– А вы, э-э-э как бы это ска...

– Да нет, бог миловал пленом и всем с этим связанным. Опять же по роду своей службы я на передовой не бывал. Имею в виду в нашем плену. Общался по этому роду службы с таким вот читателем Достоевского... пожалуй, не менее в мире известном, чем автор «Преступления и наказания» – Фридрихом Вильгельмом фон Паулюсом!

– Ничего себе? – восхитился Николай, – и-и, как судьба свела?

– Да просто в жизни часто самое невероятное случается: шарик-то земной всё же конечные размеры имеет. Меня призвали в начале сорок второго, возраст подошёл, со второго курса иняза – я из Сибири родом, а узнав, что немецкий изучал, то сразу отправили в шестимесячную скороспелую школу военных переводчиков, а из неё в Красногорск, где и начал службу в тамошнем управлении лагерями немецких военнопленных; там, в числе прочих, содержались старшие офицеры. Когда Паулюс в один и тот же день – последний в январе сорок третьего года – получил с прорвавшимся самолётом фельдмаршальский жезл и сдался в плен со всем штабом Шестой армии вермахта, то через некоторое время я увидел его в нашем лагере. И не только увидел – меня определили в переводчики персонально к нему. Хотя фельдмаршал отчасти понимал по-русски и говорил, но определенный протокол в отношении почётногo пленника лагерному начальству было сверху велено соблюдать.

– Слышал, что он и в академии Генштаба преподавал?

– Знаешь, как-то мимо меня это прошло. Я ведь в том лагере только до конца сорок четвертого служил, потом в другое место перевели. А так проживал Паулюс с таким военным комфортом, отдельно. Денщика его прежнего сохранили. По лагерю ходил в полной своей форме, с погонами, с орденами. А когда в штаб вызывали – кто-то по его немецкую душу из высшего начальства прибывал, – то и палочкой своей маршальской помахивал. Вроде как даже не из общего офицерского котла питался, но это по разговорам, а там кто знает? Когда я из лагеря отбывал, он уже вступил в антифашистский Союз немецких офицеров. С его-то авторитетом! Не жалко и допайка с усиленным питанием, гм-м. Когда ко мне пригляделся, то стал иногда разговаривать не только по официальным делам. В лагере даже небольшая библиотека немецких книг имелась, так Паулюс денщика туда посылал, наказывал Достоевского книги брать для него. И ко мне пару-тройку раз обращался: что-то ему подвохом переводчика на немецкий казалось. Я разъяснял по мере своего понимания. Раз как-то о семье своей говорил с тревогой – всё же в плен сдался?

Когда уезжал из лагеря – перевели... впрочем, об этом сейчас ещё не пришло время говорить, попрощались с ним почти как давно знакомые люди. «Может, после войны доведётся увидеться», – по-казённому сказал, а Паулюс неопределённо кивнул головой.

...Николай, – а пропустили уже по второй, – несколько возбудившись, уже приготовился в тему рассказать визави о Лазаре Фёдоровиче и его схожей встрече с высоким чином из военнопленных поведать, но Евгений Игнатьевич, догадавшись о будоражащем Николая желании, вежливо попридержал его лёгким жестом руки.

– Земля, Николай, ещё меньше размерами, что человек привык думать. Иначе откуда берётся повторение и без того маловероятных событий? Вот и ровно двадцать лет назад от сегодняшнего времени, тоже летом пятьдесят четвертого года, командировали меня из Магдебурга, где тогда служил в штабе ГСВГ* при политотделе, в Дрезден – вот как тебя сейчас в бывший Кёнигсберг, что называется, туда и обратно. По части возвращения вывезенных в Союз картин Дрезденской галереи. Каким-то образом наш политотдел здесь был задействован. За два дня управился, на третий с утра

* Гаишники здесь ни при чем; в инженерных кругах советского времени (традиция идет от царевых инженеров с кокардами на фуражках) так называется винная доза в пятьдесят миллилитров. Легко сообразить почему... – Прим. авт.

* Группа советских войск в Германии (военн.) – Прим. авт.

отметил командировку и держу курс на вокзал. Не торопясь, гуляюче иду, время ещё в запасе, поравнялся с двухэтажным особнячком под черепичной крышей с вывеской Volkspolizei**, боковым зрением вижу выходящего из здания высокого худощавого немца, в штатском, с папкой под мышкой. И вдруг слышу от него явно в мою сторону: «Герр капитан (меня только что к майору представили, а вообще до полковника дослужился)! Вот мы с вами и в званиях сравнялись, так сказать. Рад вас снова увидеть». Смотрю – батюшки! Фридрих Вильгельм собственной персоной! Обняться не обнялись, но поручкались, как давние знакомцы. Присели на скамейку в палисаднике полицейского участка, поговорили чуток. Оказывается, вернулся он из советского плена всего год назад, то есть отбыл у нас десять лет. Родом из ближних мест, поселился в Дрездене, помогли кому надо устроиться в полицию инспектором с капитанским жалованьем. Уже скоро половина седьмого десятка, но в ГДР пенсия за фельдмаршалство не положена. Повспоминали, распрощались душевно. А через три года Паулюс скончался. Вот так-то.

Выпили по третьей.

– Чувствую, Николай, порываешься что-то рассказать на ту же тему, не ошибаюсь?

– Угадали, Евгений Игнатьевич. Вот мой дядька Лазарь Фёдорович свёл, так сказать, тесное знакомство если не с фельдмаршалом, так с генерал-полковником вермахта Отто фон Ляшем...

– Да? Ну, всего лишь на чин меньше, чем у Паулюса. Главное, тоже в плен сдался вместе с гарнизоном Кёнигсберга. Надо же, какие у нас с твоим дядькой совпадения! И при каких обстоятельствах свиделись?

– Почти как у вас: в лагере для военнопленных.

...И далее Николай, не очень разговорчивый в жизни, но коньяк придал языку свободу, поведал собеседнику эпизод из многосложной жизни Лазаря Фёдоровича, проживавшего в их городе под одной крышей с родительским семейством Николая – но в отдельном полудоме на косолученской заводской окраине. Зазвал Николаево семейство в среднерусский город и построил им полудом о трёх комнатах, с кухней, верандой и кладовкой, да ещё половина садово-огородного участка с уже плодоносящими яблонями, грушей и кустами крыжовника и черноплодки, сам Лазарь, когда пришла им пора уезжать из Заполярья. Там до старости не задерживаются. Лазарь из тех же калужских старообрядцев-поповцев, что и Андреян, отец Николая, поэтому по принятой у них семейной родственности стремился иметь рядом не чужих соседей.

Сам он, по въевшейся служебной привычке, особо не касался своей почти двадцатилетней службы в НКВД. Поэтому о жизненных перипетиях своего дядьки Николай, хотя бы и в отрывках, составил представление из рассказов отца и редких ремарок Лазаря навроде: «Эх, хорошо по сегодняшнему морозцу по паре стопок «Столичной» пропустить (разговор с отцом, Николай рядом сидит)! Помнится, фон Ляш, мой подопечный, выпьет по-немецки, то есть доппелем, глотками стаканчик водки, зажмурится, скажет – русский немного знал, – дескать, хороша ваша водка! не то что наш армейский шнапс...»

В самом окончании войны Лазарь Фёдорович, главноуполномоченный по фуражированию конницы (а это двадцать полков!) войск НКВД, получил неожиданное для него, сугубого хозяйственника, назначение: начальником лагеря для высоких чинов из немецких военнопленных. Приказы не обсуждаются: прощай, родное ХОЗУ*! Хлопотную должность подсластили полковничьими погонами. Уделил ему пяток минут сам Лаврентий Павлович, отметил хорошо поставленное дело с фуражом, особенно сейчас, когда коннице много дел с зачисткой. Посоветовал на новом месте быть отчасти дипломатом: «В мирное время они нам пригодятся. Можешь с собой кого-нибудь из своих взять. Ступай!»

Больше всего Лазарь, с его незлобивой натурой хозяйственного крестьянина, опасался, особенно с середины тридцатых годов, когда получил первое командирское звание, попасть на лагерную службу. Но бывший Господь-бог миловал: очень в калужском, затем в ленинградском ХОЗУ присмотрелся мужички основательный и деятельный по части обустройства служебного быта Лазарь. А там и долгая война; снабжение фронтовых войск наркомвнудела тем более нуждалось в таких людях. И вот тебе поворот в характере службы!

Но, только побыв на месте назначения, прихватив с собой трёх лейтенантов, которых давно держал при себе, двое так и вовсе из одной с ним деревни родом, ознакомившись с делами и порядками, сообразил: врагов и недоброжелателей по своему мирному характеру не имел; значит, наоборот, кто-то из бывших его начальников из ХОЗУ НКВД, чем-то по мелочи обязанный Лазарю, решил по-армейски отблагодарить: завершить войну полковником и должность непильную отхватить. Тем более «из рук» самого Бери. Мир не без добрых людей, даже в их ведомстве, сентиментальностью не славящемся... Но – не думай быть взятчиком, думай быть отдатчиком, как мать Лазаря поговаривала со староверческой наставительностью.

Сдававший Лазарю дела временный начальник только что организованного лагеря скоренько разъяснил ему специфику учреждения. «Впрочем, – добавил он после официальной части, – охрана и отныне твои, Лазарь Фёдорович, подчинённые офицеры уже по привычке к здешним порядкам: кого в строгости держать, а иным и поблажки делать. Да, самое главное: сюда постоянно будут наезжать разные чины, так сказать, политбеседы с сидельцами проводить, а которые посерьёзнее – из СМЕРШ'а и других ведомств – могут и с собой кого надо забрать. С вновь поступающими будет заниматься майор Веденяпин, с которым ты уже знаком. Это его епархия. Словом, кто чем станет

** Народная полиция (нем.). – Прим. авт.

* Хозяйственное управление (здесь ведомства НКВД). – Прим. авт.

заниматься – не вмешивайся. Твоё дело административное, общий порядок... ну и ответственность за всё. Как говорится, щёки надувай, упаси бог, если какой дурачок сбежать попробует, но более всего за охраной, солдатами и сержантами, смотри, чтобы самогоновкой из соседнего городка не баловался. Война скоро пошашит, но дисциплину никто не отменял».

Хотя лагерная служба была Лазарю в диковинку, тем более отличная от гулаговской, о которой по долголетнему пребыванию в этом наркомате достаточно, хотя бы и со стороны, знал, но по привычке скоро. Главное, как посмотреть на дело, а Лазарь на всё в своей жизни смотрел с воспитанной крестьянской основательностью. Вот и лагерь этот своеобразный он воспринял, вернее, создал как живую картинку в голове, хозяйством с тесным размещением множества людей, причём вчерашних – а может, и нынешних? – врагов, которых нужно охранять, кормить и относиться к ним, соблюдая определённую «табель о рангах». Рассуждая по-крестьянски, поменял в охраняемом стаде овец на... здесь он задумался: волков? – громко сказано, нет, скорее всего, на... но здесь размышления его прервал чёткий по-военному стук в кабинетную дверь. Вошедший затем незнакомый офицер отпартовал о доставке военнопленного высокого звания, положил для подписи документ «доставил – принял» и отдельно засургученный пакет, добавив: «Здесь, товарищ полковник, особые распоряжения в части содержания вновь доставленного военнопленного».

С интересом прочитал содержимое пакета, где лаконично, по-военному сообщалось, что бывший комендант Кёнигсберга, генерал-полковник Отто фон Ляш, как сдавшийся с гарнизоном, имеет статус почётного военнопленного с правом ношения мундира и наград, содержания в отдельном помещении, хождения по территории лагеря и так далее. Особым пунктом значилось, что завтракать и ужинать фон Ляш должен в общей столовой военнопленных, но обедать с начальником лагеря. Как-то на счёт совместного обеда, отойдя от военного штиля, было написано несколько витиевато, что Лазарь своим пронизательным, хитроватым деревенским умом понял правильно: обедать с водкой!..

– Вот давай, Николай, и мы по четвертой, предпоследней, примем за такие далёкие и своеобразные воспоминания. Будешь постарше, что, увы, неизбежно, начнёшь понимать, что человек живёт объединением настоящего и прошедшего в воспоминаниях. Так сказать, от прошлого к настоящему, а далее к будущему, которое в чём-то замыкается на прошлое.

– Согласен, Евгений Игнатьевич, уже ощущаю такую временную связь на своём молодом организме.

– Это ты хорошо про организм сказал, – рассмеялся Евгений Игнатьевич, – за него и будем здравы! Вообще-то времени у нас предостаточно. Тебе спать рано, мне выходить тоже. Может, ещё о ком вспомним?

Михаил ГРИШИН

г. Тамбов

Михаил Анатольевич Гришин. Родился 2 ноября 1959 года в селе Саюкино Тамбовской области. Автор 14 книг прозы, изданных в Тамбове и Москве, ряда публикаций в журналах «Тамбовский альманах», «Подъём», «Север», «Костёр», «Автопилот», «Наш современник», «Литературная газета», «Молодая гвардия», «Москва», а также в альманахе «Триумф короткого рассказа» (Кишинёв, Молдова). Автор сценария восьмисерийного телефильма «Облака, испачканные пылью». Лауреат литературного конкурса Тамбовской области «Земля родная», II Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского, дипломант III Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого.

Лауреат премии Тамбовской области имени Е. А. Баратынского.

Член Союза писателей России, Товарищества детских и юношеских писателей России, Союза журналистов России.

Игнатов родник

Рассказ

За всё лето, что стояла изнурительная жара, дождик занимался моросить лишь пару раз, и до того слабенький, что не мог осилить даже дорожной пыли. Он только грозился пролиться ливнем: по ночам на востоке сверкали белые сухие молнии, погромыхая далёким громом, но, хоть изредка набегал лёгкий ветерок, свежести в горячем воздухе не ощущалось.

К августу земля под вялыми травами настолько высохла, что в жаркий полдень становилось слышно, как она лопалась, и страшные трещины, будто ядовитые змеи, расползались в разные стороны, как обычно и происходит в засушливый год.

На улицу я выходил лишь по необходимости, потому что сразу обдавало жаром, выступал обильный пот, и сердце начинало трепыхаться в моей уже немолодой груди желторотым воробышком. Я поспешно срывал на огороде огурчик ли помидорчик и бегом возвращался в дом, где за толстыми бревенчатыми стенами держалась живительная прохлада. Для этой цели я даже специально убрал с пола самотканые дорожки, чтобы чувствовать приятный холодок подошвами босых ног.

Ближе к полудню, когда зной особенно сильно накалял воздух и всё живое не находило себе места даже в спасительной тени, в гости приползал сосед – дед Игнат. По-стариковски кряхтя, подсобляя себе палкой, он с трудом взбирался на порог и, держась за стены, проходил в мою горенку.

– Давненько на моей памяти такого засушливого лета не было, – сокрушался в который раз дед Игнат, оглядывая из-под лохматых бровей, где бы примоститься. Чаще всего он располагался прямо на полу, на стареньком овчинном полушубке, постеленном ворсом наружу: удобно и не так жарко. Благоженно улыбаясь в седую косматую бороду, он с чувством говорил: – Благада-а-ать.

Время от времени набегала его дочь, семидесятипятилетняя тётка Маруся. Всё лето она ходила босая, и, когда устраивалась рядом с отцом на полушубке, вытягивая ноги, были видны её тёмные, шершавые, как наждак, подошвы. Она на скорую руку рассказывала какую-нибудь деревенскую новость и вновь убегала по своим делам. При этом тётка Маруся выглядела настолько озабоченной, что нам с дедом Игнатом даже было немного совестно за наше безделье.

Нынче же дед Игнат явился задолго до полудня, когда привычная жара ещё не совсем вошла в свои права. В окно я видел, как он торопился к моему дому. Наблюдать за стариком было одновременно и смешно, и очень больно. Его клетчатая, выцветшая на солнце рубаша, вольно распахнутая на тщедушной груди, обросшей белёсыми волосёнками, болталась поверх брюк, седые неухоженные космы топорщились в разные стороны.

Он вроде бы как спешил, а на самом деле, больше топтался на месте: потопчется-потопчется, сделает крошечный шагочок, вновь потопчется и опять делает еле заметный шагочок. При этом дед Игнат то и дело постукивал нетерпеливо палкой о землю, отчего ему, должно быть, казалось, что идёт он довольно ходко. Как бы там ни было, но он всё же до меня добрался, поднялся на порог и прямо от двери, жалуюсь, закричал:

– Не-ет, это какое-то прямо увечье для живого человека, стюшились они что ль там наверху. Помню, как в году этак семидесятом наши бабы даже молебн на лугу служили, чтоб Господь нам дождика послал.

– Послал? – поинтересовался я, продолжая стучать по клавиатуре ноутбука, дописывая рассказ.

– Куда там, – горестно усмехнулся старик, отмахнувшись от меня, как от назойливой мухи. – Видно, у него дела там поважнее имеются, чем мольбы наших баб выслушивать, – и, грозно взглянув на меня, опять перешёл на крик: – Хватит бить баклуши! Дело у меня до тебя неотложное имеется, только попить срочно дай, а то аж всё горло пересохло. Чичас сполосну и объявлю тебе свою задумку, дюже она важная.

Я прямо из холодильника налил ему полный бокал ледяного домашнего кваса, который только вчера изготовил. Дед Игнат за три приёма выдул квас, обтёр подрагивающей ладонью усы, бороду и заметно посвежевшим голосом сказал:

– Добрый квас, Маруську мою научи делать. А то у неё что-то на вкус уж больно не очень.

– Тётка Маруся меня и научила, – признался я, верно расценив его слова: видно, и вправду дело затевалось стоящее, раз старик пошёл на лесть.

– Чичас не об этом речь, – поспешил замять ненужный разговор дед Игнат, – а о роднике. Помнишь, возле омута жил родничок? Вот его-то у меня и возникло желание обустроить. Надобно нам с тобой, сусед, съездить туда да на месте всё и обглядеть, как он там теперь живёт-поживает. Есть у тебя к этому интерес или нет? Отвечай мне как на духу! – прикрикнул он. – Ась?

Мне и самому давно хотелось побывать в тех местах, а уж после его слов любопытство разобрало неимоверно. От деревни до омута расстояние было километров пять, а может быть, и больше: кто здесь их меряет. Ребятишками мы бегали туда купаться, да и в юности много проводили времени на омуте: купались, загорали, играли в волейбол, ловили рыбу и готовили уху, ну и, конечно, пили бормотуху. Как же без этого.

– Я и сам там лет сорок не был, – ответил я, и от волнения мой голос заметно дрогнул, потому что память услужливо подсунула картинки из прошлого.

– Вот и я об этом мыслю, – обрадовался старик и решительно заявил: – Завтра поутру и попрём!

На другой день заря только обозначилась на востоке лёгкой небесной просинью, а дед Игнат уже ждал меня у веранды.

– Ты, Михрюня, и спать, здоров, – встретил он меня сиплым спросонок голосом и укоризненно мотнул косматой головой. – Ранняя птаха завсегда сыта бывает. Уразумел?

– Угу, – буркнул я, позёвывая и потягиваясь: говорить в такую рань, нарушать зыбкую тишину, не хотелось. Да и говорить-то собственно было пока не о чем, – нужные инструменты мы со стариком собрали ещё с вечера.

Просёлочная дорога в другую деревню проходила мимо омута, километрах в двух, и от неё можно было добраться на машине через овраг и древнюю насыпь, построенную от набегов диких кочевников. Но родничок находился на этом берегу, и нам пришлось добираться до него через заброшенное поле, заросшее полынью, крапивой да репейником, затем ехать по кочковатому лугу посреди высоченных трав, метёлки которых качались едва ли не выше машины. У пересохшего ручья, затерявшегося в густых кустах орешника и ольхи, мы остановились: дальше хода даже на моём внедорожнике не было.

– Пустое дело мы видно с тобой, Мишанька, затеяли, – разочарованно произнёс дед Игнат, с жалостью разглядывая непроходимые дебри. – А ведь и осталось-то всего ничего, с полверсты и то не наберётся.

От безысходности, что придётся возвращаться с позором и терпеть насмешки тётки Маруси, которая ни за что не упустит возможности уколоть: мол, если бы на нашем месте была она, то обязательно бы пробралась к роднику, «пущай при этом и платье изодрала бы своё в клочья», я вломился в чашу. К моему облегчению, полоса кустарников оказалась шириной шагов в десять, а за ней до самого крутого пригорка тянулся пойменный луг, а уж за ним, в низине, прятался и сам родничок.

Орудя старенькой бензопилой «Дружба», с кустами я управился довольно быстро, расчистив достаточно свободный проход, шириной где-то в метр. Дальше в дело пошла ручная коса-литовка, с которой научил меня обращаться отец ещё со школьной поры. На траве лежала ранняя обильная роса, коса влажно блестела от выглянувшего солнца, остро пахло разнотравьем. Я шёл впереди, старик осторожно двигался следом, опираясь всем своим тщедушным телом на палку. Пару раз он запутывался разношенными ботинками в длинных стеблях, мягко падал на бок в скошенную траву, но упорно поднимался, подтрунивая над своей неловкой беспомощностью. Для деда Игната в его 98 лет это было самое настоящее путешествие, с элементами весёлых приключений.

За пригорком, где, по нашим расчётам, должен был находиться родник, стояла высокой сплошной стеной сочная трава вперемешку с сорняками. Я окосил место под раскидистой ракитой, и мы с дедом Игнатом едва смогли разглядеть среди сизого мокрого мха еле приметную тонкую струйку воды, вытекающую из земли.

Старик стал на колени и заплакал.

– Ты чего, старый? – спросил я.

– Вот так и наша жизнь, – расчувствовавшись, негромко ответил, дрожа седой бородой, дед Игнат, – по каплям покидает своё бренное тело. А потом остаётся без нутряного живчика и умирает.

Мне до того стало жалко старика, что я непроизвольно положил свою руку ему на голову и погладил, как маленького.

– Чего ты меня как девку ласкаешь, – невесело усмехнулся старик, но плакать перестал, вытер ладонью мокрые глаза и так жалобно попросил: – Ослобони его, Мишанька. Терпежу нет на эту горестную картину смотреть.

Я аккуратно, на штык, снял верхний слой мха, ила, глины, и родничок тотчас зажурчал веселее, словно нас благодарил за своё спасение. Дед Игнат довольно засмеялся, да так звонко, будто омолодился вместе с родничком. И тогда я принялся с внезапно охватившим меня душевным подъёмом стремительно орудовать лопатой, углубляя источник, окапывая вокруг влажную землю в виде колодца.

Когда чистая, прозрачная, как хрусталь, вода заполнила рукотворную чашу, дед Игнат, продолжая сидеть на коленях, нетерпеливо, путаясь в рукавах, скинул с себя рубаху. Оставшись по пояс голым, отсвечивая в тени ракиты незагорелыми телесами, с медным крестиком на впалой груди, он опёрся дрожащими руками в землю и благоговейно приник обесцвеченными губами к живительной влаге. Он с такой жадностью глотал ледяную воду, вздрагивая всем своим костлявым, как святые мощи, телом, словно долгое время его мучила настоящая жажда.

Напившись так, что у него заметно вздулся бледный живот, старик выпрямился, обтёр губы ладонью и истоиво перекрестил родник, пробормотав прыгающими от волнения губами:

– Спаси, Господи! – и вновь заплакал.

Теперь он плакал от радости, что мы в кои годы смогли сюда добраться и оживить ключ, который в этом месте бил, должно быть, со дня основания нашей деревни.

Через два дня мы с дедом Игнатом вновь навестили родничок, но теперь для того, чтобы поставить сруб из дубовых плашек, сделать навес и оставить здесь алюминиевую кружку для заплутавшего путника. А ещё через неделю, когда я вернулся из города, куда ездил по неотложным делам, ко мне подошли наши деревенские старожилы: тётка Пелагея, бабка Федула и престарелая старуха Жилкина – и попросили свозить их на экскурсию на Игнатов родник, а заодно там с собой и целебной водицы «от всех хворей» набрать.

Глядя, с каким воодушевлением они рассаживаются в машине, я невольно подумал о том, что пройдёт время и не станет не только деда Игната, но и меня, а может быть, и нашей деревни, зато останется Игнатов родник. Век народной памяти долгод.

Вера СЫТНИК

г. Ессентуки, Ставропольский край

Сытник Вера Владимировна. Родилась в г. Комсомольск-на-Амуре. Филолог по образованию (ОмГУ). Автор 21 книги прозы и публицистики. Лауреат ряда международных и российских литературных конкурсов, литературной премии журнала «Берега» (Калининград, 2024), журнала «Сура» (Пенза, 2023). Публиковалась в роман-газете, журналах «Берега» (Калининград), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Новая скала» (Крым), «Проспект» (Москва), «ЛитОгранка» (Новокузнецк), «Православная радуга» (Самара), «Невский альманах» и «На русских просторах» (Санкт-Петербург), сотрудничает с издательством «Союз писателей» (Новокузнецк), постоянный автор газет «Завалинка» (Северодвинск) и «Литературный Крым» (Симферополь).

Ночью

Рассказ

Ночь ступила в город, забыв пустить впереди себя вечер.

Только что было светло, и вдруг – темнота и звёзды. А может быть, так показалось из-за того, что день был пасмурный. Небо всё хмурилось, обещая молнию с громом, но вместо этого тучи раздвинулись, устав надуваться, и за ними обнаружилась ясная чернота неба. Ночь смело сошла на землю.

Всполошившись, задорно и напористо запели лягушки, залаяли и тут же смолкли дворовые собаки, напуганные видом полной луны, зашумели крыльями голуби, перелетая с деревьев под крыши

домов, заскрипели тормоза подъехавшей машины. Тёплый воздух за балконом наполнился звуками летней ночи. Что-то хлопнуло, звякнуло, прогудело, где-то послышалась музыка, чья-то речь, и всё это сквозь вату, сквозь разлившуюся повсюду лень, как бы извиняясь за свою несдержанность...

Вместе с тем в атмосфере почувствовалась некая торжественность, почти победоносность, как будто где-то прогремел грандиозный салют и сюда докатилось эхо, которое виртуозно протиснулось между светом и темнотой в самой последней точке их соприкосновения и на секунду застряло в этом месте, вытеснив полумрак. И там ничего не стало. Ничего! Зияющий провал в никуда!

Именно в тот момент Лена вышла на балкон, чтобы прикрыть окна на ночь. Заметив пустоту, образовавшуюся между днём и ночью, она решила, что запоздало начался конец света, обещанный ещё зимой, в декабре, и хотела уже будить мужа, хорошо выпившего за ужином, а теперь спавшего в кресле. Но, увидев, как пустота начала на её глазах заполняться лунным светом вперемежку со звёздами, поняла, поразившись, что всё происходит по писаному.

«И отделил свет от тьмы...» – так, кажется...

Сегодня на работе зашёл разговор о календаре мая. О нём уже месяц твердит нянечка из младшей группы. И о Библии, которую никто из них не держал в руках, все только слышали, но, тем не менее, делали вид, что хорошо знают, как сотворён мир. Нянька утверждала, что катастрофа близка, мол, читала в газете, обещают к новому 2024 году. Ей возражала медсестра. «Нет, – говорила она с жаром, – Бог добрый, не допустит, Он всё может!» – приводила в качестве доказательства Его способность отделять свет от тьмы.

Слушая, Лена подумала: «Разве такое возможно?» Ведь одно переходит в другое! Перетекает, исчезая в одном месте и появляясь в другом. А сейчас, после того как успела заметить прореху в небе, решила, что возможно. Вот оно, перед глазами! Она ясно видела: в яму между днём и ночью полился лунный свет, посыпались звёзды. Дня как и не было! Ночь накрыла его, перевалив через край ямы! Ну надо же! Ведь никто не поверит, если утром расскажет, что видела дырку в небе! Скажут, что напилась.

Ей стало грустно. Подумав про мужа, про несчастную дочь с её сожителем – агрессивным в постоянном желании всех поколотить, – про скорый конец света, про маленькую зарплату, из которой нельзя выкроить, чтобы купить ниточку китайского жемчуга, Лена почувствовала знакомую пустоту в груди. Так всегда бывало, когда она начинала думать. Особенно о родных. Мысли о семье не заполняли вакуум, но, напротив, увеличивали его размеры. Она давно к этому привыкла, зная, что прогнать пустоту можно тоскливыми старинными песнями, слышанными ею от матери. Лена пела их, будучи пьяной, дожидаясь, когда в груди появится спасительное тепло.

Без песен же нет избавления от муки! Пустота терзает, доводя до истерик, а порой вырывается наружу, заполняя собой весь мир. В такие минуты на Лену нападает панический ужас. Она хватается за рюмку и поёт первую пришедшую на ум песню: о свече или о степи, о бродяге или о костре – и замолкает, услышав, как матерится в соседней комнате муж. Лена успокаивается. Оказывается, чтобы понять, что мир стоит на месте, а не провалился в тартарары, нужно просто выпить.

Но сегодня пустота не показалась ей страшной. Может быть, потому что Лена увидела, что произошло в небе? Что случилось с образовавшейся дыркой? Она бы запела по привычке, но от вида волшебной ночи перехватило дыхание. Не сумев выдать из себя ни звука, Лена представила, как в её душу, пустую и усталую, истосковавшуюся по любви, вдруг полетели звёзды и повалил лунный свет. Она даже почувствовала лёгкое головокружение от внезапности! Её озарила надежда. «Получается, кроме водки и песен, есть что-то такое, что может справиться с пустотой в груди?» – сообразила она, впервые подумав о Боге. Ну конечно! Она ведь не глупая, понимает: только Ему под силу заполнить небесный провал, метнув в него звёзды! Специально для неё показал! В этом не было сомнения.

Надоела она Ему со своей пустотой! Вернее, не Ему, а мужу, который каждый раз, когда Лена начинала жаловаться на грудь, кричал и тыкал пальцем в потолок:

– Ты Ему, Ему жалуйся – не мне!

– Кому?.. – не поняла вначале Лена. – Семёнычу, что ли, соседу?

– Точно, пустота! Беспросветная! – захохотал муж. – В твоей голове пустота. Дура ты, Ленка. Моя бабка говорила, что жаловаться надо только Ему! Только Он может помочь.

И снова показал пальцем вверх, но уже в сторону открытой форточки. Лена поняла, кого имел в виду разъярённый супруг.

– Что же тебе-то не помогает? – спросила едким голосом, намекая на то, что вот уже полгода муж не может найти работу.

– Я гордый, не прошу! – заявил тот и уставился в телевизор.

А недавно, услышав очередное Ленино нытьё про усталую грудь, закричал, обратив лицо к форточке: «Запарила она меня, Господи! Просто замотала! Помоги!»

«Что же, выходит, помог? Так, что ли? – удивилась Лена, разглядывая чудную ночь. – Вон как резанул во всю Свою мощь! Вроде того: гляди, учись! Смотри, сколько звёзд, всем хватит! Красота необъятная!» Видя такое, расхотелось бежать к мужу и жаловаться на пустоту. Пусть спит.

Лена оперлась о перила руками и новым взглядом оглядела двор: горбатый подъёмный кран, дома, деревья, детская площадка, машины у подъезда. Всё знакомое несло на себе отпечаток незнакомого. Во всём, что она видела в миллионный раз, ощущалось присутствие чего-то высшего,

опустившегося с неба, непостижимого до конца, но очень близкого сердцу. «Пятьдесят лет живу на свете, а подобного счастья не видела, – подумала Лена, восторженно оглядывая мир с высоты седьмого этажа. – Вот оно, Божественное! Правду говорят, что, когда наступает Пасха, а ведь завтра Пасха, природа преображается!»

Только этим она могла объяснить своё новое состояние. Всё в ней затрепетало. Омертвевшая душа откликнулась на увиденное такой сладкой болью, что Лена непроизвольно обхватила себя за плечи и сжалась, чтобы не выпустить эту боль наружу. Она рассматривала картину, много раз виденную и не имевшую прежде никакого смысла, а сейчас наполнившуюся тайным содержанием и невообразимой глубиной, и думала о том, что всё в природе устроено не просто так. Не случайно, а с умом.

Вид чернеющих вдали гор, подставляющих крутые спины небу, которое волшебной птицей распласталось над землёй, воздух, пронизанный лунным светом, притихшие деревья и замершие кусты впервые навели на мысль, что всё имеет своё значение. Всё создано для того, чтобы почувствовать то прекрасное, невыразимо пленительное, проникающее до самого сердца, что Лене удалось разглядеть в ночном небе. Кто-то, может быть, увидит подобное в другом месте, а она вот в небе поймала. Как в свою душу посмотрела!

Решила, что не будет спать и дожждётся восхода, чтобы подкараулить, когда тьма начнёт отступать перед светом. Ей хотелось увидеть, как ночь отделится ото дня, как в провал между ними польётся уже не лунный ручей, а солнечный. Но уснула, едва приткнувшись на диван. Радостная от дум о пустоте, полной звёздами, согретая ими, она пропустила важный момент. Проспала. Солнце глядело в окно, когда Лена открыла глаза. На душе было непривычно тепло. «Ничего, в другой раз, – успокоила себя, тормоша спящего мужа и понимая плед с пола, – теперь я знаю, как всё происходит».

После работы, когда группы опустели, к ней, в каморку завхоза, потянулись женщины – маляры, красившие здание детского сада с наружной стороны, и нянечки. Кто-то принёс куличи, кто-то творожные пасхи. Нянька снова заговорила о скором конце света. Кто-то смеялся, кто-то ругал правительство. Одна Лена молчала, чувствуя в душе начало новой жизни, этим она не желала ни с кем делиться. Впервые её не страшил конец света. «А чего бояться? Конца-то, выходит, нет. Есть провалы, но они заполняются звёздами. За них-то и надо цепляться. И лунный свет, оказывается, греет». Впервые она не различала подруг, которые тайком всё же отхлебнули из рюмок за праздник, они стали словно все на одно лицо, впервые отказалась выпить. Но когда кто-то сказал: «Христос воскрес!», она неловко перекрестилась и смущённо, радуясь новизне темы, ответила: «Воистину воскрес!»

Лена почувствовала, что там, в её груди, где раньше плескалась выпитая водка, теперь было небо, распиравшее её до ощущения безбрежного счастья. «Ну не лить же спиртное на звёзды! Того и гляди, взорвётся; тогда уж точно – конец!»

Июнь, 2012 г. (Китай)

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

г. Вологда

Чернышёва (Чиркова) Светлана Николаевна. Родилась в 1979 году в селе Биряково Вологодской области. Окончила ВГПУ. В настоящее время работает в областной детской библиотеке. Публиковалась в литературных газетах Вологды, Архангельска, в альманахе «Российский колокол», в журнале-студии «Листва», в журналах «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Страна озарения», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь». Член Союза российских писателей.

Добрики

Не детские истории

Однажды я решила вспомнить всё, что произошло со мной за последнее время. В голове сразу стали крутиться разные мысли. Их было так много, что я боялась перепутать. Тогда я взяла ручку и стала писать: «Я стала совсем взрослая, мне исполнилось целых восемь лет. Я очень люблю свою деревушку. Мне иногда даже страшно представить, что я могла бы родиться в другом месте, что никогда в жизни не увидела бы кота Муська и пса Тузика...» А дальше я ещё вспомнила про дерево, которое посадила сама (и оно теперь выше меня на целый метр); про двух карасей, живущих в огородной бочке (удивительно, что они едят хлеб лучше меня); и про солнышко, которое греет всех нас!

Волшебство

Почему в сказках всегда спасают волшебные палочки? Золушке фея из простой тыквы карету соорудила, а обычные серые мыши-безобразники стали красивыми лошадками. Хотелось бы мне на них посмотреть. Но такие чудеса бывают только в сказках! Ну почему так несправедливо устроен мир! Без такой палочки ничего интересного с тобой отродясь не произойдёт.

Я решила идти на улицу. Настроения не было. Небо надо мной серое и скучное, да ещё и дождь заморосил. Я гуляла, пока не замерзла, а потом вспомнила, что совсем скоро родители уйдут в

кино на взрослый фильм и я буду в это время сидеть с кошкой. Тут мне совсем тоскливо стало. И вдруг под ногами я увидела берёзовую ветку-палочку, очень тоненькую, её ветром, вероятно, сдуло с самой верхушки дерева. «Вот оно – чудо!» – сообразила я.

– Чем занимаешься! – закричал откуда-то появившийся Лёнька, да так громко, что я закрыла руками уши, и погрозила ему одним пальцем, которым придерживала палочку. Вместо того чтобы уgomониться, он ещё больше распрыгался.

– Лёнька! – не вытерпела я. – Вот сейчас возьму и превращу тебя в зайца-попрыгайца.

Он в ту же минуту затих:

– Это как?!

– Ну, чего тут непонятного? – решила рассказать всё я. – Сначала берёшь волшебную палочку, а потом делаешь мальчишку зайцем. Раз, два, три...

Лёнька тут же отошёл от меня в сторону. Потом посмотрел на меня исподлобья и сказал:

– Чушь полная.

– Давай, проверим? – предложила я.

Лёнька неожиданно согласился и сделал шаг вперёд. А дальше (я даже не поняла, как) он выхватил мою берёзовую волшебницу и разломал её на две части.

– Ну, как? Превратила?

– Болван, – сказала я и хотела разреваться, но потом подумала, что не стоит, ведь палочка была обычная. Таких палочек много можно насобирать. Они и у старой бани валяются, и возле свежего стога, где люблю сидеть, зарывшись в сено, и мечтать про то, что однажды серые мыши станут чудесными конями, а мир станет доброй сказкой!

Как-то раз

Случилось, что я нашла в луже металлический рубль. Когда я его очистила от грязи, он стал блестеть и переливаться. Мама, конечно, не разрешала мне брать денежки без спроса. Но я-то давно заметила, что главное достоинство денег было в том, что они превращались в мороженое или в щербет с орешками. И я отправилась в магазин. Сначала выбрала лимонад «Буратино», потом пломбир на палочке, так как на улице было жарко и хотелось прохлады. Через несколько минут в моих руках оказался зелёный пластмассовый крокодил с гармошкой. Он давно одиноко лежал на полке, потому что его никто не покупал.

– Откуда это страшилище? – почти сразу поинтересовалась мама, как увидела новую игрушку.

– Лёнька опять подарил? Вон у тебя сколько всяких безделушек, этого ещё не хватало.

Я хотела сказать, что Лёнька ничего отродясь не подарит, но потом решила, что пусть будет так, как придумала мама.

– Пойдём отнесём его обратно? – предложила она. – Всё-таки крокодильчик должен вернуться к своему хозяину. К тому же неизвестно, что скажет его мама, когда увидит, как Лёнька разбазаривает её подарки.

– Это не мама подарила, – неожиданно соврала я. – Лёнька сам его купил на заработанные денежки. Он ведь вчера подорожники сушеные в аптеку сдал и мать-мачеху к тому же.

– Тем более! – не унималась мама. – Видишь, как он старался! А ты взяла и выпросила. Стыдно должно быть.

Мама схватила крокодила, сунула его в карман и поволокла меня к Лёньке.

– Лёнечка, – сказала она. – Спасибо тебе за игрушку, только мы хотим вернуть тебе крокодильчика обратно.

Тут в комнату вошла Лёнькина мама.

– Ничего себе! Купили всё же этого зелёного, а то целый год на полке простоял.

Эх, жалко, что моя мама начала Лёньку расхваливать. И про сушеные подорожники вспоминать и про то, что он крокодила добыл.

– Вот как? – удивилась Лёнькина мама. – Ну, купил и купил... Что теперь поделаешь!

Я закрыла глаза и представила, как сейчас Лёнька закричит: «Это не моя безделушка!». А он молчал. За окном сгущались облака. Они становились тёмными и огромными. И через минуту вообще стали гроыхать.

– Гроза начинается, – грустно сказал Лёнька. – И всё-таки крокодила я подарил и обратно не возьму.

И я поняла, что он меня не выдаст. Ох, Лёнька как будто даже совсем другим стал, или был таким, просто я не замечала! На улице грохотало. Настроение совсем испортилось. Так как я почему-то всё время думала, что зря я нашла блестящую монету. Ведь говорят, не в деньгах счастье, а ещё говорят: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»... Таких, как Лёнька.

За всех

Если вы думаете, что я никогда не грущу, то вы ошибаетесь. Я как-то в больнице целый месяц лежала, без родителей. И очень страдала. Стою я у окна в больнице и очень по дому скучаю. А тут Лёнька. Он тоже со мной в больницу попал. У нас в школе карантин, так что почти целый класс пострадал, теперь вот лечиться нужно было.

– Опять, плакса, слёзы льёшь? – спрашивает Лёнька.

– Не лью, – обиделась я. – Просто грущу...

Лёнька отвернулся, а потом всё же забормотал:

– Давай тогда вместе скучать. Вдвоём веселее.

Я кивнула головой.

– Ты любишь лазить по деревьям? – вдруг поинтересовался Лёнька.

– Очень.

– Тогда каждое утро будем представлять, как залезаем на тот дуб, который из окна виднеется: огромный, с зелёными кружевными листочками.

– Ага, а вечером кубарем будем скатываться с него вниз? – съязвила я.

Лёнька замер. Я даже почувствовала, что он сейчас уйдёт в свою палату. И мне захотелось с ним помириться.

– Да я же пошутила, – проговорила я. – Извини. Просто, знаешь, я часто задумываюсь над разными вопросами. Например, почему одни люди болеют, а другие никогда!

– Так уж и никогда? Все болеют. Вон моя баба Маня каждый день молитву о болящих читает. И знаешь, сколько их на земле, страдающих от бури, наводнения, пожара, голода? Не пересчитать. А ещё ведь не только люди страдают, но и звери, птицы.

Я сразу вспомнила, как у нас ягнёнок Малыш болел. Столько я тогда слёз пролила!

Тут Лёнька посмотрел на меня как-то странно и сказал:

– Пойду тогда молитву бабы Мани читать.

– Лёнька, а можно я с тобой её прочту? Только меня в твою палату не пустят.

Он посмотрел на меня как-то особенно и сказал:

– Молитва у меня на бумажке записана бабушкиной рукой. Сейчас принесу.

Лёнька тут же побежал в палату искать эту записочку. А я осталась одна, у окна, и представляла, как я буду читать чудесные слова за маму, за папу, за мою старенькую бабушку, за Лёньку, за карасиков, которые сидят в бочке, за моего старенького котика Муську, за моё дерево, за всех... И очень переживала, что Лёнька не отыщет листочек с молитвой. Но, слава Богу, молитва нашлась!..

Молочные игры

Вы любите молоко? Парное, только после коровы. Это удивительное чувство – нести в дом банку с тёплым коровушкиным подарком. Можно в кружку налить и натолкать туда же хлебушка, пряником с корочкой. Ну а если пить молочко прямо из большой стеклянной банки? Большими глотками – так, чтобы тёплая струйка смочила воротник, и ты ещё долго будешь пахнуть коровушкиным напитком... А соседский Тузик увяжется за мной и будет ходить по пятам, пока молоко не высохнет. Я расфантазировалась, а тут, откуда ни возьмись, появился Лёнька со своими идеями.

– Давай, будем играть в молочный магазин, – предлагает он и тут же достает из кармана зубной порошок. Он его вчера в аптеке купил, чтобы зубы отбеливать: – Вот, берём порошок, разводим в тёплой воде – и молоко готово!

– Фу, это ж противно, – морщусь я.

– Нормально, – говорит Лёнька. – Для игры сгодится.

А потом мы это «молоко» налили Тузику. И пёс с удовольствием лакал, помахивая хвостом, что в переводе с собачьего значит – вкуснотища.

Тигриные и солнечные замашки

Трудно с утра заставить себя что-то делать, когда на улице солнышко резвится, такое лучистое, что даже не знаешь, куда от него деться. В доме – жара, на улице – пекло! Хорошо только коту Муську, он всё время под деревом в тенёчке валяется. Потому что ему грядки полоть не нужно. А я иду за ведром. Потом долго-долго ищу тяпку. Надо бороться с сорняками. С одной стороны, это даже забавно – разобраться, где полезная трава, а где вредная. Но опять же, комары кусаться будут, шмели жужжать прямо на ухо, да и собаки за огородом лаять начнут – ну, как не отвлечешься? Не посмотреть: а чего они там разлаялись? Не помню, как я на калитку залезла. И сразу Сокола увидела. Это большая соседская охотничья собака, страшная и опасная, потому что она с цепи сорвалась. Это просто ужас какой-то! А когда такое, как сегодня, приключалось, кто-нибудь обязательно шёл в магазин или в гости. Тут вдруг меня особенно сильно солнечным лучом обожгло. Бабах! Сама не понимаю, как с калитки свалилась и коленку поцарапала. Одно хорошо, что в своём огороде осталась, а не в зубах у Сокола.

– Привет! – заорал Лёнька, он катился мимо на велике. Мне сразу как-то совсем плохо стало: куда же мой дружок решил отправиться? Слепая тетеря!

– Лё-неч-ка! – прохрипела я. – Там Сокол!

Лёнька так испугался, что даже с велосипеда соскочил. Ну, конечно, Сокол это заметил! И побежал навстречу: «Гав-гав-гав». Я пока думала, как Лёньке помочь, мой кот выскочил из огорода через огородную щель и к злобному псу понёсся.

– Ой, помогите! – закричала изо всех сил я. Но было уже поздно. Кот выгнул спину, сделался в два раза больше, и почти по-тигриному зашипел. Мне показалось, что собаке это не понравилось,

потому что Сокол стал пятиться назад. А потом и вообще – сбежал. Так, значит, вот они – тигриные замашки?! Я про такие в книжках читала!

– Спасибо! – сказал вдруг Лёнька коту. – Ты мне жизнь спас. Я тебе буду каждый день приносить вкусняшки.

А вдруг Лёнька кота так разнежит, что тот мышей ловить перестанет и не будет нас с мамой до леса провожать, когда мы вкусную черничку собирать пойдём; и песенку сладкую мне на ночь не споёт! И мне сразу стало так жарко, что в глазах всё поплыло. На солнышке перегрелась.

Караси

Лёнька постоянно носился с удочкой, он рыбак. У него и ведро было блестящее, и наживка, и червячки всякие с огорода. Как-то раз он целое это ведро принёс озёрных рыбок и выпустил в нашу огородную бочку. А у нас там уже жили карасики, я их как раз собралась покормить хлебушком. Подошла к бочке и спрашиваю:

– Как теперь мне твоих от своих отличать?

Ну что я такого сказала? Лёнька весь в лице переменялся. Забубнил: «Жадина». В общем, я должна теперь, по его мнению, и за его питомцами присматривать. Чего обижаться-то?

– Ладно, – говорю, – заканчивай дурака валять. Покормлю, невелика работа.

Но если уж Лёнька надулся, его так быстро не уговоришь. Хорошо, что на помощь пришёл папа:

– Выпустить их нужно! Пруд за деревней экскаватором выкопали и воду туда напустили. Теперь бы только рыбок развести.

И вот мы с Лёнькой и папой стали рыбок из бочки переносить в их «новую квартиру».

А когда всех перенесли, то мы обниматься стали: дело-то какое важное сделали – помогли пруду стать живым!

Добрики

Вы знаете, как найти добриков? Это проще простого. Посмотрите на небо, там плавают облака – самые добрые в мире кони. Им не нужна ни еда, ни ласка, они просто так раздают живительную влагу. Можно посмотреть ещё выше – там солнышко. Оно часто греет сильнее, чем нужно, и мы боимся расплавиться, поэтому носим головные уборы.

А если опустить голову вниз, то здесь – пруд и наши с Лёнькой караси, а ещё бесстрашный кот Мусёк, который живёт у нас от самого моего рождения, и соседский Тузик, готовый пить молоко из зубного порошка (так ему хочется с нами играть). А ещё здесь живёт мой самый лучший друг.

– Я чувствую от этих добриков тепло, – сказал Лёнька, который, как всегда, появился неожиданно.

– А ещё они пахнут свежим сеном...

– И звучат песней лесного соловья...

– И светят днём и ночью...

– И постоянно растут, вместе с нами.

– Да! Их точно становится больше!

Олег БУЛЫЧЕВ

г. Никольское, Ленинградская обл.

Булычев Олег Анатольевич. Родился 31 марта 1968 г. Проходил воинскую службу в ВС СССР и РФ.

Член Союза журналистов Таджикистана, международной конфедерации журналистских организаций, Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор книг «Экипаж, взлетаем», «Будни бывшего капитана», «Негр в лодке», «Остаться на высоте». Удостоен диплома международной конфедерации журналистов «За заслуги в журналистике» (2015). Дипломант премии им. Н. В. Гоголя (2023).

Первый шаг

Рассказ

Начинать всегда тяжело. Однако поговорка «Первый блин комом», наверное, сейчас у многих вызовет реакцию несогласия. Ближе тема: «Последний бой – он трудный самый». Действительно, всегда последний этап чего-то вызывает наибольшее напряжение. Будь это считанные метры перед финишем на кроссе или заключительный экзамен сессии.

Пик расхода эмоциональных сил приходится именно на последние минуты прохождения таможни покидаемой навсегда страны. Однако и начало чего-то глобального или того, что кардинально меняет жизнь, сложно не столько самой сутью начала, сколько отказом от привычного «вчера». И когда принимаешь решение «делать или нет», это напрягает больше, чем страх столкновения с трудностями.

Я это всё написал, чтобы сравнить размер пропасти между мышлением тех, кто занимается анализом причин и следствий значимых решений, и тех – кто вообще ни о чём подобном не думает.

Так вот, насчёт «вообще ни о чём подобном не думает», – это про меня.

В восьмом классе Оля Ивина принесла в школу газету с объявлением, в котором говорилось о начале набора в группу парашютистов в областном аэроклубе. Оля была не последним человеком в школе. Она «шла» на золотую медаль (правда, я никак не мог понять, как это было определено уже в 8-м классе). Оля дружила с Сашей Серёдкиным – сыном директора школы. Учителя умилялись, глядя на «такую красивую пару». Саше быть медалистом никак не светило, и они решили: пусть в их семье Оля будет с медалью. Одним словом, у них было всё расписано на много лет вперёд, и было понятно, что эта пара более серьёзно подходит к вопросу своего будущего, чем весь остальной ученический коллектив.

Так вот, в один прекрасный день Оля принародно заявила, что они с Сашей будут прыгать с парашютом, тем более, что у Сашиного папы по этой теме есть знакомые.

Это случилось осенью, и скоро забылось.

Через некоторое время Оля, правда, обмолвилась: Сашин папа узнал – в этом году плохие парашюты, а в следующем – будут хорошие, и вот тогда-то уж они с Сашей и прыгнут.

На тот момент, когда Оля делилась планами «прыгать на хороших парашютах в будущем году», я уже был зачислен, по результатам медкомиссии и собеседования, в группу парашютистов первоначального обучения.

Вся эта предыстория прокручивалась в моей голове в пять часов прекрасного июльского утра, когда я смотрел через открытый иллюминатор идущего в разбег самолёта Ан-2 на остающийся за его хвостом мир. Трясло неимоверно, и, чтобы не свалиться с металлической лавки, пришлось вцепиться в неё мёртвой хваткой, уперев ноги в зелёный металлический пол салона. Мысли улеглись в тот момент, когда самолёт оторвался от континента и тряска прекратилась.

Внизу, в своих постелях, спали счастливые люди. Был период летних отпусков и каникул... Город оживал не раньше восьми часов.

«Кукурузник» спиралью набирал высоту над городом. В голове всё сильнее звучал один и тот же резонный вопрос: «И зачем это всё мне было нужно?!»

Полгода изучения материальной части парашюта, походы в аэроклуб после учёбы в дождь и мороз, медкомиссия, вечные «уколы» матери, что *со своим парашютом ничего не делаю по дому*, зачёты, экзамен на допуск к прыжкам, ночёвки на аэродроме с вечерними хозработами. Короче, из пятидесяти пяти допущенных к обучению – до прыжков дотерпели шесть человек. Ионкин, наш лётчик, сказал: «В этом году ещё много».

И вот момент истины: я сижу в самолёте, облачённый в кирзовые сапоги, завязанные над коленями, и в каску, как у волка из «Ну, погоди». У меня два парашюта и животный страх внутри.

Первый раз будут сегодня прыгать два курсанта (нас так называют). Со мной в самолёте один из них – Толик. Это он любил повторять: «Того, что десантник прыжка не боится, ты, дорогая, не верь. Ты лучше взгляни в их смелые лица, когда открывается дверь». Как в воду глядел.

Он сидел напротив и внимательно разглядывал сигнальные фонари возле выходной двери. Уверен, его мысли были далеки от того, что он созерцал. Толик был тяжелее меня, поэтому, по правилам, он будет «выходить» (вот то же слово, правильнее – выпрыгивать) первым, а я – за ним. «Выходить» мы будем с тысячи метров. После этого самолёт наберёт высоту и именитые парашютисты *отработают комплекс*. Правда, что это значит, нам объяснять не стали.

Я смотрел на город в утренней дымке и даже увлёкся поисками своего дома, когда коротко рявкнула сирена. Пожилой инструктор Басаныч (Борис Александрович) слез с сидения правого пилота и пробрался к двери, стараясь никому не наступить на ноги. Взявшись за ручку, он вдруг посмотрел на меня и не стал дверь открывать. Лётчик Ионкин оглянулся на Басаныча, не понимая, почему тот медлит. Басаныч показал пальцем на меня и Толика, потом на сигнальные фонари и сделал крест руками. Ионкин, пожав плечами, кивнул и отвернулся.

Стоит оговориться, что после запуска двигателя все присутствующие в салоне становились глухонемыми. Общение было возможно только знаками, которые мы изучали на занятиях и которые я напрочь забыл. Однако сейчас я понял – Басаныч запретил лётчику включать сирену, показывая, что в салоне «перворазники» (то есть мы с Толиком).

Я сидел напротив двери. Когда Басаныч её открыл, у меня болезненно заныли колени. На нём был лёгкий спортивный парашют, который совсем не сковывал движения. Басаныч зафиксировал дверь в открытом положении и, посмотрев на меня и Толика, сделал жест двумя пальцами вверх, означающий «Встать». Я еле встал (всё надетое на мне весило 16 кг.) и уцепился за трос под потолком. Толик сделал то же самое, и я как-то не к месту обратил внимание, как резко его чёрная каска контрастирует с бледным лицом.

Басаныч взял карабин вытяжного парашюта Толика, зацепил его за трос и с силой подёргал. Я попробовал сделать то же самое, но, увидев кулак Басаныча у своего носа, отдал карабин ему. После этого Басаныч ещё раз осмотрел наши парашюты. Затем он упёрся спиной в обрез двери и стал смотреть вниз, дожидаясь места выброски. Я обречённо разглядывал каску стоявшего впереди Толика и мало что соображал.

Ожидание затягивалось. Самолёт вышел на «боевой курс». Этот термин я вспомнил, когда Ионкин убрал крен и Басаныч освободил проём. Правой рукой он взял за шиворот ватного Толика и

подвинул его к двери, продолжая смотреть вниз. Я не услышал, а прочитал по губам Басаныча слово «Пошёл!», однако Толик продолжал стоять, упёршись левой рукой в обрез двери. Правой он держал вытяжное кольцо. Я ожидал увидеть на лице Басаныча удивление, но не увидел. Он улыбнулся, и вдруг резко ударил по левой руке Толика, и толкнул его в дверной проём. Меня поразило то, что я отчётливо рассмотрел шляпки гвоздей на подошвах кирзовых сапог своего собрата по подвигу.

«Да, Толик повёл себя не как герой, но я ведь не Толик» – подумалось мне, и я ринулся в пропасть. Однако опытный Басаныч пресёк мой порыв, схватив, как котёнка, за холку. Затем, даже не посмотрев на меня, продолжил наблюдать раскрытие парашюта Толика. Никогда не забуду, как он с улыбкой повернулся ко мне, и я услышал (прочитал по губам): «Готов?». Я кивнул. «Ну, тогда, пошёл!»

Вывалился я, как мешок с... не знаю, чем. Хотя парашютисты, не задумываясь, обозначили содержимое мешка, озвучивать их версию я не буду. В лицо ударил воздушный поток со скоростью сто двадцать км/ч. Рёв мотора сменился свистом, и возникло незнакомое чувство отсутствия опоры. От неожиданности я раскинул руки и тем самым раскрыл парашют, так как кольцо было закреплено у меня на руке резиновой страховкой. Я даже не старался понять, что происходит, да и каска давно уже сползла мне на глаза. И вдруг... Да, кстати, с того момента, как я покинул самолёт, прошло не более четырёх секунд. Время – относительное понятие, и, если бы А. Эйнштейн был парашютистом, он бы сформулировал свою теорию гораздо раньше. В эти секунды вместились такое количество событий и впечатлений, что время для меня перестало быть однозначным.

Забормотал выходящий из ранца купол, хлопнул, подпернув меня, как тряпичную куклу, на стропах, и наступила тишина. Полная тишина. Я поправил каску, чтобы понять, где я.

То, что я увидел, почувствовал – невозможно описать. Не хватит слов. Словарь Даля насчитывает двадцать тысяч слов, есть из чего выбрать, но требуемых я не нашёл.

Подо мной лежал утренний город. Воздух был более холодным, чем внизу. Я увидел купол Толика. Вопреки предсказаниям бывалых парашютистов, которых мы слушали, затаив дыхание, позвоночник при раскрытии у меня в трусы не высыпался и даже не болел. Единственное, лямки доставляли дискомфорт в паховой области. Отвлёкшись от любования открывшимся видом, я, насколько смог, поправил лямки и стал искать место, куда я приземлюсь. Тип парашюта не позволял им управлять, и поэтому оставалось уповать только на опыт Басаныча, что тот выбросил нас там, где нужно.

Я увидел аэродром, ангары, стоянку самолётов.

Но прямо подо мной были виноградники, и на них приземляться мне очень не хотелось – столбики бетонные, проволока... Волнение улеглось, когда я увидел, что купол Толика находится в стороне аэродрома, значит, и меня туда снесёт. Земля набегала неумолимо. Восторг от нормального открытия парашюта улёгся, и возникло беспокойство по поводу предстоящего приземления. Стали видны травинки и трещинки.

«Колени и ступни вместе, ноги напряжены, вот и земля...» Всё равно удар о планету был неожиданным. Кувыркнувшись через левое плечо, я оказался на спине. Был штиль, и купол самостоятельно угасал в стороне. Не было тех ужасов, о которых рассказывали корифеи парашютизма: мол, купол может тащить по земле несколько километров и остановится, только когда парашютист совсем сотрётся.

Самолёт выбросил группу спортсменов с цветными парашютами, и я, лёжа на спине, смотрел на них и был абсолютно счастливым. До старта, где расположились спортсмены, идти было с километр, поэтому я лежал и набирался сил перед этим походом. Цветные купола начинали собираться в змейку, и только один синий «матрац» отошёл от группы и направился в мою сторону. И это почему-то меня насторожило.

Ирина Серова, заслуженный мастер всего, чего только можно, приземлилась метрах в пяти от меня. Красивое зрелище, и женщина ничего, правда, старовата, ей уже было под тридцать. Только погас её купол, она меня ласково спросила, всё ли со мной нормально?

Я, приподнявшись на локте, успокоил её, сказав, что всё хорошо.

Тут с ней произошла метаморфоза. Она, повернувшись в сторону старта, стала махать руками, одновременно страшно матерясь. В её монолог самые приличные слова – «урод» и «дебил». Затем она повернулась ко мне. Я к этому времени уже стоял.

– Ты чё развалился, как на пляже? – спросила она.

Я намеренно не выдаю полный вариант её речи, потому что его бы не пропустила цензура.

– Смотрел, как вы прыгали, – промямлил я.

– А ты не подумал, что после того, как ты не встал после приземления, решили, что ты погиб или ранен?

– Извините, не подумал...

– Ты мне сегодня сорвал тренировку, потому что передали на самолёт, чтобы кто-нибудь из спортсменов «проведал» тебя. И этой «кто-нибудь» оказалась я. Сейчас ветер поднимется, и я на штилевую точность уже сегодня не отработаю. Да чё я тебе объясняю! Быстро манатки собирай и пулей на старт.

Ирина резко развернулась, намотала на руку свой невесомый купол и быстро зашагала в сторону старта. Уровень моего настроения закатился куда-то под плинтус. Я собрал свой парашют в кучу, которая превратилась в огромный шар. Кроме него, надо было ещё нести запасной парашют и каску. Короче, когда я всё это выгрузил на складочный стол, с меня семь потов сошло.

Разбор прыжков проводился после приземления крайнего парашютиста, и поэтому до получения взбучки за мой косяк было ещё три часа. А ожидание смерти, как известно, хуже самой

смерти. Видя, что со мной никто не разговаривает, даже Толик, я сел в тенёк возле будки руководителя прыжков и с интересом слушал радиообмен между ним и Ионкиным. Там был выведен громкоговоритель, который в миру называли просто матюгальник.

– Филиппыч, третий заход буду кидать с трёх пятисот!

– Кому там на хрен три пятьсот понадобилось?

– Астахову с двумя прибалтами.

– У них что, групповая, что ли? Трёх за глаза хватит, там сорокасекундный комплекс. А у этих лабусов вообще на точность. Пусть мозги не делают. Выкидывай с трёх и на точку.

– Понял, с трёх. Там ещё подъём будет?

– Нет, на сегодня хорош. Там Серова мылится, но по температуре уже отбой полётам...

– Хорошо, вы мне там старт-завтрак оставьте.

– Оставили, не переживай.

Самолёт Ан-2 заходил на посадку, и я понимал, что разбор полётов приближается со страшной силой. Парашютисты, видя, что больше подъёмов не будет, начали собирать свои манатки и готовиться к погрузке в машину. Однако никто не грузился, так как, согласно ритуалу, закрыть прыжковый день мог только руководитель прыжков (он же и полётов) на построении.

В этот день руководителем был легендарный полковник Силкин Анатолий Филиппович. Это он пообещал оставить Ионкину старт-завтрак. Все потянулись к месту построения, к будке с матюгальником.

Тут ко мне подошёл Басаныч:

– Становитесь на построении передо мной. В смысле ты и Маркин (это Толик). Награждать вас будут...

Я молча кивнул и стал искать глазами Толика. Тот уже был возле будки. Я передал ему указания, и мы заняли место в строю.

Анатолий Филиппович спустился по железной лестнице и приступил к разбору без вступлений.

– Работу лётного и переменного состава оцениваю на четвёрку. Ярыгин, замечание. Чтобы я никого не видел на прыжках с коротким рукавом. На старте хоть в трусах ходите, а в самолёт по полной форме. Басаныч, твой подчинённый, пропесочь. Ионкин, заправку производить только в положенном месте, а то заправщик ловит тебя по всему лётному полю, а тебе трудно на заправочную зарулить. Чтобы последний раз. Марина, слово старт-завтрак состоит из двух слов – старт и завтрак. Поэтому, будь добра, в следующий раз бери пораньше машину и дуй в столовую, но завтрак должен быть в девять, а не в двенадцать.

Руководитель прокашлялся и продолжил:

– И теперь самое главное. Сегодня у нас в аэроклубе свой первый прыжок выполнили два курсанта: Маркин и Смолин. Они ещё не понимают, что заразились неизлечимой болезнью – любовью к небу. Кем бы ни стали эти молодые люди, что бы ни произошло в их жизни, этот день останется в их памяти как самый незабываемый. Я повторюсь, что, освоив восемь типов летательных аппаратов, имея около четырёх тысяч прыжков, помню как сейчас такой же летний день, когда я выполнил свой первый прыжок с самолёта У-2. Вы прошли первую из эстафет в вашей жизни, где не сошёл с дистанции только один из десяти. И этим одним стали вы. Нельзя назвать это маленькой победой – она большая. Вы сделали впервые то, за что вы можете себя уважать. Вас никто не заставлял, вы сами себя заставили, и это главное. Вы сегодня не просто сделали шаг из самолёта, вы шагнули вперёд. И теперь хочу спросить у уважаемого Бориса Александровича, какую оценку он поставит за первый прыжок Маркину и Смолину?

Басаныч потупился и посмотрел на нас с Толиком.

– Думаю, ребята уже знают, что, если прыжок прошёл в штатном режиме, ставится оценка четыре. Может, скажу крамолу, но в авиации пятёрок не ставят. За практику не ставят. За теорию, пожалуйста. Поэтому, Анатолий Филиппович, оцениваю первый прыжок курсантов на твёрдую четвёрку.

После этого Басаныч подтолкнул нас вперёд, и мы оказались прямо перед Силкиным. Подошла Марина и передала ему два пакетика со значками. Полковник продолжил.

– Поздравляю вас, ребята, и вручаю вам парашютные значки. Это такой знак отличия, которого никто вас не сможет лишить. Могут лишить воинского звания, наград, но знак парашютиста теперь ваш навечно. Что-то я о грустном. Это к тому, что цените его.

Силкин пожал нам руки и вручил значки в виде раскрытого купола, с циферкой «1» на съёмной висюльке. После построения все ринулись нас поздравлять. Для меня было откровением, что эти, казалось бы, надменные, заносчивые парашютисты подкидывали меня вверх и обнимали, как родного. Я стал одним из них, просто переступив порог и выйдя из самолёта.

Нет, наверное, не просто переступив, основное – путь до этого металлического порога.

Ушли в сторону Ивина и Серёдкин. Да и весь класс, где я учился, начал видаться мне совсем в другом свете. Сейчас я находился в окружении единомышленников, искренне радующихся моему успеху. Один из десяти. Я часто вспоминал потом эти слова полковника Силкина Анатолия Филипповича.

– Внимание! Я всё понимаю, но хотите вы или нет, старт-завтрак я обратно не повезу, чтобы всё здесь съели!!! – кричала администратор Марина, раскладывая котлеты на куски хлеба. – Сок наливайте сами, прислуги нету.

Я назвала её пчеломать. Точнее, она была матка-шершень, то есть шершнемать. Но пчеломать мне нравится больше.

В первый же день моего заезда на дачу, когда я мирно раскладывала вещи, она залетела в открытое окно и с угрожающим жужжанием зависла в воздухе на расстоянии метра от меня, будто запущенный кем-то дрон. Ближе не подлетала, не нарушала моих личных границ. Вежливая. Но было ясно – пчеломать сильно переживала: а вдруг эта человеко-самка тоже совьёт здесь гнездо? Никаких гнёзд вить я не собиралась, но и делить территорию с какой-то пчеломатерью, пусть даже такой могучей и полосатой, не собиралась и подавно. Я выгнала её в окно с божьей и вениковой помощью.

Так наше знакомство и началось.

Пчеломать стала прилетать каждый день и угрожающе жужжать, как бензопила, на расстоянии метра от моей головы. Было понятно, что терпеть моё присутствие в этом доме она не собирается. У неё на этот дом явно были планы. Я пыталась её выгнать, пробовала с ней добрососедски договориться – объяснить, что я ей не конкурент, хоть и пахну как самка, но пчеломать была упёртая, как овца, и твёрдо стояла на своём.

Как же я рада, что живу в 21 веке, в эпоху мобильного интернета. Я корректор – исправляю ошибки во всяких рекламных текстах. Во времена ковида (помните такой?) сотрудники нашего московского офиса были отправлены на удалёнку, да так на ней и остались – никто не захотел возвращаться в духоту четырёх стен. Ну а что? Зато теперь работаю, сидя не в стеклянном офисе-аквариуме без воздуха, а на дачной терраске или под яблоней на туристической пенке, вдали от опостылевших человеичиков. Любуюсь на расцветающие ирисы и пионы, выращиваю укроп и огурцы. А вечерами встречаюсь в зуме с классными людьми, которые рассыпаны, как горох, по разным концам Земли. Вот так я и живу всё лето. Читаю книжки, поливаю растения, слушаю беседы дроздов. По выходным подключаюсь к какому-нибудь вебинару.

Магазинов здесь нет, но еду мне регулярно привозят курьеры «ВкусВилл» – это единственные живые люди, которых я так близко видела за последний месяц.

Мои родители и бывший парень не поняли меня, остались в городе, ну и пусть. Здесь, на даче, я счастлива, наполнена светом и единением с природой – снова обретаю самодостаточность, которую в городе уже начала было терять.

Частенько на мои вебинары приходит знакомый ёж. Усаживается в траве и пыхтит. Захаживают иногда болотные лягушки. Сидят, повернувшись ко мне спиной и вытаращив круглые глазищи. Даже глуховатая гадюка высовывает голову из-под крыльца, чтобы лучше слышать. Конечно, заглядывает к нам на огонек и пчеломать.

Тем воскресным вечером она залетела без стука. Жужжа, присела на подоконник как раз в тот момент, когда я слушала вебинар по осознанному чтению. В этот раз лекторка говорила про феминизм и женское письмо.

Мне было жаль её выгонять, к тому же я окончательно к ней привыкла, перестала её бояться. Я не двинулась с места, хоть пчеломать и врубала громкость жужжания на полную катушку, надеясь перекрыть громкость ноутбука. Жужжи себе на здоровье, пока не надоест.

Пчеломать сделала несколько кругов по комнате, на хорошей такой скорости. Понюхала мой чай с лимоном. Пить не стала. Поняв, что сегодня явно не её день и жужжать бесполезно, вцепилась всеми лапками в занавеску и притихла. Прислушалась. Кажется, она заинтересовалась темой феминизма в литературе, потому что потом сидела тихо весь вебинар, не перебивала, слушала про перформансы Марины Абрамович, про книгу Надежды Дуровой «Записки кавалерист-девицы», про повесть Софьи Толстой «Чья вина?». Два существа женского пола – я и пчеломать – молча глядели на экран ноутбука и слушали голос лекторки. К своему удивлению, я ощутила... не знаю, какое слово тут лучше подобрать... как будто симпатию, что ли, к этой полосатой. Что-то сродни солидарности – нас с пчеломатерью объединяло понимание вот этой нашей общей женской доли. Казалось, ещё немного – и пчеломать взлетит, доверительно усядется мне на плечо и поведаёт о своём, сокровенном.

***

Стас вошёл обратно в своё тело, лежащее на раскладушке под яблоней. Пошевелил затёкшими за два часа путешествий в астрале руками и ногами. Покрутил головой. В СНТ всё путём: воют соседские собаки, их хозяева мирно пьют, не чокаясь, прямо из стеклянных бутылок пиво и курят вейпы с клубничным вкусом; соседка Маша, чуть склонив голову набок, смотрит с гигантской пчеломаткой вебинар; а Татьяна подглядывает за ними из своего смотрового окна, сдвинув в сторону, как занавеску, буйно разросшийся девичий виноград.

«Дружище, а не пойти ли нам искупаться?» – спрашивает Стас и нежно сжимает в руке металлический маятник на чёрном шнурке. Маятник кивает в ответ.

Стас видит соседку Татьяну, обдирающую с заборной сетки-рабицы непокорный девичий виноград. «Давно не разговаривали с ней», – думает Стас и порывается подойти, поздороваться, посудачить о том о сём, да хотя б о погоде. Делает несколько шагов, но вдруг останавливается и, безнадежно махнув рукой, медленно возвращается к раскладушке.

Ирина Прищепова

пос. Байкал, Иркутская обл.

Прищепова Ирина Александровна. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Сибирь», «Аргатак», «Огни Кузбасса», «Ротонда», а также в «Литературной газете», «Литературной России» и других российских изданиях. Трижды лауреат премии «Золотое перо Руси», ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Автор книги «Творческая гавань Байкала» (2020). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Рассказы

Выгода?

Моя приятельница и бывшая коллега (мы много лет работали в одной школе) вернулась из дальних городов, где она шесть лет была представителем торговой фирмы. И мы с ней стали частенько гулять вдоль железной дороги вблизи байкальского берега. Однажды на прогулке моя попутчица сказала, что каждый человек ищет в жизни для себя выгоду и делает только то, что ему выгодно.

– Неужели? – удивилась я, почувствовав, как слово «выгода» укололо меня и окатило холодком. – Вот мы сейчас гуляем, любимся Байкалом – какая же здесь выгода?

– Прямая. Мы набираемся приятных впечатлений, дышим свежим воздухом, а это хорошо скажется на нашем здоровье. Значит, нам это выгодно.

– Но вообще-то не говорят «выгодно для здоровья», а говорят «полезно для здоровья». То есть правильнее было сказать не «выгода», а «польза».

– Выгода, польза... Какая разница?

– Для меня – большая. Вот вы продавали в далёких городах товар, имели прибыль. Это было для вас выгодно. А я оставалась в родных байкальских местах. Не потому, что мне это выгодно, а потому, что мне хорошо жить в этом благословенном краю.

– Мне кажется, ты придираешься к словам!

И мы замолчали. Каждый остался при своём мнении. Да, наверное, годы работы в торговых фирмах меняют людей. Ладно, пусть себе приятельница гуляет с выгодой, общается со мной с выгодой (с какой только?), а я буду просто любоваться Байкалом. И как же им не любоваться, да ещё в сентябре? Синее море, прозрачная, стеклянная волна у берега, разноцветье осенних гор, белые вершины хребтов на противоположном берегу. Временами из воды появляется нерпа, какое-то время она плывёт, показывая чёрную спину, а потом исчезает в море. Дует ветерок, колышет травы и листья. Некоторые листочки с чуть слышным шорохом падают на землю. И всё кругом обласкано полетнему тёплым солнышком. От солнца и желтизны листвы и день кажется жёлтым. На осеннюю природу смотреть – не насмотреться! Жаль, что пора бабьего лета проходит так быстро...

Кто-то, действительно, селится у Байкала с выгодой. Ловит рыбу, бьёт нерпу, лесного зверя. А мне не надо от Байкала никакой выгоды. Лишь бы он был рядом, лишь бы жил, был здоров и ещё долго-долго радовал людей своей красотой.

«На мой век хватит!»

Запомнилась мне эта давняя встреча. Я была тогда ещё школьницей. Стояла середина лета. Июль оказался щедрым на боровики, и я отправилась в ближний лес погулять и найти несколько молодых грибов на жарёху. В лесу встретила односельчанку, женщину пожилую и не совсем психически здоровую. Она стояла, склонившись, у семейства боровиков и выдирала молодые грибы вместе с корнями.

– Что вы делаете?! – испугалась я. – Зачем вы уничтожаете грибницу? Ведь грибы здесь больше не вырастут!

– Ну и пусть, – отмахнувшись то ли от мухи, то ли от меня, сказала женщина. – Мне-то что! На мой век хватит! Меня, может, в следующем году уже не будет!

И, вырвав все боровики, что попались под руку, женщина вместе с землёй бросила их в пакет и пошла искать следующие.

Помню, что жалко было мне грибы. Очень жалко. До слёз. Но сейчас, спустя десятилетия, думаю, что не такой уж большой вред причинила пожилая женщина лесу. Да и обижаться на неё за это нельзя. А теперь в том лесочке, у Байкала, как грибы, растут дачи и гостиницы, и всё меньше остаётся вблизи посёлка грибных и ягодных мест. Идешь иногда знакомой тропой и вдруг видишь, что путь преградила наспех сложенная изгородь. А за ней открывается строительная площадка. Земля вывернута наизнанку, а рядом с раной холм. У зияющей ямы лежат деревья, ещё зелёные. Конца изгороди не видно – хозяин урвал огромный кусок земли. Вспоминаешь: здесь была ромашковая поляна, а возле неё синели черничкой кочки, а рядом с ними краснели спелые ягодки земляники, а вот тут виднелись из густой травы шляпки боровиков, а здесь росли берёзки, и возле них весною полыхал багульник... И сжимается сердце. И остаётся только сожалеть...

Выжигаются и вырубаются несметные гектары богатейших сибирских лесов, среди которых и реликтовые деревья. Жаль всю планету, почти загубленную людьми, успешными, со здоровой психикой! Правда, берут сомнения: со здоровой ли? Как может здоровый человек сознательно, ради наживы губить то, без чего он не проживёт: растительность, почву, воду, воздух? Как может

здравомыслящий человек сказать: «А мне-то что! На мой век хватит!» Разве может он не думать о своих потомках?! Неужели деньги полностью застыят ум и сердце?

Учёные всё чаще и чаще предупреждают о скором конце жизни на планете Земля. Не раз они говорили, что уже пройдена точка невозврата и всё идёт к концу. Глубоко «наследило» человечество на всей планете. И даже если вдруг оно ни с того ни с сего исчезнет, следы его будут видны, самое малое, десятки тысяч лет. Как ни горько сознавать, что наносим мы огромный вред Земле, но ясно, что она без нас вздохнула бы с облегчением и потихоньку стала бы лечить свои глубокие раны и расцветать. Но человечество вряд ли исчезнет в ближайшее время и вряд ли перестанет жестоко ломиться в природу. А, значит, люди будут продолжать губить планету. Жить согласно девизу: «После нас хоть потоп!» И не оставят потомкам шансов на жизнь. Неужели людская миссия в этом живом зелёном мире состоит в том, чтобы ради страсти к богатству погубить самих себя и всё, что нам даровано свыше? И поймём ли мы, что против матери-природы идти нельзя!..

На маршрутке к Байкалу

Летним днём отправилась я на Байкал. Подходило время отправления моей маршрутки. Немолодой водитель, высокий, худой, в старой футболке, с выцветшими глазами и уныло обвисшими длинными усами, сумрачно сидел, выжидая последние минуты. На его лице были хорошо видны следы долгой разгульной жизни. Он был одним из тех, кто недотягивает до слова «водитель», и кому больше подходит современное «перевозчик». Машина его тоже была, мягко говоря, не очень ухоженной.

Вошла симпатичная высокая блондинка лет сорока с сумкой-тележкой.

– Тётяшка! – встрепенулся водитель. – Куда вы прётесь со своим баулом?! Оставьте его у входа!

– Какая я вам тётяшка! – возмутилась женщина, взглянув на водителя. – И почему вы сказали «прётесь»? Я иду. И не с баулом иду, а с сумкой! – и женщина, оставив сумку, тряхнув волнистыми волосами, прошла на свободное место.

Шумно ввалились четыре молодых китайца и заняли последние свободные места сзади салона.

– Я уже поехал! Чё стоишь?! – грубо крикнул водитель курившей у маршрутки полноватой девушке-пассажирке.

– Ни-чё! – в тон ему ответила девушка и, бросив под ноги окурки, вошла в машину.

Она вошла, и маршрутка черепашьям ходом двинулась в пробке в сторону Байкала.

– Ну вот, наконец, поехали. У меня есть час, чтобы подремать, – подумала я, радуясь такой возможности после нелёгкой рабочей недели. Правда, место не очень удобное: не у окна, спиной вперёд, лицом к салону. Но ничего, как говорится, лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять. Только я закрыла глаза, как затараторили китайцы, пересыпая каждую фразу звонким смехом. А затем во весь голос заговорил по телефону полный сосед, сидевший передо мной у открытого окна. Розовощестью и бесцеремонностью напомнил он мне гоголевского Ноздрёва.

– Привет, Колян! Здорово, дружище! А я на Байкал поехал! – весело и громко начал он разговор. – На Байкал, говорю, поехал! А ты чё делаешь? А-а, квартиру обустройстваешь! Молодец! Слышал, слышал, что ты новую квартиру купил. Знаю, где. Я скоро мимо проезжать буду. Где дом – знаю. А где квартира – нет! А ты выходи на балкон – я и увижу! Да в шляпе выходи! И в галстук! Обязательно, Коля, выходи! Я тебе помашу из маршрутки!

Он закончил говорить и с довольной улыбкой вытер пот со лба. Китайцы всё так же были оживлены и многословны. Немного погодя «запел» телефон у худощавой, нарядно одетой женщины средних лет, сидящей рядом со мной и держащей в руках камеру.

– Здравствуйте, Тамара Александровна! Я еду. Только выехала. Вы к съёмке подготовились? – Хорошо! Русские наряды для детей нашли? – Хорошо! Столы приготовили? – Молодцы! Поставьте на них подносы. А на подносы поставьте расписные кружки. И ложки положите. Всё уже сделали? Большие молодцы! А берёзовых веток наломали?.. Уже пошли за ними? Молодцы! Я скоро приеду. Подъезжать буду – позвоню.

Она убрала телефон в карман. Между тем шквал общения китайцев не стихал. Вдруг полный мужчина закричал в трубку:

– Колян, я тебя вижу!!! Вот машу тебе! А чё же ты без шляпы?! И галстук не завязал?! Как бы хорошо смотрелся! – и он засмеялся, довольный собой. – На обратном пути заеду к тебе. А ты встречай! С бутылкой встречай. А как же! Обмыть квартиру надо. Обязательно!

Он расспросил о новой квартире, поговорил о новоселье, о водке. И, наконец, попрощался: «Ну давай, Колян, до связи!»

А в это время ни на минуту не прерывалась звонкая китайская речь. Китайцы о чём-то увлечённо говорили друг другу, не уступая в громкости мужчине, говорящему с другом Коляном.

Вот ответила на звонок русоволосая девушка, заговорила не спеша, стараясь придать значительность каждому слову.

– Здравствуйте, меня зовут Анастасия!.. Я администратор гостиницы... Наша гостиница фешенебельная... Она находится недалеко от берега Байкала и в четырёх километрах от горнолыжного подъёмника. Мы гарантируем превосходное обслуживание и отличные цены. К услугам гостей фитнес-центр, бесплатная частная парковка и принадлежности для барбекю... Комфорт для нас превыше всего...

Далее она в подробностях стала рассказывать о номерах в их гостинице. Напоследок сообщила, что скоро приедет и предложила позвонившему подойти на ресепшен.

Симпатичная, по моде одетая девушка. Но когда она заговорила, возникло внутреннее напряжение. Кто же учит наших русских девушек, так называемых администраторов и менеджеров,

говорить так безлико, бесцветно, вежливо-настырно, с множеством неоправданных английских заимствований. Не моргнув глазом, с фальшивыми улыбками, заманивают они и обдирают обращающихся к ним людей...

Мои размышления сопровождало веселье неугомонных китайцев.

Тем временем зазвонил телефон у водителя. Ему сообщил водитель другой маршрутки, уехавшей вперёд, что на дороге затаился патруль. Наш водила легко справлялся с несколькими делами одновременно: пересыпая речь матами, говорил по телефону, прижатому головой к плечу, курил, дымя в открытое окно и между прочими делами, ещё и машину вёл. Вот он в последний раз обругал работников ГИБДД и убрал телефон.

А китайцы не уставали веселиться.

– Привет, Марик! – бодро поприветствовал собеседника бритоголовый парень с татуировками на руках, сидящий в середине салона. – Ты чё, Марик, трубку не берёшь?! Я тебе сегодня уже сто раз звонил! Марик, прикинь, я на Байкал еду! Два года дома не был! Давай вечером встретимся, посидим на берегу, поболтаем. А чё такое? Ну, ты, Марик, даёшь! Два года не виделись! Кореш называется! Ну и женись. Я не мешаю. Хоть завтра женись! А сегодня у нас, Марик, мальчишник будет. Димона позовём. А чё не хочешь говорить-то? Важный стал?! Ладно, хрен с тобой, некогда – так некогда! Думай до вечера. А я вечером ещё раз позвоню!

Он тут же набрал другой номер.

– Димон, привет! Не узнал? Это я, Лёха! Ну вот, блин, всего два года не был, и никто уже не узнаёт! Давай сегодня на берегу посидим... Вечером. И Марика позови! Он такой деловой стал! Нет, рыбачить не будем. Ну и чё, что клёв хороший! Возьмём пивка, водочки – нам и без клёва будет клёво!.. Где я был? О, где я только не был! Всё под водочку расскажу! Ладно, звони Марику, а потом мне! Буду ждать звонка!

Лёха замолчал. Но ещё более активизировались китайцы.

– Ну что, Тамара Александровна, ветки принесли? – закрыв одно ухо и стараясь перекричать китайцев, спросила женщина с камерой. Молодцы! Всё украсили? Молодцы! Клещ укусил? Девочку? В медпункт отправили? Молодцы! Я уже подъезжаю. Сейчас буду выходить. До встречи!

Нет, китайцы поистине великий народ, сколько в них энергии! У этих уж точно хватит весёлого запала на весь путь.

Женщина с камерой вышла. На её место, поближе к выходу, пробралась старушка, ехавшая с четырьмя большими авоськами. Белокурый парень, сидящий рядом со мной, встал и помог ей перенести багаж.

– С пенсии на оптовку ездила, – сказала она юноше и мне. – У нас всё дорого. Если в наших магазинах всё покупать, пенсии на месяц не хватит... Как шумно сегодня в маршрутке – голова разболелась! И ведь никому сейчас слова не скажи. Так ответят! Один раз попросила говорить потише, сказали, что мне уже дома надо сидеть. И старой каргой обозвали!

– Да, к сожалению, хамства сейчас хватает, – согласился юноша и спросил: – Вас кто-нибудь встретит?

– Я живу одна. У меня только кот. А кот встречать не умеет.

Пожилая женщина попросила водителя остановиться. Он не услышал и прибавил скорость, которая и без того была велика.

– Остановите! Здесь выйдут! – крикнул юноша-блондин. Водитель резко затормозил.

Сумки упали. Из них вывалились огурцы, помидоры, капуста, пакетики с крупами.

– Ты чё дрова везёшь?! – заорала девушка, которая курила перед отправкой. – Из-за тебя у бабки сумки упали!

– А почему мне поздно сказали?! – огрызнулся водитель. – Надо говорить заранее!

– Ты ещё и глухой! Тебе давно сказали! – парировала девушка.

Водитель отмолчался.

– И вы бы заткнулись! – обрушила она гнев на китайцев. – Всю дорогу орёте, ржёте – достали уже!

Девушка подкрепила свои слова парой крепких словечек. Вид у неё был воинственный. Китайцы притихли.

Мы с юношей собрали продукты, помогли женщине сложить их в авоськи. Когда машина остановилась, молодой человек вынес сумки, помог бабушке выйти и вернулся. Маршрутка тронулась, удаляясь от старушки, которая не спеша, вразвалочку пошла по пустынной дороге с тяжёлыми сумками и пакетами.

Девушка, восстановившая тишину, тут же сама её и нарушила. Минут пятнадцать она болтала на весь салон ни о чём со своей подругой. Китайцы немного оживились.

Когда оставалось минут пять до моей остановки, вдруг стало тихо. Только шуршание колёс да ветерок, залетающий в приоткрытые окна. Я сунула руку в карман, чтобы достать телефон и посмотреть, сколько времени. Юноша-блондин проследил взглядом за моей рукой. Телефон я доставать не стала. Хватит на сегодня телефонов!

На моей остановке вывалились из маршрутки и китайцы. Даже не взглянув на Байкал (зачем только ехали!), стали они пить пиво...

Я спустилась к Байкалу. Он, солнечный и ласковый, чуть играл волной. Лазоревые небеса сливались с нежно-голубыми красками моря. Солнце соединило далёкие берега золотистой дорожкой. Несколько чаек, сверкая, кружилось в золоте воды и неба. Большим блаженством было для меня увидеть живую чудесную байкальскую картину, услышать ласковый плеск волн и крики чаек.

Вот теперь отдохну!

Дмитрий ВОРОНИН

п. Тишино, Калининградская обл.

Воронин Дмитрий Павлович. Родился в 1961 году в г. Клайпеда Литовской ССР. Член Союза писателей России. Автор 4 книг прозы. Лауреат премии им. А. Куприна, губернаторской премии «Признание». Публиковался в ряде литературных журналов и альманахов России и ближнего зарубежья: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Наше поколение» (Кишинёв), «Новая Немига» (Минск), «Простор» (Алма-Ата), «Нижний Новгород» (Н. Новгорода) и др.

«Жил-был художник один...»

Рассказ

Ах, этот волшебный Тбилиси, этот великолепный Тбилиси! Ах, эти потрясающие сациви и сулугуни, чахохбили и хачапури, хинкали и чанахи! Ах, эта «Хванчкара», эти «Цинандали», это «Киндзмараули», и это «Мукузани»! Ах, этот Вахтанг со своей песенкой «Чито Гврито»:

Чито-грито, чито-маргарито, да...

Дмитрий Петрович с женой Наденькой просто обалдели от красот чудесного города. Гуляли по запутанным улочкам Авлабари, заглядывали в сказочные дворики Старого Тбилиси, наполненные ароматами местной кухни и громкими голосами старожилов, удивлялись необычным строениям Мтацминды и смеялись радостно друг другу всякий раз, когда встречали на пути что-то неожиданное. А неожиданностей попадалось предостаточно. Старуха-торговка, завернутая с ног до головы в чёрные шали и предлагающая купить любую из них: «Э, дарагой, падары сваей жэнцине платок. Сматри, заморзла савсэм! Из лучшэй авцы сдэлан, самую лахматую стрыглы. На сэвэре грэть, как пэчка, станэт. Ты с сэвэра?». Подвыпивший велосипедист, горланящий на весь квартал «Тбилисо» и не дающий обогнать себя целой веренице машин. Постовой, увещающий лохматого пса, пытающегося ухватить его за штанину: «Слушай, дарагой, атстан, а? Савсэм задрал, а? Гдэ твой совэст?». Комбинации, бюстгалтеры девятого размера и цветные семейные трусы, гордо реющие на верёвке, перетянутой через дорогу между домами.

– Просто замечательно! – цокал языком Дмитрий Петрович и поднимал вверх фотоаппарат.

– Просто сказочно! – жмурилась от удовольствия Наденька, выщёлкивая на камеру телефона гордых грузинских кошек.

– Просто невероятно!

– Просто чудо чудесное! Вот только куколки для моей коллекции не хватает, и тогда уж, точно, полная Нирвана, – кивнула в сторону очередной сувенирной лавки Наденька.

– Стоп! – пресёк её попытку супруг. – Мы же договорились, покупаем только редкие вещи и только на блошином рынке.

– Ну, так пошли уже на этот чёртов рынок, – капризно надула губы Наденька. – Сколько можно меня мариновать, измучилась совсем. Третий день в Грузии, а я всё ещё без куклы! Время пролетит, не заметишь.

– Надюша, потерпи до завтра. Ты же знаешь, пойдём – пропадём. Сегодня город досмотрим, хинкали съедим, саперави выпьем, в театр сходим, а завтра, с утра пораньше, и окунёмся в волшебный мир блох. Ты – кукол искать, я – картины высматривать. У нас четыре дня ещё впереди, хватит.

Дмитрий Петрович собирал картины, а Наденька – куколок. По возможности старались пополнять свои коллекции уникальными экземплярами, но всё больше случались бесполезные покупки, которые потом расходились по друзьям и знакомым. Денег на такие приобретения хватало раз-два в год, и радость от удач держалась долго-долго.

Наутро блошинный рынок Тбилиси встретил новых покупателей тепло и весело, как давних знакомых, моментально погрузив их в круговорот своей жизни. Аромат кофе и пряных булочек наполнял всё пространство барахолки от Сухого до Саарбрюкенского моста, перекинутого через Куру. Почти вся торговля шла прямо с земли. Всюду лежали покрывала и простыни, картон и байковые одеяла, газеты и даже ковры, на которых, порой в полнейшем беспорядке, валялась разная всячина – от поношенной обуви до виниловых пластинок. Тут можно было найти и истрёпанные временем книги, и советскую бижутерию, и детские игрушки, и русские самовары, и напольные часы с патефонами, и саквояжи с фотоаппаратами. И только на облупленных столиках, раскладушках и самодельных прилавках товар выглядел упорядоченно: кинжалы и ножи отдельно, значки и медали отдельно, марки и открытки отдельно. Глаза покупателей вытанцовывали половецкие пляски, пытаясь отыскать в этом хаосе необходимую вещь.

Вытанцовывали глаза и у Дмитрия Петровича. Выплясывали до тех пор, пока не наткнулись на прислонённую к чемодану картину, какого-то местного художника. Работа была любительская, очень небрежная и, скорее всего, недописанная, но, тем не менее, она привлекла к себе внимание. По всей видимости, художник изобразил на холсте сельский пейзаж. Хотя Дмитрий Петрович мог и ошибиться. На переднем плане особо выделялись тёмно-зелёные пятна то ли многочисленных кустов, то ли деревьев, но полной уверенности в этом не было. Прорисовка была нечёткой, совершенно размытой. Деревья могли оказаться и чем-то другим. В середине картины

просматривалось подобие водоёма, но и тут могло не сложиться. При определённом положении водоём превращался в пашню или огород. На заднем плане угадывались сельские домики, за которыми синели горы, а может быть, и само небо.

– Что скажешь? Правда, красива? Тэбэ нравится? – неожиданно прозвучало рядом.

Дмитрий Петрович обернулся на голос. Возле него стоял типичный невысокий усатый грузин с классической кепкой-аэродромом на голове и с любовью смотрел на произведение искусства.

– Замечательный живапыс! Пазапрошлый вэк, канец дэвятнадцатого, старина ещё при царэ. Втарой Пырасмани! Выжу по тваим глазам, что панравилса. Пакупай. Тэбэ, как знатаку, бонус.

– А что за художник этот ваш второй Пирасмани? – весело сощурился Дмитрий Петрович.

– Вай, ты нэ знаэш? – удивлённо приподнял густые брови грузин. – Эта жэ Вано Вэпхвэдзэ! Точна нэ знаэш?

– Нет.

– Вах, ви слыхалы, он нэ знаэт Вано Вэпхвэдзэ! – повернулся продавец к соседям, и те уккоризненно закивали. – Можэт, ты и Ван Гога нэ знаэш, и Кустадыева с русскими красавицами?

– Ван Гога знаю и Кустодиева тоже.

– Вот выдиш, Ван Гога знаэш, Кустадыева тожэ, а Вано Вэпхвэдзэ нэт. Это нэ справэдыва, слюшай! Давай, купи картину, дома на стэну павэсиш, будэш знат, кто такой Вано, будэш гастям паказыват, мнэ спасыбо гаварит.

– Сколько стоит?

– Какой маладэц, всё панымает. Тэбэ, как цэнытэлю, за пятсот лари отдам, савсэм бэсплатна! – махнул вверх ладонью грузин.

– Пятсот? – изумлённо уставился на него Дмитрий Петрович.

– Што? Многа? – развёл руками продавец. – Я тэбэ даром её отдаю, а ты глаза на мэня вилуплаэш! Врэмя маё тратыш. Иды атсюда, можэт, гдэ дэшэвлэ вэликого Вэпхвэдзэ купиш, – возмутился хозяин картины и обиженно отвернулся от покупателя.

Дмитрий Петрович удивлённо пожал плечами и продолжил обследовать рынок. Часа два супружеская пара внимательно изучала развал, с наслаждением втягивая в себя запахи ушедшего времени. От каждой вещи исходил свой неповторимый аромат – дух истории.

Наденьке удалось пополнить свою коллекцию прелестной французской фарфоровой куколкой первой половины двадцатого века, а Дмитрий Петрович удачно сторговал у старой торговки, плохо говорившей по-русски, любопытный натюрморт с изображением абрикосов, рассыпанных по столу вокруг бокала с красным вином. Написан он был лет пятьдесят назад на фанерной крышке от посылочного ящика. Довольные собой и покупками супруги возвращались в гостиницу.

– Э, слюшай, зачэм мима идёш, на картину савсэм нэ смотрыш? – раздался позади знакомый голос. – Нэ хочэш Вэпхвэдзэ забират, так и скажи. А то я тэбя тут цэлий дэн жду, дамой нэ иду. Никаму этот шэдевр нэ прадаю, голодный савсэм. Двадцат чэлавэк хатэли картину купит, всэм атказал, тэбэ бэрэг, а ты мима праходиш. Будэш пакупат?

– За пятьсот лари?

– Канэчна! Патрогай, – протянул грузин картину Дмитрию Петровичу, – натуральный масло, гдэ ещё такой найдёш? Это тэбэ нэ в магазынэ для сывэниров. Там всё нэ настоящее – эрзац.

– Нет, дорого.

– Пачэму дорого? Пэтсот лари – дорого? Савсэм жадный, да? Совэсти нэт! Мнэ за нэё семсот лари давали, нэ прадал, тэбэ бэрэг. А ты – дорого! Аграбыт мэня хочэш, па мыру пустыт! Знал бы, што такой крукул, вчэра бы другому прадал за тысачу лари.

– Так за семсот хотели купить, или за тысячу? – улыбнулся Дмитрий Петрович.

– Вчэра за тысачу, сэгодна за сэмсот. Твой какая разныца? – возмутился продавец. – Иды давай дамой, и нэ мароч мнэ уже голаву. Но павэр, завтра сам прыбэжыш, спат вся ноч нэ уснэш. Мэтатся по падушкам будэш, про Вэпхвэдзэ думат.

Утром, сидя за чашкой кофе, Дмитрий Петрович с Наденькой наметали дневной план и рассмеялись послеобеденному посещению Сухого моста.

– За картиной второго Пирасмани?

– Обязательно!

Прогуляв всю первую половину дня в ботаническом саду, до краёв наполненным магией, и откушав в одном из подвальных старого Тбилиси эрбохачо, харчо, чашушули и кучмачи, супруги, взявшись за руки, неторопливо направились к рынку.

– Вай, сматры, Нино, идот! – донёсся издалека до счастливой парочки зычный голос грузина. – Я тэбэ гаварыл, куда дэнэтса! Картина у нас валшэбная, нэ днём, нэ ночью нэ атпускаэт.

Дмитрий Петрович широко заулыбался продавцу, как старому доброму знакомому.

– Вот, гуляем по городу. Заодно решили и по рядам пройти, вдруг вчэра чего не заметили, мимо проскочили.

– А што здэс сматрэт? Сматры – нэ сматры, болшэ такой красату нэгдэ нэ увыдэш. Так толка Алэксэй Вэпхвэдзэ мог нарысават!

– Как?! Алексей? – удивился Дмитрий Петрович. – Вчэра же Иван был.

– Развэ? Ты точно помныш? – подозрительно покосился на него грузин.

– Точно. Вы сами его Ваню называли.

– Нэ можэт быт! Што я Ваню от Алоши нэ атлычу? А тэбэ какой разныца, што Иван, што Алоша? Аны в адной сэмье жили. Это атэц и сын, нэ панымаэш, да?

– Не скажите. Возможно, этот ваш Вепхвадзе Ваню и второй Пиросмани, но тогда какой Алексей? Третий, что ли? А если третий, то и цена должна быть, как за третьего.

– Умный, да? – сняв кепку, задумчиво потёр затылок продавец. – Ладно, угаварыл, бэри Алошу за трыста лари.

– Надо подумать.

– Иды, думай. Толка долга нэ хады, купыт могут.

И этот день оказался удачным. За двадцать лари Дмитрию Петровичу достался простенький городской пейзаж, по всей видимости, долго пылившийся где-то на чердаке или антресолях. Краска в некоторых местах осыпалась, и на изображении виднелись какие-то потёки, но в целом картинка выглядела вполне сносно. Наденька же нашла однорукую куклу-марионетку фотографа грузина и была этому необыкновенно рада. Возвращаясь обратно, она повела бровями в сторону знакомого продавца.

– Нас, верно, высматривает.

И действительно, владелец трёх Пиросмани тревожно рыскал глазами по пёстрой толпе, снующей вдоль торговых рядов. Заметив Дмитрия Петровича, пожилой грузин радостно замахал ему своей огромной кепкой.

– Давай, давай, иды скарэй суда! Ужэ устали тэбя ждат с Нино. Всэ глаза прасматрэли. Нэт и нэт савсэм. Думали, ушол – нэ прыдэш. Забыл, про тэбя тут Джованни Вэпхвадзэ очэн скучаэт.

– Какой ещё Джованни? – от неожиданности подался назад Дмитрий Петрович.

– Как какой? – нахмурился грузин и показал на давешнюю картину. – Вот этот. Чачу пыл или вина многа.

– Не пил я ничего.

– Нэ пыл, а Джаванни нэ узнал. Можэт, тэмпэратура?

– Может, у вас температура?

– У мэна зачэм?

– Да просто бред какой-то, – потёр висок Дмитрий Петрович. – Этот ваш Джованни с утра был Алёшей, а вчера так и вовсе Иваном.

– Правда? – в свою очередь удивился грузин. – Вчера Иваном бил? Точна?

– Ну да, Иваном.

– И што тут нэ ясна? Иван, Джаванни – одна имя.

– Ага, то русское, то итальянское, то грузинское.

– Слушай, што прэстал, как в банэ лыст? Нэ знаэш нэчэго, так малчы, да? Джаванни – эта внук Ваню, сын Алошы, он в Италии радылса, в самом Мыланэ, там гдэ Ла-Скала. Там Паваротти пэл. Ты опэру лубыш?

– Люблю.

– А гаварыш, што нэ знаэш, пачэму Джаванни. Вот мама и папа, каторый Алоша, его так называли. В чэст дэда. Толка на итальянском. У тэбя внуки эст?

– Нет.

– Вот кагда будут, ты их тожэ в чэст дэда назавы. Так всэ дэлают. Памят.

– Ну ладно. А картина тогда чья?

– Всэх! – обозлился грузин. – Ты савсэм нэ панымаэш? Или издэваэшса.

– Почему издеваюсь? Не понимаю, – искренно посмотрел на продавца Дмитрий Петрович.

– Вся сэмья Вэпхвадзэ – художныки. Аны всэ вмэстэ картыны рысуют. Всу жызн, из пакалэныя в пакалэныя.

– Сколько лет?

– Многа. Можэт, сто, можэт болшэ. Дэд начынаэт, сын патом далшэ прадалжаэт, внуки заканчывають. Вэздэ так.

– И поэтому дорого?

– Канэчна! А как ты хатэл? Здэс какой труд? Сто лэт картыну пышут, нэ раз-два ляп. Одын зэмлю рысуэт, другой – лэс и полэ, трэтый – нэбо и воду. Патом адын шэдэвр палучаэтса. Сам выдыш.

– Ну уж, конечно, шедевр, – скептически ухмыльнулся Дмитрий Петрович.

– А ты выдыш, какой здэс мазок, выдыш, какой тэн? – обиделся грузин.

– Нет, не вижу, – сделал шаг в сторону от картины Дмитрий Петрович.

– Правэлно, нэ выдыш! У абыкнавэннаго художныка всо проста, а у классыка нэчэго нэ панятна, патаму и дорага. Павэсыш такую картыну на гвозд, и ходыш вакруг нэё всу жызн, и думаеш, што там на нэй нарысована. И мэчтаеш всэгда. Сэгодня адна мэчта у тэбя, патаму што солнце так пасвэтило на краски, завтра у тэбя втарая мэчта, патаму што солнца луч на картыну лёг с другой стараны, а послэзавтра трэтый мэчта, патаму што солнца луч вапшэ нэкуда нэ лёг, тэмно на улыцэ, вэтэр адын и дожди дот. Сагласэн?

– Ну, наверное, и так бывает. Только мне авангард не нужен, я пейзажи люблю.

– Э, какой авангард, слюшай. Мнэ самаму авангард нэ нужэн. Маяковский толька замэчатэлный, но он – грузын, у нас радылса. Тут ныкакой нэ авангард, тут пэйзаж и ест, как у

Лэвэтана. Помныш его картину «Кладбищэ на Волгэ»? Я в Масквэ в Трэтаковкэ бил, кагда в сэсэре жили, Лэвэтана увидэл – лубов на всу жызн. Вэпхвэдзэ тожэ Лэвэтан, толка в Грузии.

– Да ну?

– Нэ вэрыш? А вот пасматры, – стал тыкать пальцем в тёмно-зелёные пятна на холсте грузин, – вот горы, выдыш, Казбэк.

– А почему они зелёные? Горы, если вдали, чаще синие.

– Какой сыные? Сыный нэбо, а тут лэс в гарах. Ты што, лэса нэ видэл?

– Видел. Ну, допустим тут лес, а где тогда Казбек? Там же снег круглый год на вершине.

– Э, какой снэг? Расстаэл снэг, экалогия такой сэгодна, тэпло вэздэ, парник на зэмлэ. Заводы там, фабрыки, машины ездат, воздуха нэ стала савсэм, адын газ. Вот и на Казбэк дашол, всо атравыл. Купишь картину?

– Не знаю. Надо подумать ещё. Тут даже авторской подписи нет. Как определишь – Вепхвэдзе это, или нет?

– Ты какой-та тугой дум, вродэ так па-русски. Очен долга думаэш, два дня ужэ. Так и памэрэт можна. И што здэс апрэдэлат, и так выдна, настаящий Вэпхвэдзэ. Нэ вэрыш? Тэбя как завут?

– Дмитрий.

– О, Димэтр, хорошее имя, умное. А мэна – Арчыл, или Арчи завы. А ты знаэш, аткуда твой имя?

– Вроде греческое.

– Маладэц, знаэш. Димэтр – это бог в Греции, он палями и уражаями рукавадыл. Ты сам аткуда прыехал?

– Из Калининграда.

– О, Лэнинград, красивый город, чут хужэ Тбилисо. Я там бил давно, эшо в савэтскае врэмь. В Эрмитаж хадыл, на Аврору хадыл, в Лэтнэм саду хадыл, в Пэтропавлавку хадыл, по Нэвскаму хадыл. Панравылса мнэ Лэнинград. Но скучна. Грузын мала, пэсэн мала, Куры нэт, Авлабара нэт, вино – дран. Прасты. Картину завэрнут?

– Я ещё не решил, – задумчиво посмотрел на «шедевр» Дмитрий Петрович.

– Пачэму нэ рэшил, а? Иза подпэси, да? Ка мнэ ужэ сорок чэлавэк падхадили, прадат прасылы, пэссот лари давалы, на подпыс нэ сматрэлы. Нэ прадал, тэбэ бэрог, как другу. А ты – нэ рэшил. За двэсти лари нэ рэшил. Бэсплатно савсэм! Бэри, пака дошева, – настаивал Арчил.

– Я думаю.

– Вах, ты слышала, Нино, он эщё думаэт. Индук тожэ думал, пака в харчо нэ папал. Можэт, чачи выпьем, чтобы думал быстрее? Или в нарды сыграэм?

– Нет, сегодня не могу. Сейчас в консерваторию идём оперу Доницетти слушать.

– Навэрно, «Любовный напыток»?

– Точно, – удивился эрудиции грузина Дмитрий Петрович.

– Какой маладэц! Завтра расскажэш, как пэли. Я патом тэбэ «Сулико» спаю. Сравныш, – и, повернувшись к жене, Арчил добавил. – Пасматры, Нино, Димэтр на опэру идот, наш чэлавэк, настаящий грузын.

После спектакля супруги в отличном настроении неспешно возвращались в гостиницу. По дороге они бесконечно делились между собой впечатлениями об опере, консерваторской акустике, актёрах и певцах, об оркестре и зрителях. И только в номере вспомнили о продавце-грузине.

– Когда к Арчилу завтра пойдём торговать Вепхвэдзе? – подмигнула супругу Наденька.

– Как обычно, после обеда.

– А давай с утра. С утра мы туда ещё не ходили.

– Ну, давай, – согласился Дмитрий Петрович. – Позавтракаем и пойдём.

– Нет, давай совсем рано пойдём, когда ещё и торговли нет, а продавцы только-только подтягиваются к рынку и начинают раскладывать свои сокровища.

– Так это часам к восьми надо уже там быть. Встанешь?

– Встану, – уверенно ответила Наденька и хитро прищурилась. – А ты представь, какое лицо будет у нашего замечательного грузина, когда он увидит, что мы его уже ждём!

– Нет, не могу. Хотя... – вдруг рассмеялся Дмитрий Петрович.

– Вот-вот.

Арчил, впряжённый в самодельную коляску, наполненную товаром, полусонно двигался к Сухому мосту. Рядом с ним, высоко подняв подбородок, аристократично вышагивала Нино, раскрыв над головой китайский зонтик и придерживая подмышкой дамскую сумочку. Её взгляд был устремлён поверх голов идущих навстречу людей.

– Гамарджоба, Арчи! Гамарджоба, Нино! – приветствовали пару ранние торговцы.

– Гагимарджос, Гиви! Гагимарджос, Ашот! Гагимарджос, Елена! – кланялся в ответ Арчил.

– Гагимарджос, – небрежно отвечала Нино.

– Арчи, Нино, там вас ужэ ждут, – предупредили по дороге супружескую чету.

– Ждут? Кто ждот, скажи? – окончательно проснулся Арчил.

– Увидишь.

– Димэтр! Надин! – широко улыбаясь, закричал на весь рынок грузин, заметив, стоящих на его торговом пятачке, знакомых. – Вах, какой нам падарок, Нино! Пакупатэли раншэ прадавца

прэшлы. Эта балшой чэст для нас! Такая удача, можэт, адын раз в жизни бываэт. У мэна пэрвые – точна! Давно ждош? – заключил Дмитрия Петровича в свои объятия Арчил.

– Ещё солнце не встало, пришли, – пошутил Дмитрий Петрович, аккуратно высвобождаясь от цепкой хватки.

– Ты слышала, Нино, какой джигит – Димэтр! Ночю, в тэмнатэ к нам с табой са сваей Надин пашол! Нэ напугалса! Настоящий гэрой! Мцыри! Я тэбэ за эта Бруно Вэпхвэдзэ за сто лари падару! Павэсиш дома на стэну, Арчи с Нино добрым словом помныт будэш. Мы ыкат станэм, тэбя с Надин вспомним. Дай, пацэлуу!

– Слушай, Арчил, – от переизбытка чувств перешёл на «ты» Дмитрий Петрович, – а почему сегодня уже Бруно? Вчера ещё Джованни был. Второй внук, да?

– Ай, маладэц, Димэтр! Умный какой! Пачты чут-чут нэ угадал, – весело рассмеялся грузин. – Бруно – это правнук Ваню. У Вэпхвэдзэ цэлый дынастия художныкав, как у вас Рурыки. Ат княза Игара до батки-цара Ивана Грознава. Сэмсот лэт Русью правэли, так и у нас Вэпхвэдзэ болшэ сто лэт рисуют. Дай Бог им таланта эшо на пэтсот лэт и далшэ. Я тэбэ тут подпыс напысал на картынэ от всэх Вэпхвэдзэ. Тэпэр купиш?

– Какую подпись? – у Дмитрия Петровича отвисла челюсть от изумления.

– Ну, ты вчэра жалэл, што подпысы художнэка нэт. Я падпысал. Тэпэр эст, сматры, – развернул Арчил перед ошарашенным покупателем полотно. – Правда, красыва?

Внизу картины, слева направо, во всю ширь, красным фломастером кривыми русскими буквами было написано: «Вэбхвэдзэ Ваню – атэц, Вэбхвэдзэ Алоша – сын, Вэбхвэдзэ Джаванни – внук, Вэбхвэдзэ Бруно – правнук. Картынэ сто лэт. Пэйзаш. Казбэк в лэсу».

– Мама родная! – ахнул Дмитрий Петрович.

Наденька, отвернувшись в сторону, кусала носовой платок, глаза её наполнились слезами, а плечи вздрагивали.

– Нравытса тэпэр? – улыбался Арчил, вопросительно глядя на покупателя. – Бэрош?

– Очень нравится! С подписью просто шедевр! За такое и переплатить не жалко. Гениально! Беру! – отсчитал сто пятьдесят лари Дмитрий Петрович.

– Вай, маладэц, Димэтр! Тэбэ – удача, мнэ – удача. Ты замэчатэлный пакупатэл! Лучший у мэна.

– А ты, Арчил, замечательный продавец! Лучший у меня.

– И у меня, – подтвердила Наденька, вызвав первую улыбку на лице Нино.

Грузин протянул деньги супруге:

– Нино, царица мая, схады к Софико, вазми у нэё чачу, хачапури, винаград. Скажи, Арчи друга встрэтил, из Лэнинграда прэлэтэл са сваэй Надин. Празнык у нас. Шашлыки у Дато купы, у нэго из настаяшэй авцы.

– Моя Надя чачу не пьёт, крепкая она.

– Пачэму – крэпкая? Нэчэго нэ крэпкая, чут крэпчэ вина, савсэм как лэманад.

– Да и времени у нас нет.

– Пачэму нэт? – нахмурился грузин. – Зачэм абижаэш? Всэго час пасэдим, пагаварым, я тэбэ «Сулико» спаю. В нарды играэш?

– Нет.

– Научу.

Через два часа, выпив из пластикового стаканчика очередную порцию чачи, Арчил выпрямился, зажмурил глаза и в третий раз затянул:

Сада хар чемо Сулико?

Второй куплет подхватили соседи Арчила, тоже поднявшись со своих мест во весь рост, а третий куплет запевал уже весь рынок. Закончилось невероятное исполнение дуэтом Арчила и Нино.

– Это тэбэ на пращаниэ от всэй Грузии, – склонил голову Арчи.

– Боже, какие голоса, какие голоса! – плакала в восторге Наденька.

– Ты должен к нам приехать, Арчи, слышишь, должен, – требовал у грузина ответа совершенно обалдевший Дмитрий Петрович. – Обязательно с Нино! Мы вместе решим, где повесить твою картину. Дай слово, что приедешь.

– Приеду, дарагой, абэзатэлна приеду. Давно хачу в Лэнинград. И Нино пускай пасмотрыт на втарой Тбилисо.

– В Калининград, – обнимая за плечи Арчила, поправил Дмитрий Петрович.

– Э, какой в этом разница, Калининград-Лэнинград. Главнаэ, што у нас с табой, Димэтр, Грузия и Расия навсэгда!

– У нас с тобой, Арчи, точно, Россия и Грузия навеки!

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова в номинации «Критика» (2018).

Голос прошедших лет

Рассказ

1.

Шёл тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Этот год запомнился празднованием 50-летия Октябрьской революции, открытием в Волгограде монумента «Родина-мать». В этом же году в Ленинграде изготовили первую партию цветных телевизоров «Радуга», вышло Постановление Правительства о переходе с шестидневной на пятидневную рабочую неделю, впервые в нашей стране был опубликован роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Об этих и других значимых событиях старшеклассник Борис Воронцов хорошо знал, так как был склонен к познанию мира. И этот мир задавал ему всё больше и больше вопросов, на которые нужно было находить ответы. Именно в это время Борис столкнулся и с тем, что называется любовью.

Воронцов влюбился в свою одноклассницу Галю Кузьмину. Сейчас они уже заканчивали девятый класс, быстро выросли, а Кузьмина не испытывала к Борису сердечных чувств. Хотя, по общему признанию, он был симпатичный парень, высокого роста, учился почти на «отлично», и второй год подряд его избирали комсоргом класса.

Тяга к знаниям усилилась у Бориса два года назад. На летних каникулах он перечитал все учебники пятого–седьмого классов по ботанике, географии, биологии и истории, так как убедился, что почти ничего не помнит из их содержания. Кроме того, он завёл тетрадь, в которую записывал незнакомые слова, значения которых не знал. И после этого рылся в словарях. А чтение художественной литературы стало одним из его любимых занятий.

Воронцов периодически проявлял знаки внимания к Галине, но ответной реакции не последовало. Нельзя сказать, что это задевало самолюбие Воронцова – такого чувства он не испытывал. Просто его сердце жаждало взаимности, а Кузьмина отталкивала его. Девушки – уникальные создания: они способны притягивать парней, отталкивая.

Как и многие школьники, попавшие в плен первого любовного, ещё только платонического чувства, он начал писать стихи. И, когда их накопилось несколько десятков, прочитал старшему брату Алексею – студенту филологического факультета университета. И очень огорчился, когда тот сказал: «Очень слабые вирши. Всё в корзину, а вот это оставь». Затем, взяв в руки тетрадь, сам прочитал вслух одно стихотворение:

Четыре строчки за день стихов.
Четыре ночи бессонных снов.
Четыре капли, выпавших из глаз.
Четыре сабли прокололи враз.
Четыре чувства захватили власть.
Четыре буйства не хотят пропасть.
Четыре, четыре, четыре, четыре –
Шестнадцать бросков к окну твоему.
И, как удар по голове гирей,
Четыре пощёчины. Мне. Одному.

Ещё раз прочитав это стихотворение уже про себя, Алексей спросил:

– Ты влюбился, дружок?

– Да, – признался Николай. – Но она...

– Не отвечает взаимностью. Это, брат, в жизни часто бывает. Любовь – это своего рода налог, который мы вынуждены платить за то, что у нас есть сердце...

Эти слова брата Воронцов запомнил на всю жизнь.

Все мы закованы в кандалы обстоятельств. Вскоре Борису предстояло расставание со своей школьной любовью. И это его мучило больше всего.

Семья Воронцова переезжала из посёлка городского типа Куйбышевской области в город Сочи. Дом на курорте был куплен недавно, мать и отец Бориса находились уже в Сочи.

В начале июня Воронцов получил в школе табель об окончании девятого класса и на следующий день сел в электричку. Ему предстояло доехать до Куйбышева (ныне Самара) и оттуда самолётом вылететь в Сочи.

Зайдя в вагон, Борис положил на верхнюю полку чемодан и стал внимательно смотреть в окно. Он мысленно прощался с местами, ставшими для него родными. Здесь прошло его детство, началась юность. Он смотрел на знакомые улицы, испытывая противоречивые чувства. Жалко покидать друзей детства, школьных товарищей и особенно дорогую его сердцу Галину Кузьмину. Неужели он никогда её больше не увидит? От этой мысли ему сделалось не по себе, и он стал ещё внимательнее всматриваться в окно.

На краю посёлка стоял небольшой частный домик, в котором жила Кузьмина. И Борис хотел ещё раз посмотреть на этот домик. Электричка набирала скорость, дома мелькали... И что это?! Воронцов неожиданно увидел Галину перед соседским домом, где был колодец. Из колодца она

набирала воду. В душе Бориса что-то мгновенно оборвалось. Когда чувства взрывают сердце, взрывная волна доходит до разума. Борис вскочил, почувствовав, как будто кто-то толкает его к выходу из электрички. У него появилось только одно желание: выпрыгнуть из вагона, чтобы навсегда остаться там, рядом с ней...

Электричка вырвалась из объятий посёлка и уже неслась как угорелая по степи. Воронцов пришёл в себя – и сел на место. Так паршиво он себя давно не чувствовал...

И только в самолёте Воронцов окончательно успокоился. «Не всё так плохо, – подумал он. – В Сочи я увижу много для себя нового, наверняка встречу немало интересных людей...»

2.

В городе-курорте всё было по-другому: люди, архитектура, рынки, пляжи... Больше всего Бориса поразила природа. Море и горы, кипарисы и пальмы, горные речки, цветы магнолии – на это можно было смотреть часами.

Однако более существенным было другое. В этом мире Воронцова многое не устраивало. Он где-то прочитал: чтобы изменить этот мир к лучшему, нужно изменить людей. А чтобы изменить людей, думал он, нужно изучать их: и мужчин, и женщин. И в Сочи он стремился к общению с новыми людьми. Ему нравилось посещать рынки, вокзалы и другие места скопления местных и приезжих, наблюдать за ними: о чём они говорят, что делают в той или иной ситуации.

Каждый день Борис не только читал новые книги, но и посещал пляж. У него появились новые приятели. Он заметил, что психологически ему было трудно завязать знакомства с женщинами, которые старше него. Этот недостаток он решил исправить и начал знакомиться с этой категорией прекрасного пола, выбирая тех из них, кто ему понравился. Но чаще всего это ему не удавалось, и он предпринимал всё новые и новые попытки.

В конце июня в жаркий полдень, покинув пляж, он возвращался домой.

Обгоняя на крутой бетонной лестнице двух молодых женщин, Воронцов услышал:

– Как тяжело подниматься, – пожаловалась брюнетка.

– Ничего, потихоньку дойдём, – успокаивала её блондинка.

– Кто бы подал руку? – сказала брюнетка, увидев Бориса, обгоняющего их.

Поведение женщины подсказывает лучший способ знакомства с ней, и Воронцов воскликнул:

– Я! – и подал руку незнакомке.

Брюнетка протянула свою миниатюрную ручку и, улыбаясь, изрекла:

– Спасибо. Меня зовут Светлана. А вас?

– А меня Борис, – ответил Воронцов и ощутил в своих пальцах нежную кожу незнакомки.

На следующий день они, как и договорились, встретились вдвоём на диком, малолюдном пляже. Морская вода здесь была чище, чем на пляже городском.

В ходе разговора Светлана сообщила, что приехала отдыхать из Красноярска и работает переводчиком в Интуристе.

Потом они бултыхались в воде, как дети, смеялись, обдавали друг друга тёплой морской водой, и, стоя на месте, опускались в воду с головой, и затем пружиной выпрыгивали из неё.

Когда Борис в очередной раз вынырнул из воды, то увидел: бюстгальтер у Светланы сполз вниз. Первый раз в жизни он смотрел на обнажённую женскую грудь. Испытав обжигающее чувство любопытства и испуга одновременно, он нырнул и, уже проплывая под водой, подумал: «Наверно, она, прыгая в воде, не почувствовала, что лифчик сполз вниз». Ещё проплыв несколько секунд, чтобы женщина успела привести себя в порядок, он вынырнул и увидел, что «чепчик для близнецов» был на месте. Они продолжили смеяться, ладонями обрызгивать друг друга и погружаться в воду. И вскоре Борис, высунув в очередной раз голову из воды, второй раз увидел обнажённую грудь. Он сразу же нырнул. «Это уже не случайность», – решил он и отплыл подальше.

Любовь рождается там, где рождается восхищение. Однако восхищения эта женщина у Воронцова не вызывала.

Это было их единственное свидание, которое закончилось взаимной неудовлетворённостью.

За летние каникулы ещё две зрелые женщины пытались соблазнить его, но он уклонился. И правильно сделал: в бесстыдстве гибнет душа и рано стареет тело.

Первого сентября Воронцов появился в новой для себя школе. Когда он зашёл в кабинет десятого класса, к нему приблизилась уверенная в себе красивая девушка и сказала:

– Я Жанна Лепешинская, староста класса. Сидеть будешь здесь, – и показала пальцем на парту.

– Хорошо, – машинально промолвил Борис.

Он смотрел в голубые глаза Жанны и больше ничего не видел. Ничего! В этот миг она действительно была невероятной красоты, излучавшей совершенство женских форм.

Это была любовь с первого взгляда. Такого в жизни Воронцова никогда не было, даже с Галей Кузьминой.

Лепешинская, по мнению большинства учителей и учеников, считалась первой школьной красавицей. К тому же, она всегда была красиво и модно одета, в ушах золотые серёжки, на пальце дорогой перстень.

Школа, куда пришёл Воронцов, во многом отличалась от той, в которой он учился раньше. Многие старшеклассники имели дорогую одежду, носили импортную обувь, на их пальцах и ушах поблёскивали золотые украшения. Почти у всех учеников были зонты от дождя, чего не было в предыдущей школе.

Субботними вечерами многие одноклассники Бориса собирались и, выпив вина, шли на танцы. В предыдущей школе ничего подобного Воронцов не наблюдал. А когда он пришёл на первый школьный вечер, увидел, что только у него одного белая хлопчатобумажная рубашка. У всех остальных ребят белые рубашки были нейлоновые. Нейлон тогда только входила в моду.

С первых же дней Воронцов начал получать сплошные «пятёрки» по всем предметам. Ещё год назад, кроме тетради для незнакомых слов, Борис выделил и тетрадку, в которую заносил наиболее понравившиеся ему крылатые слова. Была там и такая запись: «Капли знания точат глыбу невежества». Хозяин тетради не забывал эту мысль.

В коллективе всегда есть место для лидера. И это место, как сразу понял Борис, занимала Жанна.

Первое впечатление – это всего лишь оболочка восприятия. Чувство – материя хрупкая, оно может затвердеть только с помощью разума.

В последующие дни Борис стал замечать в поведении Лепешинской то, что ему очень сильно не понравилось. Она бесцеремонно отдавала распоряжения всем без исключения одноклассникам – и те спешили выполнить её команды по подготовке к уроку, уборке класса или проведению каких-либо мероприятий. Временами ветер высокомерия сдувал у Жанны остатки ума.

Она так часто выходила из себя, что протоптала тропу. Её голос был слышен каждый день, и в нём нередко звучали оскорбительные выпады в адрес школьников. Одноклассники видели несправедливость Лепешинской, но активно не протестовали. Чувство справедливости есть у всех, но многие с ним успешно борются.

И у Воронцова стало меняться отношение к Жанне. А ещё через неделю он удивился: как он мог вообще влюбиться в эту куклу? У Бориса уже появились первые ростки неприязни к ней.

Прошла ещё одна неделя. В воскресный сентябрьский день на диком пляже собралась примерно половина класса отметить день рождения Жанны Лепешинской.

Присутствовала там и Валя Смирнова. Она была из бедной семьи и несколько лет мечтала приобрести надувной матрас. Прошедшим летом она подрабатывала в столовой и купила наконец-то эту вещь. Борис ртом надул этот новый матрас и передал хозяйке. Но Вале не удалось им воспользоваться.

Временами волна самолюбия накрывала Лепешинскую с головой. Так случилось и сегодня: весь день она сидела или лежала на этом матрасе. А Вале пришлось сиротливо ютиться на камнях.

В конце мероприятия Воронцов не выдержал и взорвался. Он подошёл к Лепешинской и в присутствии одноклассников решительно заявил:

– Так с товарищами не поступают. Принесла бы свой матрас и валялась на нём...

– Не лезь не в свои дела, – огрызнулась Жанна. – Только пришёл в наш класс – и уже пытаешься командовать, – и с нескрываемой злостью добавила: – Никогда не забывай: для нас ты всегда будешь чужаком.

– А ты останешься в памяти одноклассников как глупое и наглое существо, достойное презрения и забвения, – отрубил Воронцов и отошёл в сторону.

Таких слов никто из учеников никогда Лепешинской не говорил. И чтобы как-то отомстить, на следующий день Жанна во всеуслышание заявила:

– Воронцов влюбился в Смирнову – вот и заступает за неё...

Это ещё больше разозлило Бориса: Валя Смирнова была невзрачной девочкой маленького роста.

Конфликт между Воронцовым и Лепешинской шёл по нарастающей – и стена неприязни росла между ними каждый день.

Так и не помирившись, они дожили до выпускного вечера.

3.

Прошло пятьдесят три года. За это время Борис Петрович Воронцов успел окончить военное училище, академию, прослужить в армии почти сорок лет и затем поработать на гражданке. Во время отпусков со своей семьёй периодически приезжал к родителям в Сочи. Три раза случайно встречал Жанну Лепешинскую. Первый раз она отвернулась от него и сделала вид, что не заметила одноклассника. Ещё два раза они без энтузиазма поздоровались – и на этом неполноценное общение завершалось. Судя по выражению лица Жанны, эти встречи не вызывали у неё положительных эмоций. Юность не уходит, она остаётся в душе и периодически напоминает о себе.

Воронцов служил под диктовку времени, хотя текст далеко не всегда был ему по душе. В отставку вышел в звании полковника. На постоянное жительство в Сочи вернулся пять лет назад, когда отец и мать покинули этот мир. Квартиру в Волгограде оставил уже взрослому сыну. Сейчас проживает с супругой в родительском доме.

Супруга для Бориса Петровича была не просто женой, а главным счастьем в его жизни. Трудно приобрести счастье, ещё труднее сохранить его. Но Воронцову посчастливилось достичь и первого, и второго. Супружество – это двое в одной упряжке, но хомут нередко у одного. К счастью, в его семье такого не наблюдалось. Общение с другими людьми требует одарённости, для общения супругов нужен талант, ибо бытовые и иные проблемы не покидают семейные пары и душат своим постоянством. Более красивой (каждый молится на свою икону красоты) и порядочной женщины он в своей жизни не встречал.

Жена Воронцова понимала, что семейный очаг – это не помещение, а тепло, которое царит в нём. Поэтому Борис Петрович и продолжал любить её.

Трудно забыть то, что легко вспомнить. Вспоминая женщин, с которыми у него были близкие или не очень отношения, Воронцов пришёл к выводу, что в любви всегда есть что-то необыкновенное, но истинное чудо – это супружеская любовь.

Не зря говорят, что, когда виски покрываются серебром, в голову приходят золотые мысли.

И вот как-то неожиданно к Воронцову в январе этого года подкралось семидесятилетие, которое он собрался скромно отметить у себя дома, в кругу своей супруги и двух приятелей с их жёнами. Ещё обещали прилететь из Волгограда сын и дочь, а также старый армейский товарищ.

Получив от супруги список продуктов, Воронцов сел в свою «Ладу Гранту» и поехал в «Магнит» за покупками. Там он заполнил коляску многочисленными бутылками, мясными, молочными и прочими запасами. Подкатив коляску к кассе, он начал выкладывать на прилавок купленное. Перед ним расплачивалась пожилая женщина, одетая в изрядно поношенную куртку; на голове у неё был какой-то уж совсем неприлично старый платок. Борис мельком увидел только профиль этой женщины.

– С вас триста семнадцать рублей, – сказала кассирша покупательнице.

– Ой, а у меня только триста рублей, – испуганно ответила, как показалось Воронцову, старушка.

– Семнадцать рублей возьмёте с меня, – машинально предложил Воронцов кассирше, продолжая выкладывать на прилавок набранные продукты.

– Спасибо, Боречка, – услышал Воронцов и, взглянув на лицо покупательницы, опешил. Это была Жанна Лепешинская.

Борис Петрович так растерялся от неожиданного оборота событий, что не смог вымолвить ни слова.

Когда сел в машину, подумал, что зря он не сказал Жанне хороших слов на склоне лет. Ведь горячие угли напоминают нам, что и в конце жизни можно дарить людям тепло.

Май 2024 г.

Анатолий ЖИЛКИН

г. Иркутск

Жилкин Анатолий Михайлович. Родился 20 февраля 1953 года в городе Усолье-Сибирское Иркутской области. Член литературного объединения имени Ю.П. Аксентова (г. Усолье-Сибирское). Публиковался в альманахах «Сибирь», «Белая радуга», в журналах «Первоцвет», «Северо-Муйские огни», «Белорусский экологический журнал», «Метаморфозы» (Гомель, Беларусь).

В 2011 году, как лауреат конкурса «Иркутского альманаха», был награждён дипломом первой степени за рассказ «Яблоневый сад» в номинации «Проза». Автор 3 книг прозы. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Шура

Рассказ

Эту историю мне рассказал один бывалый человек, он приехал «оттуда» – с самого что ни есть «передка», приехал в отпуск – на «побывку». Офицер, командир батальона. Скромный, тихий, даже грустный какой-то. Не «яркий», в общем. Встретили его дома по-семейному, без громких тостов и длинных речей. Посидели в честной компании. Вспомнили знакомых, помянули ушедших и... разошлись. Кто-то уже отъезжал; другой, как и он, на отдыхе; третьему – в дорогу. Но каждый из них был в курсе, что и как там, откуда возвращаются не все и... не сразу.

«Надо!» – и мужики идут.

Так вот – рассказ. Начал он так.

Это было в то время, когда мы решили, не афишируя широко, набирать добровольцев.

С первой партией он и прибыл к нам. Я оглядел новое воинство и, отойдя в сторонку, закурил. Без слёз, как говорится. В основном, по сорок лет мужики, но стометровку еле-еле и кое-как. Сразу видно, с «пьющими» перебор. Но один выделялся из общей массы. Простой, без выпендрёжа, обыкновенный мужик, родом из маленького городка. Видно, что исполнительный, вдумчивый, непьющий, некурящий. Мне он сразу приглянулся.

Но было в нём две странности.

Первая! Он очень интересовался, сколько и за что здесь платят. День на «передке» – столько; за подбитый танк – столько; за БМП – столько! И так – тщательно, скрупулёзно – как будто в «бухгалтерии». Мне передали, что он ещё в военкомате интересовался этими вопросами. А к нам в подразделение сам напросился – узнал, что с выплатами у нас порядок.

В первый же день записался он в «ПТУРисты» (Противотанковая управляемая ракета, предназначенная для поражения танков и других бронемашин).

Мы со дня на день ждали «контрнаступ» со стороны «хохла». А он со своим «ПТУРом» всё искал, где бы ему полочкой пристроиться и залечь до срока. «ПТУР» тяжёлый, а он его из рук не выпускает, на себе таскает. Сидел потом, читал, внимательно изучал инструкции, какие-то книжки противотанковые, командира вопросами засыпал, прохождению не давал.

Где-то, по случаю, достал две рации. Одну себе оставил, другую нашему «дроноводу» подарил, чтобы всегда с ним на связи быть. Карту нарисовал, перепады высот указал, всё до последней мелочи отметил.

А позывной себе взял «Шура». У нас «Цезарь», «Рагнар», «Беркут» и прочие знаменитости нарасхват, а он – «Шура»!

Так вот, в день «наступа» угрожал наш «Шура» аж два неприятельских танка. Хохлы в тот раз «закусили», ну и мы в ответ – тоже. Три дня драка была за тот холм, лилась кровушка, и наша, и неприятельская.

Позже заглянули мы на его позицию. Он там не окоп, а редут целый вырыл. Ходы, ложные точки, высокий бруствер насыпал, огневой сектор расписан, замаскировано всё как полагается. Не придраться, в общем. Самородок, а не просто боец-доброволец. Хоть в учебник отправляй его окопчик для изучения.

Откатились мы чуток, на смену другой батальон на подходе. Он подходит ко мне и спрашивает: «А можно мне остаться?» Это после затяжного боя, когда половину наших повыбивало.

Я говорю: «Нет, марш отдыхать!» А он: «Вас не понял, прошу повторить!»

Посмотрел я на него, а он аж напрягся весь. Махнул я рукой, ладно, оставайся, мол. За неделю ещё две БМП и бронемашину подбил наш герой.

Потом его ранило. Серьёзно. А он радовался. Чего греха таить, и за деньгами приходят добровольцы на «передок». Это позже у них просветление наступает – после первого боя и наступает. Понимают, что не в деньгах счастье, что за деньги подвиги не совершают. И много чего ещё им открывается. Например, осознание права и потребности в защите своей Родины. Дорогу к Богу находят все без исключения.

Но этот написал мне рапорт на выплату за ранение, ещё не доехав до госпиталя, бумага прям с каплями крови. А потом он из госпиталя сбежал, наказав, чтобы «выплаты вовремя шли». «У дяди с кукушкой беда» – так мы рассудили тогда.

Вернулся. Воюет. Молчун. Сидит в углу рисунки разглядывает детские, «войсы» слушает. Семейный, стало быть. И молится. Бойцы говорят, что у Бога прощения просит каждый вечер. За убиенных молится. Странно это. Если ты такой пацифист, то что ты здесь делаешь? И почему всё время о деньгах печёшься? Лицемерие?

И тут удача! Леопарда он грохнул в «бочину». Аж «лям» за него обещали. Шура светится весь. Вручили ему медаль, он интересовался всё. Угадайте чем? Правильно, «выплатой» за леопард!

А месяц назад приходит ротный его. Рыдает! – «Шуру убили». Как? Рассказал ротный: «Вышел Шура из окопа и в сторону их посадки пошёл. Как самоубийца. Тут и снайпер...»

Вошли в его блиндаж, а там это... – фотография девочки. Ей лет пять от роду. Она с «особенностями», я хоть и не врач, но сразу приметил. Внизу надпись – «Шурочка». И письмо, вернее два письма».

«Боевые товарищи!

Прошу проследить за тем, чтобы выплаты за мою гибель прошли точно и в срок.

Моя дочь, Шурочка, нуждается в трёхэтапной операции, которую делают только в Германии, и у нас осталось всего 8 месяцев, чтобы успеть. Иначе последствия будут необратимые. Её полная стоимость покрывается моими «похоронными» и тем, что я заработал здесь. Жена давно ушла, дочка живёт с моей мамой, очень прошу, проследите, чтобы их не обманули».

«Шурочка!

Дорогая, любимая моя доченька, папа сделал всё, что смог. Ты меня не запомнила, но ты должна мне пообещать, что ты вырастишь достойным и хорошим человеком, будешь здоровой и счастливой. Живи! ТЫ САМОЕ ДОРОГОЕ, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ. Папа тебя очень любит».

Ненавижу! Кончится всё – уйду в монастырь.

Бывалый заплакал. Да и я...

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

г. Майнц-на-Рейне, Германия

Лариса Кеффель-Наумова – прозаик, поэт, член Союза писателей России, Содружества русскоязычных литераторов Германии. Финалист литературной премии памяти С. А. Есенина «Русь моя» (2022), победитель конкурса «ЛитКузница» (Самара, 2023). Публикуется в ряде российских альманахов и журналов: «Притяжение», «Новое слово», «Параллели», «Московский вестник», «Аврора», «Невский проспект». Член редколлегий и один из авторов двух сборников о Великой Отечественной войне: «Военкоры» и «Дороги жизни» (М.: «Феликс». – 2022, 2023). Лауреат премии «За верность русской культуре и литературе» им. И. А. Бунина. В 2024 году в издательстве «У Никитских ворот» была издана вторая книга Ларисы Кеффель – роман «Снег на Рейне», который принял участие в книжных выставках-ярмарках «Красная площадь» и ММКЯ в Экспоцентре в Москве.

Жизнь Пелагеи

Рассказ

– Полька! Ты Богу молился?

В темноте за окнами мелькнула тень.

Пелагея вскрикнула от неожиданности и страха. Вскочила с колен. Окошко в избе было занавешено до половины. В верхней половине прижатая к стеклу довольная морда Захарки Серюкина – председателя колхоза.

– Ну чаво тебе? Иди куды шёл. Бродить впотьмах! – Пелагея стукнула по стеклу.

Физиономия исчезла. Оглянулась, не услышал ли кто. На полотах посасывали ребята. Присела на лавку. Сняла платок, расплела собранную на затылке косу. Стала чесать гребёнкой. Перебирала

невесёлые мысли: «Уезжать надо. Здесь она у всех как кость в горле. Раскулаченная. К Калинину ездила. Брат сводный помог. Восстановили в колхозе. Работала как лошадь. Снопы вязать – Полька! Молотить, веять – опять она лучше всех. И председательша сельсовета, хоть и родня дальняя, а совсем её затыкала, змеюка подколотная. В Москву подаваться надо... А как? Пачпорт в Троекурово». Если этот самый председатель разрешит. А он ей простить не может. Обиду держит. Когда-то Серюкин к ней сватался. Отказала ему, за Андрея вышла. Сама-то была не красавица. Впалые тёмные глаза, нос мясистый, смуглая кожа, без румянца, тонкие волосы заплетены и закручены в пучок, всю жизнь под платком. Небольшой рот сжат. Неулыба. Высокая. В отца. Заморенная работой. Уработанная с детства. Корову подои, выгони. И хлев почисть. Овцам, курам, гусям дай, двор подмети, полы в избе отскреби. В огороде чтобы ни травинки. И в колхозе пашешь – не перепашешь. Отец строгий, злой был. И на улицу не пустит. Работай до ночи. Дел не переделай. Ботинки прятала в хлев. Таясь, убегала. А Андрюшка красивый был, аж сердце заходило, а что толку? На базар поедет – просит его: «Андрюша! Не пей! Дома выпьешь. Спрячь деньги в портянки». Приедет – портянки размотаны, денег нету. А тут ещё пришла разнарядка. В кулаки его записали. Завербовался на Дальний Восток. Бурильщиком. Письма ей шлёт. Ревнует. «Вы и ваши друзья... Председатель там у вас в дом похаживает». Сестра мужа ему отписала, полуглупая дура! Он деньги сестре и прислал, а ей и четверым ребятам, и матери своей, которая у неё в доме живёт, – ничего.

Дети вечно голодные. Всё колхоз отбирает. И молоко им подай. И яйца. И зерно вычистят. Оставят крохи. Плохо без мужика. Нету больше мочи.

И она заплакала.

Давеча повезла со своего огорода табак в Москву на рынок. А нельзя было продавать. Обернула она в несколько раз вокруг себя огромные листья табака, обвязала верёвкой. Сверху надела юбку с кофтой. Радовалась, что такую хитрость придумала. Села в вагон, а в дороге упала в обморок. Сняли её с поезда. Еле откачали. Дохтур сказал, что дурная, мол. Помереть ведь могла. Яд табачный в тело проник и отравил. Вот тебе и придумала.

Подружка у Пелагеи закадычная – Луша. Ловчее их двоих в колхозе не найти. Всё вместе. Всё у них спорилось. А как плясать или петь на деревенских праздниках, так лучше их тоже не сыскать, хоть и бабы уже, не девки.

Луша жалела подругу:

– Полина, хватит здесь маяться. В Москву тебе надо. Там посытнее. Обживёшься и детей возьмёшь.

– Да как же я уеду? А пачпорт?

– Уговорим Серюкина. Слушай, что я придумала-то!

Вот сговорились они с Лушей, как, значит, председателя обмануть, «пачпорт» у него выпросить.

Заготовили бутыл с самогоном. Закуски. Ради такого дела сало, что в погребе лежало припрятанное, завернутое в тряпицу, вытащила. Картошки наварила. Огурчиков солёных из-под гнёта набрала. Прознали, что Серюкин один в правлении. Собрала кулёк, и пошли они с Лушей к председателю. Крутили-вертели, мол, Полине «нужен пачпорт, на базар в Москву ехать, без пачпорта никак места не дадут». А сами уж бумагу написали – брат Кузьма писать умел, раздобыл колхозный бланк, – что отпускает председатель колхоза Пелагею Шунину в Москву из колхоза навсегда. Председатель подвыпил. Неграмотный был, но коммунист. Вот и выбрали его председателем. Он бумагу и подмахнул. Печать колхозную поставил.

С петухами поехала Пелагея в Троекурово. Забрала паспорт. Прибежала домой огородами. Собрала кое-что на продажу, одёжи немного – и ушла пешком на станцию, повесив мешок с чемоданом через плечо. На полдороге нагнала телега – ехала из другой деревни. Её на станцию подвезла. Детишек Пелагея на мать оставила. Мать, Авдотья, согласилась. «Поезжай, дочка. Помогай тебе Господь!»

Председатель проспался. Прибежал. Да уж поздно. Нету Полины. Уехала.

Он сам бумагу заверил. Признаться, что напоили его бабы, обманули, не стал. Так и замаяло дело.

Пелагея ехала в вагоне, узлы свои держала всю дорогу, чтоб не украли. Что она Шурке-сестре скажет? Возьмёт ли сестра надолго к себе?

Доехала до Таганки. Ух, эта Москва! Народу страсть как много. Словно мураши в муравейнике. Страшно, а сдюжить надо. Обратно ей ходу нет.

На половине лестницы в подвал её встретил окрик сестры Александры:

– О! Деревня приехала!

Пелагея остановилась. То ли назад идти, то ли дальше.

– Ну уж, заходи, коли приехала. На базар али как?

Шурка была хорошая, но уж больно резкая. Такая уродилась. Гордость свою спрячь, Поля. Молчи, покудова не обвыкнешься. А муж её Архип – добрее мужика она не видывала – утешал Пелагею.

– Ничяво, Полина. Вот и хорошо, вот и ладно, что приехала. В тесноте, да не в обиде. Не бойсь.

Повезло. Устроилась в райисполком. Полы мыть. Пелагея была аккуратная, чистая. Через некоторое время повысили её, перевели к начальнику в приёмную убирать, чай подавать. Тому Полина тоже показалась.

– Ты, Поля, где живёшь-то?

– У сестры на сундуке. А у ней трое ребят. Да сами. В подвале живут, – Пелагея заплакала.

Начальник что-то написал на бумажке.

– Вот, Поля. Пойдёшь к коменданту женского общежития. Он тебе койку даст.

– Благодарствую, Фёдор Фомич! – и поклонилась.

– Ну-ну! Не благодари. Работница ты хорошая.

Перебралась Пелагея от сестры в общежитие.

Двух меньших девчонок в поезд посадили – и к ней в Москву. Старшая, Маня, уже трактористкой в колхозе работала, а Колюшка пас коней в ночном. В деревне в помощь матери, Авдотье, их оставила.

Пристроила дочек с собой, в общежитии. На стульях спали. Как проверка ночью, бежали, прятались в туалете.

Женщины в общежитии Пелагею любили. Работящая. Весёлая. Как начнёт что-нибудь рассказывать из деревенской своей жизни, все со смеху покатывались.

В деревню посылала посылки, что могла.

Так и жили, пока не пришла война.

– Пусть лучше здесь убьют, а в деревню не поеду! – кричала Пелагея.

Копали траншеи, окопы. Пелагея привычная. Деревенская закалка.

Ближе к концу войны Колюшке, сыну, повестка пришла. Убили малого, только восемнадцать исполнилось. Жалко-то как его было! Скорбела она по нём долго. Единственный сынок. И хлеба досыта не наелся. А что сделаешь? Не вернётся. У всех горе. Война.

После войны Пелагее дали комнату – семиметровую. Четыре человека. Спали кто под столом, кто на матрасе. Маню из деревни взяла. Хватит ей трактористкой-то пахать.

Всех замуж выдала. Внуки пошли.

Пелагея, хоть и давно была на пенсии, а в гардеробе на заводе «Геофизика» до последнего работала. Откладывала копеечку. Внукам на гостинцы, и себя надо прокормить. Пелагея никогда ни у кого не просила, ещё дочерям сунет. На очки внуку Мишке, тот всё время очки в школе разбивал. Или на дни рождения девчонкам.

Мать свою из деревни взяла. Ходила за ней до конца. Похоронила. Дом продали. На деньги от него пальто меньшей дочке справили. Реформа тогда вышла. Деньги-то все и сгорели.

Сама вот с соседями в коммуналке. Хорошие соседи. По торговой части. Постучит в дверь Тамара:

– Тётя Польш! В магазин иду. Чего надо?

– Хлебушка чёрного!

Пелагея была верующей. В церковь ходила. Службы стояла. Постилась. За жизнь уж привыкла. Мясо редко ела.

В праздники, когда собирались у неё подружки, такие же бабки, как она, в карты играли, в лото. Пекла блины. Собирала дочек с зятьями, внучат в своей комнатке. Набивались, пройти негде. Большая семья.

Ничего не получается! Не спится. Пелагея ещё поворочалась для порядку. Да уж немного жить-то ей осталось. Чего время на сон тратить. Думы, думы... Открыла глаза. От света лампадки в углу высветилась вся комната. Угол старого буфета, в правом ящике которого она хранила заветное: последние письма сына Коли с фронта, газету меньшей дочки Маринки. Чемпионкой Москвы по лыжам в молодости стала. В газете о ней прописали. В параде на 800-летие Москвы участвовала. Пелагея как увидела её в чёрных трусах и футболке, тесно обтянувшей грудь, так и охнула, сказала строго: «Больше не смей туды ходить». Ещё там лежало написанное братом Кузей прошение с косой резолюцией Калинина под письмом «Всё вернуть. Восстановить в колхозе!». Часы-ходики на стене, отсчитывающие её последние денёчки, качали золочёным маятником, на который тоже попадал отсвет мигающей лампадки, метался яркой звёздочкой туда-сюда, туда-сюда. Дубовый шкаф с зеркалом матово отблескивал. В нём её одежда. Зимнее и демисезонное пальто, пара самовязанных кофт, байковых платьев и летних штапельных. Всё ей Маринка нашила. Портнихой стала. А то спортсменкой хотела, ещё чего! На топчане посапывала старшая дочь Маруся. Завтра к обеду придёт её сменить средняя, Татьяна. Хоть и нехорошо, а любила она среднюю. Та придёт, сядет, неторопливо поговорит с ней, времени на разговоры с матерью не жалеет. А у двух других желания поговорить нет. Приберутся, покормят и уйдут. А уж к вечеру ворвётся, как вихрь, задыхаясь, вся уезженная, меньшая, Марина. У той семья, работа. И в ателье шьёт, и на дому. Муж у неё начальник. Где-то руководит. Заводом, что ли... Маринка всегда торопится. Внучка в этом году школу заканчивает.

Пелагея спустила ноги с кровати. Посмотрела на таблетки на тумбочке и на стакан с чуть заколыхавшейся водой.

Вот болеет она только. В больнице отлежала. Дочки ухаживали в очередь.

– Какие у вас хорошие дочери! – похвалил молодой врач.

Пелагея вздохнула. Наморщила лоб. «Как болячка-то называется? Всё забываю. Слово не выговоришь. Научное. Мудрёное. Нет. Никак не вспомнить. Уж больно редкая, врач сказал, болезнь».

Да. Жизнь прошла. Грех жаловаться.

Пелагея зажгла свечку у икон. Встала, тихонько кряхтя, на колени, прислушиваясь, чтобы не разбудить Марусю.

Слава Богу за всё!

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многотомного повествования «Уйдама» – о судьбе русской деревни 20-го века (за 18 лет работы вышло 4 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публиковал журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель ряда российских и зарубежных литературных конкурсов.

Бимка

Рассказ

Люблю я собаку за верный нрав,
За то, что всю душу тебе отдав,
В холоде, голоде, даже в разлуке
Не лижет собака чужие руки...

Молодой, стройный, красивый, умный, добрый, смелый, – познакомьтесь: это Бимка – мой первый заместитель по огородной части и самое преданное в мире живое существо.

Волею случая, оказавшись в доме маленьким щеночком, которого кормили из соски, Бимка с первого дня стал проявлять просто чудеса собачьего интеллекта. Подойдёт, бывало, утром срок погулять, это четырёхмесячное создание притопает ко кровати, на которой я спал, и лапку свою мне на плечо. Молча, без звука, чтоб ещё кого не разбудить! А если и я глаза не открою, то он этой же лапкой меня тихонько – толк! И как только мы с ним взглядами встретимся, он сразу на два шага отступит, – плюх на задок и правую переднюю вверх: «Хозя-я-я-и-ин! Мне пора...»

Ну как после этого не уважить малыша? Ведь всё же по-человечески сделал: и шума не поднял, и о нуждах своих неотложных заявил! И, главное дело, всегда в одно и то же время он эту процедуру проделывал – около без пяти семь. Никакого будильника не надо!

На прогулку с ним, уже повзрослевшим, пойдём по улице, он топает рядышком без всякого поводка и только время от времени взгляд свой вверх на меня: «Хозяин, я правильно делаю?»

«Правильно, Бимушка, правильно!» – поглажу его по голове.

И так можно хоть через весь город пройти в любой толпе. Не обгонит, не отстанет и никого не пугает – глаза-то добрые. И только как скажешь «Бимушка, гуляй!» – пёсик и побежит по своим собачьим делам.

На огород он первый раз попал, когда ему уже год исполнился. Поехал я кое-какие строительные дела делать и Бимку с собой взял. Он и в автобусе как почтенный пассажир; уселся чинненько на задней площадке рядом со мной и проехал без всякого беспокойства сколько полагалось.

Огород ему сразу понравился; площадка большая, бегай вволю сколько хочешь, скачи как угодно, лай хоть до хрипоты – никто слова не скажет. Я и стал его почти всегда с собой брать.

А потом случилось, что пёсик где-то лапку наколот и две недели «на больничном» просидел. Я же за это время грядок понаделал – сроки подошли. И когда Бимка после перерыва в первый раз попал на любимую площадку, то, конечно, понёсся по ней, не разбирая дороги.

«Бимка!!!» – протестующе вырвалось у меня. Да так громко, так непривычно, что пёс чуть ли не в прыжке застыл, как вкопанный. Смотрит на меня непонимающими глазами, дескать, в чём дело, хозяин? Я же всегда тут играл, почему ты на меня кричишь? Неудобно мне стало перед другом, – а и в самом-то деле, почему? Ничего не объяснил, не показал, а крикнуть – уже крикнул. Подошёл я к нему, погладил по голове, в глазки умные посмотрел и давай объяснять, что такое грядки. А сам всё по бороздам да по бороздам зигзагами. Бимка ходит за мной по пятам и так напряжённо вникает во всё, что я ему поясняю, что того и гляди заговорит! И землю-то понюхает, и за руками-то моими последит, как я фасоль садить начал, – ну, прямо весь внимание. Жалко мне стало беднягу, что я его и окрикнул так резко, и думать столь напряжённо заставил, позвал я его к себе, чтобы погладить да успокоить. А пёсик в это время через грядку напротив меня сидел в другой борозде. Я уж и простил его мысленно, ожидая, что он шагнёт сейчас прямо, чтоб одолеть метровое пространство до моих рук. А Бимка поднялся и, вместо ожидаемого мной шага напрямую, отмерил добрый десяток метров до конца грядки по своей борозде, перешёл после этого на мою, оттопал ещё столько же, поднял, подойдя, свою красивую голову и глазками карими на меня: «Хозяин! Я правильно сделал?»

«Милый ты мой Бимушка! – воскликнуть хотелось. – Умница ты моя! Конечно, правильно! Пять с плюсом тебе за твою понятливость! С первого раза урок усвоил!»

И ведь, главное, никогда больше на грядку за весь сезон не наступил, даже лапой! Даже когда непрошенных гостей отгонял только по бороздам бегал. Во, голова!

...История, о которой я хочу рассказать, произошла с ним ещё через год. За этот срок он успел наидоброевостнейше отработать сезон в охране огорода. Не обращая никакого внимания на прохожих днём, он никого чужого не подпускал ближе десяти метров к грядкам ночью! Хоть целая толпа подходит: пёс крупный и бегаёт свободно по своей территории без привязи – кому охота отметину от собачьих зубов на ляжках получить?! За этот срок он на «отлично» освоил специальность воспитателя кота, к которому относился очень дружелюбно, но категорически не

позволял ему, в отсутствие хозяев, посещать запретные зоны в квартире. За этот срок было много чего. И вот история.

Случилась она тоже на огороде. Был разгар сезона, я склонился над грядками, а Бимка побежал погулять. Вдруг слышу – собачий лай. Да многоголосый такой и непрерывный. Так на охоте собаки зверя гонят. Что, думаю, за дела; дай-ка погляжу. Высунул из кустов, смотрю – посреди большого луга выстроилось около десятка собак. Все громко и непрерывно лают, а одна, словно учительница пения, проходит между ними и слушает. Раз прошла, другой, третий, а потом сама на двоих «учеников» залаяла. Да злобно так, негодующе. Те умолкли и отбежали. Замолчали и остальные. А «учительница» развернулась – и ну, в галоп по лугу! И все «ученики» за ней. Кроме двух «двоечников».

«Ах, вот оно что! – догадался я. – Дама выбирает кавалера».

Отложил я свои дела и уже с интересом стал смотреть, что будет дальше. Бимка-то мой, гляжу, там.

Скачут собаки по лугу вслед за самкой, а Бимка мой рядышком с ней. С другого боку ещё один чёрненький пёсик, а остальные позади. Бегали-бегали, потом «дама», видимо, решила, что хватит, и ещё одного конкурента грозно облаяла.

Отстал.

После этого тура экзаменаторша начала показывать чудеса ловкости: то через голову на бегу перевернётся, то тело в прыжке развернёт чуть ли не обратную сторону, и ухажёры вслед за ней. Один другого резвей, и Бимка мой опять среди первых. И пёсик чёрненький тоже. Ещё двоих облаяла четвероногая невеста после этого конкурса и с остальными счастливчиками скрылась из виду. Но лай не прекращался, с некоторыми перерывами он ещё долго продолжался за дальними кустами.

Время было уходить. Бимки не было. Очевидно, он не попал в число неудачников и потому не возвращался. Прежде я никогда не оставлял пёсика одного, мы всегда приходили и возвращались вместе, но тут выхода не было. Меня ждала ночная смена, и пришлось уезжать.

...Колёса велосипеда шуршали по мелкому гравию узкой дорожки, а я всё ещё находился под впечатлением от увиденного.

«Надо же, – думал я, – собаки – животные вроде бы примитивные, а всё как у людей».

Раньше в деревнях и у жениха, и у невесты сваты старались выведать знание и умение всяких житейских премудростей. На профпригодность, так сказать, проверяли. Ладно бы до свадьбы, а то ведь ещё и прямо на свадьбе какую-нибудь игру затеют, чтобы показать товар лицом. Вот, дескать, гости дорогие, смотрите, какой у нас жених – настоящий мужчина! И невеста ему под стать: домовита да мастеровита.

«Интересно, – думал я, – какие ещё конкурсы разборчивая «дама» предлагала своим четвероногим кавалерам».

И вдруг увидел Бимку. Пёсик находился в компании своего чёрненького соперника и непокорной зазнобы. Больше рядом с ними не было никого. Хвостатая невеста сидела между двумя избранными и беспомощно переводила взгляд с одного на другого.

«Ну, кто же? – говорил весь её растерянный вид. – Ну, который же из них должен быть отцом моих детей? Оба молоды, оба красивы, сильны, ловки – кто же?»

Оба претендента на любовь дамы, стоя по бокам её, приветливо помахивали хвостами и с нежностью смотрели на свою королеву. Они победили во всех конкурсах, они были достойны друг друга, и теперь всё должна была решить она.

– Бима, – неуверенно позвал я, не желая оставлять пёсика одного и в то же время боясь помешать.

Реакции никакой! Всё внимание обоих кавалеров уделено даме, сейчас должна была окончательно решиться судьба одного из них, и ничто в этот момент не могло иметь никакого значения.

– Бима, – всё так же неуверенно, но уже погромче повторил я.

Скорее по инерции, чем из желания добиться результата, и уже собрался ехать дальше, оставив пёсика на милость судьбы, но в этот момент он оглянулся. Реакция была мгновенной: прижатые ушки, быстрые прыжки и виноватые-виноватые глаза уже у моих ног. Прости, дескать, хозяин, я не заметил, что уже пора уходить. Я бы не оставил тебя так надолго, но тут такое дело...

«Милый ты мой Бимушка! – так и хотелось сказать ему в ответ. – Это ты меня прости, что я позвал тебя в такой момент. И не позвал бы никогда – пусть бы среди вас двоих победил достойнейший – но мне уходить пора, а я же всегда уходил с тобой вместе. А вдруг бы с тобой беда какая приключилась? Город всё-таки... машины, люди... А ведь они такие разные – эти люди. Вот ты думаешь, что они все добрые, как и ты, а это совсем не так, Бимушка. Есть среди них и такие, которые могли бы тебя и обидеть. И не посмотрели бы, что ты – один из достойнейших. И не посочувствовали бы».

Пёсик по-прежнему виновато прижимал ушки и словно бы чего-то ждал.

– Иди, Бимушка, возвращайся, – предложил я ему, несколько раз погладив по голове. – Там тебя ждут. Ваш конкурс не окончен, победитель его не избран – возвращайся. Я доеду один, а ты дорогу домой тоже найдёшь.

Бимка повернул голову в сторону оставшейся пары и долгим взглядом посмотрел на неё, словно бы решая что-то. Потом коротко взглянул на меня, поставил ушки корабликами и затрусил вперёд по узкой гравийной дорожке в сторону дома.

Ирина СОЛЯНАЯ

г. Калач, Воронежская обл.

Соляная Ирина Владимировна. Лауреат международной премии «Антоновка сорок плюс» в номинации «Проза» (2019), фестиваля «Капитан Грей» (2020), литературного форума «Осиянное слово» (2021), XXII фестиваля «Славянские традиции» (2021), победитель конкурса «Стилисты добра» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Сибирские огни», «Вторник», «Молоко», «Нижний Новгород», «Эдита», «Горизонт», «Формаслов» и др. Автор книги рассказов и повестей «Недолюбленные» – 2021 г. (шорт-лист международной литературной премии им Ю. К. Олеси).

Птица-горе

поморская сказка

Был у одной поморской жёнки Пелагеи сынок Андрияшка. Кудрявый, точно верба весной, с лица бел, статью худ. В поздней радости своей вдова горечь горькую по потере мужа забыла. Всё оберегала Андрияшку: от сиверка, волокуши и другой непогоды, от глаза косого, от слова хитрого, от всякого худа. Но как исполнилось сынку осьмнадцать лет, вошёл он в артель полноправным, а не на подхвате, стал он мать укорять за заботу.

– Надо мной каждый плотник и парусник насмехается. Девки на вечерках в кулачок прыскают.

– А ежели с тобой беда приключится, кто обо мне старой позаботится? Зубоскалы твои али доброхоты?

Махнёт рукой Андрияшка, устанет спорить.

Примечали люди, что над берегом иной раз гагара летает, гнезда не вьёт, а над дымом избяным кружит. И зябко на душе от вида той птицы, точно ищет она кого не теряла.

Стал Андрияшка в море ходить, по два месяца, да и по три. Мать всё на берегу стоит, голомяных вестей дожидается. Все жёнки мужей и сыновей выглядывают, но Пелагея пуще всех. И за это соседка Дунька ругает её, но Пелагея только брови супит.

– У тебя в дому Ивашка да Коляшка, Архипка да Пашка. А у меня один-разъединый, никем не заменить.

– Безразумная ты, Пелагея! – говорила в сердцах Дунька. – Если мой Ивашка или Архипка сгинет, неужто моё сердечко болеть не будет?

– А всё ж не так. Утешится быстрее. А мне хоть в домовину заживо ложиться.

– Грех так говорить, – вторила старостина жёнка. – Вон Мирошка-погорелец у церкви сидит с кружкой, а всё ж не отчаивается. Птицу-горе от себя прогнал.

Не знала тогда Пелагея, что за птица такая, в ум её никакие мысли не шли, одна лишь тревога была за Андрияшку.

Вот один раз вернулась артель, а мать на берегу сына не встретила. Идут поморы, от Пелагеи лицо отворачивают.

– Где мой сыночек, моя кровиночка? Что же вы молчите, языки отсохли? – спрашивает Пелагея, а голос дрожит.

Подошёл к ней староста и шапку снял, мнёт в мозолистых пальцах. Рот в бороде точно дыра чёрная, и слова в ней проваливаются.

– От смерти не оттолиться. Земля – матушка, а море-окиян – мачеха. Вышло нас пятнадцать на одном карбасе. Бурю на островке пережидали, две недели за камни держались, вода нас с головой накрывала. Вот таким взводнем и смыло Андрияшку. На другой день мы изладили плыть домой с попутным ветром. К жёнкам пустые пришли, снасти в море смыло, рыбку от нас отогнало. Уж прости, Пелагея.

Сказал так и шапкой глаза вытер. А у матери глаза сухие остались, потому что не поверила она ни одному его слову. Как так? Почему её кровиночку смерть забрала? Вон, Ивашка годами стар, Парамованна на культе прыгает, Филимона от водянки раздуло. А её вербочку кудрявую, солнышком поцелованную, разве может костлявая в свой утлый карбас пересадить?

Стала Пелагея по берегу день-ночь ходить. И увидела меж камней раненую гагару, ту самую, что летала по-над дымом избяным. Лежала краснозобая птица, слабо крыльями била. Взяла мать её и в избу отнесла.

Птица крыльями бить перестала, к материнской груди приникла и тоненько клювом защёлкала. И почудилось Пелагее, что рассказывает ей гагара о сыночке Андрияшке, который на золотой лодочке да под белым парусом плывёт по лунной дорожке в сторону Груманта, где ели высокие, пещеры глубокие, а на камнях жижики с серебряными глазами.

Вот живёт гагара у Пелагеи, никуда не торопится. Кормит мать её полбой варёной, сухую рыбку в квасе размачивает. Сама не ест, кусок гагаре подкладывает. А та всё щёлкает и посвистывает. Как на Груманте дороги ледяные, а дома тёсом обшитые, печи в них по три аршина в высоту да по пять в ширину. Хлеба там пекут пудовые, а брагу варят медовую. И потчуют всех путешествующих, а особенно заблудших, кто домой дорогу забыл.

Стали соседи примечать, что Пелагея из дому почти не выходит, а если выйдет, так ненадолго. Козы её блеют голодные, куры друг у друга лапы клюют.

Пришла Дунька и сказала, что её Пашка согласен плетень починить, дров наколоть, а Марьяшка коз на выпас выгнать. Принесла сметаны и кусок кулебяки. Не горюй, мол, Пелагея, вокруг люди.

Пелагея даже не взглянула на соседку. Только кулебяку взяла и раскрошила для гагары. А та мигом склевала и одним глазом на соседку так зыркнула, у той аж сердце в пятки ушло.

Дверью Дунька хлопнула, но в свой двор не пошла, встала под окошком и заглянула к Пелагее в горницу. Сидит горемычная, гагару обняла, голову её клювастую себе на плечо положила и перья оглаживает. Со страху Дунька концы платка закусил и побежала к старосте. Стала рассказывать, что Пелагея умом тронулась, гагару, как младенца, нянчит.

– Это и есть птица-горе, – сказала с печи старостина жёнка, – бывает чайкой, бывает уткой, а когда и крачкой. Прилетает в пустое гнездо. И будет в нём жить столько, пока всех не изживёт.

– Пелагея думает, что подранка спасает, а её саму спасать надо, – сказал староста и пошёл к ней.

Только его Пелагея и на порог не пустила.

– Ты моего сыночка не уберёг, как смеешь ко мне являться? Вот я тебя лыскарем-то и наверну, чтоб забыл тропинку.

– Не хочешь со мной по-доброму, себя пожалей. Выгони птицу-горе, крылья у ней оправились, пускай летит прочь.

– Не выгоню. Она мою сиротскую ночь стережёт, сиротский день украшает. Песни поёт про счастливую мызу на Груманте, где всего вдосталь – и ржи, и пшеницы, и зверя пушного, и олешек, и зверя морского, и рыбы всякой. Живёт там мой Андрияшка, приветы мне шлёт.

– Утонул твой сынок, смились! – крикнул староста. – А не то позову старух и большух, чтобы с иконами посолонь твой дом обошли. Вон, Мирошка-погорелец без отца растёт, под церковью милостыню просит. Ему куда как хуже.

– Что вы всё об Мирошке? У меня своё горе!

Перед носом у старосты дверь захлопнулась, а Пелагея вернулась в дом и на лавку села. Нет уже ни муки, ни полбы. Кашу варить не из чего, а гагара смотрит большим чёрным глазом и крыльями сердито хлопает. Подобрала жёнка рукава и руку гагаре протянула. Ключнула птица-горе синюю венку, ключнула второй раз, напилась и ласково защёлкала. Стала Пелагея новую сказку сказывать про пещеры глубокие, в которых алмазы блестящие по стенам рассыпаны, как звездочки на небе. За один драгоценный камень на ярманке можно тройку лошадей купить, с упряжью и каретой. Закрываются глаза у Пелагеи, в сон её клонит.

Кто-то трогает её сухое плечо, гладит морщинистые пальцы.

– Отдай мне птицу-горе, – говорит детский голосок, – у тебя сына море забрало, у меня – тятю. Один я теперь. Буду о ней заботиться, лелеять её.

Открыла глаза Пелагея и видит Мирошку, про которого староста намеренно сказывал. Стоит мальчонка кудреватый, в рубашке запатранной, вместо пояса верёвка. Ни лаптей, ни зипуна.

– Жёнки сказывали, что ты сам прогнал птицу-горе. Прогнал, а теперь выпрашиваешь? Или меня от неё спасаешь?

Молчит Мирошка, не знает, что и сказать, врать заковыристо не приучен. С ноги на ногу переминается.

Думает Пелагея: «Отдать птицу-горе Мирошке? А чем он её кормить будет? Заклюет она мальчонку вмиг. А меня уж не жалко».

А гагара уж крыльями бьёт, чёрным глазом блестит, как алмазом грумантская пещера. Мало ей крови, ещё требует. Стала Пелагея ворот у платья рвать. Можно птицу-горе к груди приложить, в сердце много будет горячей крови.

Вытащил Мирошка из-за пазухи церковную кружку да и ударил птицу-горе в голову. Помутнело у Пелагеи в глазах, а когда туман рассеялся, то увидела она горстку пепла да жжёного перья на столе вместо жадной гостьи.

Принялась Пелагея искать по избе птицу-горе, но той и след простыл. Следом к ней жёнки пришли, стол выскоблили, на лавки окутки постелили, по углам пауков погоняли, в печь чугунок с картошкой поставили.

Хотелось Пелагее попить, попричитать. Но рот точно запечатали. Видит она, что Мирошка без тяти растёт, Устинья мужа схоронила, Дунька на один глаз слепая. Завидовать да и жаловаться некому. Только из окна видна птица-горе, жива-живехонька. Кружит гагара над морем, рыщет по берегу, то взлетает, то камнем вниз падает. Ищет новое гнездо, куда бы сесть.

– Не хочешь от людей добра, – сказал староста, – так сама добро делай. Не к себе жалостью живи, а к другим.

Долго Пелагея над этими словами думала. Посмотрела на паперть, где Мирошка сидит, и так-то его кудрявая головка напомнила матери сгинувшего Андрияшку.

– Твоя изба сгорела, а моя опустела, – сказала она, – приходи жить. Буду как родного сына жалеть.

– Жалость твоя губит, а не любит, – ответил ей Мирошка, – но работником пойду. Ежели в скит надумаю – не удержишь, а в артель решу – не привяжешь. Только так.

Кивнула Пелагея и услышала шелест крыльев. Это взлетела с берега гагара, покружила над дымом избяным, поднялась вверх, превратилась в чёрную точку и вовсе пропала.

Егор ЧЕРКАСОВ

г. Нижний Новгород

Черкасов Егор Сергеевич. Родился 23.10.1991 г. в Нижнем Новгороде. Окончил Нижегородскую государственную консерваторию им. М. И. Глинки в 2016 году по академическому вокалу в классе профессора, заслуженного деятеля искусств Седова Андрея Михайловича. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Наша молодёжь», «Российский литератор», «Клаузура», «Соты», «Перископ», «Нижний Новгород», газете «День литературы», альманахах «Земляки», «Топос», а также в зарубежных литературных изданиях (Германия, Латвия, США). Участник Международного литературного фестиваля им. Горького (2023, 2024).

Исповедь старушки

Рассказ

По осени мой Михаил Иванович захворал. У нас, стариков, иначе в таком возрасте и не бывает: хочешь понять, почему это болит да то – глянь в паспорт. А ему и глядеть не надо было: двадцать пятого года рождения, участник войны, ранен был. После войны тоже особо не жаловали – страну поднимал на вредном производстве. Там всю жизнь и проработал. А в стариковской немощи, знаете, не жизнь, а выживание. Каждый день дорого достаётся.

Потом врачи подлечили, вроде полегче ему стало. Да, видимо, ненадолго. Внезапно объявил, что приготовливаться ему следует. Почувствовал он это как-то. Я было возразить, но перечить не стала – старый Михаил Иванович, да всю жизнь с характером был. Бывало, и руку прикладывал, не в полную силу, но для нравоучения и справедливости. Так что, лезть поперёк не стала – исполнил его волю.

Для такого случая у нас в сених гроб уже давно стоял, всё как полагается. Мы – люди понятливые и заранее к подобному готовились: что он, что я. Памятников Михаил Иванович у меня сроду не любил: его родители старообрядцами были – все под крестами ныне лежат. И мой решил также.

В середине октября есть перестал. Сначала помаленьку, но кушал всё же. А потом вовсе отказался. Велел священника вести обряд справлять. Надел чистую рубаху и больше уже с постели не вставал.

Пособоровали, значит, его и причастили. Стал доживать чистым. Всё лежал и глядел куда-то, будто жизнь свою вспоминал и обдумывал всяко. Тихо так стало у нас. Тихо и спокойно. И так-то ни телевизора, ни газет – если внук только из города новостей привезёт. А тут и вовсе тишина в дом вошла.

Навеяло однажды на Михаила Ивановича, позвал к себе, велел присесть возле кровати его. Присела я. Он и говорит:

– Ты уж прости меня, Катерина, что так вышло, что жили скудно, ничего доброго не видала от меня особо, ни любви горячей, ни ласки нежной. Никогда с тобой мы не шиковали, всё что нажили – детей да домик развальному. Работали всё, да жилы рвали – а друг другу в глаза порой и не смотрели. Бывало, и попивал я у тебя, бедокурил. Радости особой не видала ты со мной. Одна тяжесть да печаль. Всю жизнь волочили друг друга: то ты меня, то я тебя. Только, вот упасть не дали друг другу – одно хорошо. А так...

Я взяла его руку двумя руками. У него большая рука была, властная. Взяла и говорю:

– Милый друг, Михаил Иванович! Уж всяко лучше с тобой жили мы, без любви особой и ласки, роскоши и соблазна, чем молодёжь нынешняя сейчас живёт, когда время такое, что живи и радуйся! Жить да жить! Да и ещё жить дают по-человечески! Ан нет – не живут. Мы-то с тобой по чести прожили и по воле Божией, как смогли. Так что, лучше всю жизнь с тобой и ни дня не жалеть, чем один день, как внуки и правнуки наши, без Христа в голове живут! Ни о чём не жалею, Михаил Иванович, ни о чём. Так что не думай лишнего, да спать ложись, милый друг.

Улыбнулся он. Вроде даже прослезился, а может, и показалось мне...

А утром представился мой Михаил Иванович. Как будто последнее его не отпускало – у меня прощение попросить. А я на него ведь никогда не таила зла. Он всегда для меня был выше и справедливее, чем все на свете. Ведь я всегда знала – он не обидит. Пожурит для острастки, но не более. И если по делу – то по делу. Так вот и жили.

Ушёл этой осенью Михаил Иванович – теперь и мне за ним надо – нечего меня одну оставлять!

Тут с коровой не справлялся – а там ему вообще, наверно, тяжело без меня. Он ведь так не скажет никогда, не пожалуется – а ему одному сейчас тоже тошно, как и мне.

А вообще, почаще ко мне заходите. Все в деревне вымерли давно. Я одна осталась, да вы, дачники, наездами живёте – больше и нету никого. Если воды набрать, или, как сейчас – переждать в тепле, пока у вас печка натопится дома – милости прошу! Чаем всегда напою. Вы, когда ещё раз поедите сюда, газеток захватите каких-нито. А то очень тошно в тишине сидеть да в угол глядеть, пока там не померещится что-нибудь. Пойду варенья крыжовного принесу – ещё чайку прихлебнём!

Старушка накинула тулуп и, согнувшись, вышла в низенькие сени.

Рустам МАВЛИХАНОВ

г. Салават, Республика Башкортостан

Родился 15 июля 1978 года в Салавате. Публиковался в журналах и альманахах «Нева», «Крепятик», «Журнал ПОэтов», ««Невский проспект», «Традиции&авангард», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Изящная словесность», «Истоки», «Балтика» и др.

Свои

Рассказ

Это был её шанс. Ничтожный, фантастический, но шанс. Какой выпадает раз в несколько жизней. Если местные ламы не врут.

Сретенск² – место, где встречаются железная, кровавая дорога и чистая река, городишко, зажатый меж сопок, – разгорался с окраин. Огонь медленно подступал к десятку «дворцов» провинциальных нуворишей и нелепой одинокой триумфальной арке – сюда когда-то, вечность назад, извоили припереться наследник престола. Обыватели прятались по погребам, обороняющиеся – стягивались к пристани, на которой не оказалось парохода, обещанного местным промышленником. Впрочем, он уже висел на своих воротах – между вензелей и уточек.

Окраины огрызались. Зло плевали пушки белых казаков с сопок, отчаянно стрекотал пулемёт у депо. Безнадёжно. Было бы дело где-нибудь на Волге, там ещё, может, и пощадили бы – там красных лишь ставили к стенке или топили на баржах. Но тут расправа была по-даурски суровой. Тем более, над своими, над красными казаками – без пролития крови, с перерезанными сухожилиями, вниз головой: «бешеный барон» был мистиком, «предателей России» вешал как на XII аркане Таро. А семёновцы ещё и кишки выпустят.

И вот теперь напротив Али сидел шанс. Ничтожный. Который можно даже не принимать во внимание. Надёжней застрелиться.

Дурак Андоверов³! Говорили же ему: собери своих, отобьёмся, уйдём по Шилке в Китай, а там – православные направо, ваши – налево! Их же полно – тут, в Сретенске, чуть ли не вторая черта оседлости. Ссылные. Как рассказывал ей муж, там, в западной черте оседлости, у них ни денег, ни оружия отбиться от погромщиков. Вот они и старались попасть в ссылку, во «внутреннюю эмиграцию» – здесь ружьё у каждого: тайга! А в тайге – золото.

Отбились бы. Хоть как, но отбились. Но нет, упёрся, куркуль, с краснопузыми-де дела не вожу, свои люди, сочтёмся. Золотом счесться хотел, дурак. А теперь атаман будет их крестить – «или огнём, или водой». Им повезёт, если водой – хоть не заживо гореть.

Могла ли знать дочь самарского юриста, сколько огня и воды принесёт ей любовь. Муж заразил её интересом к Востоку, она выучила японский и монгольский, и когда его ссылали в Сибирь – без раздумий, как в ангарскую прорубь головой, поехала с ним. Заре своей жизни навстречу. Первые три года – огонь в печурке, пара картофелин на ужин, шаль на плечах, зябнущие пальцы, которые он отогревал своим дыханием. Потом, после конца срока, – ночные костры в экспедициях, израненные руки в бамбуковых джунглях Сахалина, амурские ма́ри, соляные топи Барун-Торея⁴, тигринный рык, отзывающийся вибрацией в животе, реки, закипающие нерестящейся кетой, а по утрам – синие моря полубезымянных хребтов до самого края мира.

Когда мир превратился в войну, муж сделал свой выбор: и потому, что как исследователь и путешественник, был, скорее, социалистом, и потому, что сочувствовал туземцам, цинично спаиваемым местными «рачительными хозяевами» – перекупщиками пушнины. Он понимал их: самогоном платить экономней. Но не принимал.

А война загнала их в Сретенск. Место сретения жизни и смерти.

Где она встретила свой шанс. Своё зеркало. Несостоявшуюся подругу. Такую же, как она, закинутую любовью к чёрту на кулички – или к дьяволу в печень. Аля ещё раз перечитала документ: «Анна Пакшина. Фельдшер 3-го класса медицинской службы императорского флота». Рост, вес, цвет глаз, возраст – всё совпадало. Цвет волос отличался, но сейчас тиф гуляет – все выбриты налысо. А в остальном – почти копия. Русские отличат сразу, но фотокарточки к документу не прилагается, а для японцев мы все на одно лицо. Может, «муж» Анны и отличил бы, но вон он – лежит в углу двора без головы и без мундира: очередной безвестный «китаец», каких тысячи сгинуло в русской Гражданской войне.

Уроженка Барнаула, жила во Владивостоке, потом в Харбине... Допрашивать Анну было легко: в её глазах читалось настолько лютное, чуть ли не животное желание жить, что даже не пришлось бить – достаточно было направить маузер в лоб. В 1910-м, во время маньчжурского мора, работала в противочумном отряде Марии Лебедевой⁵. После гибели врача («надо же, в 35 лет – как нам с ней сейчас») завербовалась к японцам, славившимися жестоким карантинном, – на большую землю было

²Сретенск – город в Забайкалье.

³Яков Андоверов – «патриарх» богачей Сретенска, из ссыльных евреев.

⁴Барун-Торей и Зун-Торей – озёра в Даурии.

⁵Лебедева Мария Александровна (1875-1911) – уроженка Нарыма (Томская губ.), врач, доктор медицины; после окончания Женевского университета служила доктором на Енисее; погибла в борьбе с маньчжурской чумой.

не выбраться. Барон Китасато Сибасабуро⁶, глава японского отряда, взял Анну под крыло: санитары вымирали целыми госпиталями, и лишние руки были в цене. На международной конференции эпидемиологов в Мукдене (подумать только: врачи со всего мира поехали в брюхо к самой Чуме!) познакомилась с лейтенантом медицинской службы флота. Влюбилась, он стал её содержать и всюду возить с собой: Токио, Гонконг, десант на германских островах в Тихом океане, интервенция в Россию. И вот – Сретенск. Конец карьеры.

Попались они глупо: занимались любовью в вагоне, когда на станцию накатили красные. Любовь была, похоже, в японском стиле – с игровым насилием, – и кончилась по-японски.

– Прости, Рюкити, – сказала Аня, приставив к его голове наган с одним патроном, – но жизнь я люблю больше.

– Это хорошо, что любит, – прокомментировал Але муж, сравнивая женщин. – Как там... жизнью жизнь поправ? Жить – это чудно. И чудно, – добавил он, отсекая голову японцу: чтобы не опознали.

Теперь выбирать предстояло Але... Надёжней бы пулю – вот сюда, в ямку над ключицей, сверху вниз, в сердце – не обезобразить грудь. Остаться красивой навсегда. Но... он завещал: «Прощай, товарищ жена. Выберешься – помнишь ту ступу на перешейке, между Зун и Барун Торейми, где нас лама обвенчал? Я там, у деревца – оно одно, не ошибёшься – закопал свои заметки. Попытайся забрать их. Когда всё успокоится. Сильно не рискуй».

Значит, так тому и быть.

А медицину подучит. Хотя бы в память об этой, напротив, на которую пора перестать смотреть как на человека. Потому что напротив – зеркало. А у женщины нет врага ближе, чем зеркало.

– Иди, – махнула Аля.

– Куда? – трясущимися губами, сухим горлом спросила Аня.

– Туда, – Аля кивнула на дверь. – Ты же хотела жить?

– А... – исподлобья взглянула Аня. – А... а моя одежда? – кивнула она на полевую форму.

– Времени нет, – звуки пожара приближались. Кажется, бой шёл уже вокруг банковской четырёхэтажки.

Анна подскочила. Боясь поверить, на негнувшихся ногах пошла к выходу. Вот крыльцо – доска подгнила, гвоздь торчит – не наступить. Двор. Труп лошади, убитой осколком. Море её крови. Ещё тёплой... такой тёплой... такой нежной. Яркое, до одури, серое небо. Какое-то тело в углу, без головы. Как же его звали?.. Запах гари. Сладкий запах гари. Не надышаться... Проём ворот. Всё ближе. Пять шагов. Четыре. Свет! Свобода! Я жива!!!

Выстрел удачно снёс половину головы. Аля подбежала и разрядила остатки барабана в лицо. Деловито, без ненависти – не до неё, когда нужно быстро становиться Анной, фельдшером 3-го класса императорской армии... стоп, флота! Застыла на секунду: тело, в одном исподнем, быстро наливавшемся кровью, было красивым – ему бы жить и жить. Мёртвый глаз лошади блестел укоризной.

«Извини, – застыла она на мгновение. – Так... Собралась! – скомандовала себе. – Что со мной делали «красные палачи»? Чёрт, надо было раньше об этом позаботиться, пока мой жив был! А он смог бы?»

Аля – нет, уже Аня – два раза глубоко вдохнула-выдохнула и прижала ещё горячий ствол к животу. Боль чуть не согнула пополам, но – время! Забежать в дом, надеть японскую форму, достать кочергу из печки – «помнишь вечера в ссылке? Шаль... боже, верни меня в ту шаль...» – приложить к бёдрам, отдышаться, к спине, отдышаться, проклятье, надо было застрелиться, что сделать с лицом, чем себя ударить? документы! – в карман, взять нож, надрезать срамные губы, натянуть штаны обратно, выбежать во двор, плеснуть крови на промежность... топот у ворот. Всё.

– Ух, глянь какая! – прозвучал зычный голос. Гнедая туша толкнула её на землю, копыто мелькнуло над головой. – А ну вставай, подстилка большевицкая! Втопчу!

Аля приподнялась, казак перегнулся, схватил её за ворот и ударил о стремя. Кровь хлынула из рассечённой брови.

– Чё, не навалялась под красными? – ухмыльнулся он в усы. – Ничё, под нами лежишь! Пшла!

Женщина утёрла лицо, вышла за ворота, направо. Камни впивались в босые ноги, напоминая: ты ещё жива. Но... свинцовое небо, боль от ожогов, вонь горящих домов, хлевов, плоти, рёв запертой скотины, вой молодец, которых за волосы оттаскивали от семей, тёмная река, набиваемая мужиками, бабами пострашней, детьми – «всё-таки водой», – мат... её, красные, казаки, уже голые, уже кастрированные, уже вниз головой... муж? да, это он, эту руку, нелепо лежащую около иссечённого, но ещё дышащего тела, она узнала бы из тысячи, – и солнце, пробивающееся из-за туч и дыма.

– До последнего стоял, отстреливался, – кивнул усатый конвоир молодому.

– Так ведь он свой, тоже казак... наверное... – просипел тот.

– Тыфу ты! Был бы чужой, китаёз какой, – прогнали бы в евонный Китай! А своих куды прогонишь со своей земли? Только в землю!

– Та я не о том! Может, кончить его, что ж так мучить-то? – возразил молодой.

⁶ Китасато Сибасабуро (1853-1931) – японский врач, один из первооткрывателей (наряду с Йерсеном) возбудителя чумы.

– А пускай полежит, подумает, как против нас идтить! – гоготнул усач. И Аля решила: она будет жить. Она пройдёт все допросы – вон, навстречу уже спешит офицер, он заберёт её, патриоты побоятся конфликтовать с японцами, – а потом переживёт и японские пытки, и выйдет с новым именем, и будет жить – это обещает золотой закатный свет, заливающий изумрудные сопки, этого требует Река, которую заставили уносить тела баб и мужиков... Жить. Хотя бы для того, чтобы вырвать глотку у этого гарцеватого гоготуна, затолкать трахею в его жену, закопать их в землю.

Потому что он тоже свой.

Потому что гражданские войны не кончаются никогда.

Алёна КУБАРЕВА

г. Москва

Окончила Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Публиковалась в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Параллели» (Самара). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Где мой половник?

Рассказ

– Надо взять половник и саму себя черпать...

– Что? – я оторвалась от своих тетрадей и книжек и удивлённо посмотрела на тётю.

– Надо черпать саму себя! – повторила она и вдруг взглянула на меня испуганно. – Ты не выдашь?

– В смысле, тётя Лид?

– Там кто-то стучит. В дверь. Ты не выдашь? – тётя Лида замерла, подняв узловатый палец. В её глазах – ужас.

– Пойду посмотрю, – я пожала плечами и встала со своего места.

Тётя Лида схватила меня за руки и всхлипнула.

– У меня ведь ничего нет! Совсем! Меня уже завтра отсюда увезут. А если дождь закончится, – она вдруг закрыла лицо руками и мелко затряслась, повизгивая и подвывая. Я устало опустилась рядом с ней на диван и погладила по голове.

– Вас не увезут. Вы тут живёте уже сорок лет, это – ваш дом!

– Сорок лет? А какой этаж?

– Девятый...

Тётя Лида перестала плакать и захлопала в ладоши.

– Ура-а-а! Девятый! Как хорошо! – и она засмеялась.

Господи, что я тут делаю? Я, которой так много надо!..

И ведь это не вчера началось. Сколько лет я только тем и занимаюсь, что за всеми разгребаю! Почему? Это что – и есть моя судьба, моё предназначение?!

Тётя Лида снова плакала.

– Я ведь учусь, а мать не знает. А если узнает, будет меня бить, – и тут же, без перехода: – Что это у меня на ногах?

– Где?

– Вот!

– Тапочки.

– Тапочки. Сижу я. Не обращайтесь внимания, – тётя Лида схватилась за сердце. – Я правильно делаю, что не живу...

– Что?

– Не живу, – старушка грустно улыбнулась. – Сердце у меня никуда не смотрит.

А я – живу? И куда моё сердце смотрит?

«Сегодня идут без конца те же тучи, грядя за грядой...»*. Когда-то тётя Лида работала инженером, ездила в санатории, ходила в турпоходы. Была активной общественницей. На байдарках даже сплавлялась! А вот с мужем – разошлась; детей не случилось. Но она даже радовалась: «Как хорошо одной!» А теперь ей – восемьдесят пять. И она никому не нужна, кроме своей деменции, которая с каждым днём пожирает её всё больше.

Вот она сидит под дверью и разговаривает с воображаемым собеседником. О чём-то спрашивает, уговаривает – готова отдать ему ключи и вообще всё.

– Забирайте! Всё – для вас...

Всё – для вас!.. Ничего, или почти ничего – для себя.

Была у меня сестра. Мать считала её гениальной. За это сестре разрешалось не убираться в квартире, не мыть посуду, не стирать, не гладить – вообще не пахать. Всё это делала я. А сколько раз сестра пыталась покончить с собой – три, четыре? Потом я собирала тряпкой содержимое её желудка, вытирала кровь... И всё думала: «Почему – я? Почему не могу вот так же – вскрыть вены, наглотаться какой-нибудь дряни, не думая о тех, кто будет бегать по больницам и участковым, кормить меня с ложечки, вытирать пол?»

Однажды сестра залезла на рояль и написала тушью на потолке: «Жалко, бога нет!»*. У неё Его не было. У меня – есть...

А когда сестра умерла, у меня на руках остался её маленький сын.

– Мама! – доверчиво говорил он, улыбаясь и протягивая мне свои нежные пухленькие ручки.

– Я не мама. Мамы больше нет, – терпеливо объясняла я. На глаза его наворачивались слёзы...

– А ко мне писатель пришёл! С мальчиком! У него – такие интересные лапотки! Новые! – тётя Лида рассказывает мне очередную историю, бог знает, откуда взявшуюся в её голове. – Вот, видишь, сидит у меня, дурачок!

Когда мне было девять, меня оставили на несколько часов одну с бабушкой. Бабуля, полупарализованная после инсульта, лежала на кровати и только «мекала»: «Ме-ме-ме-е-е!» – «Что ты хочешь?» – дрожа, спрашивала я. «Ме-ме-е...» – «Есть?» – «Ме-е-е...» – «Пить?» – «Ме-е-е...»

Как же страшно было подходить к ней!.. Ведь это уже не та бабушка, которую я знала – строгая, скрытная, чистоплотная. Это – жалкий, гниющий полутруп. И смотреть-то жутко! А уж как ныло сердце!.. Я старалась подольше оставаться в саду. Вот и подружку пригласила, и затеяла с ней игру в догонялки – только бы не идти к бабуле! Бегу и соображаю: «Так – нельзя». А сердце-то, сердце – болит! Ну, не могу! Так хотелось забыть об обязанностях! Так хотелось быть собой, ребёнком!

Вот уже час, два, как я не навещала её. А идти – надо! Наконец, пересилила себя... Бабушка сползла с кровати и сидела, привалившись к ней, вся в дерьме. Она смотрела вперёд невидящими глазами и что-то нашаривала на полу.

– Бабушка!..

Я разрыдалась. Мне никогда это не убрать! Она увидела меня, ухватила, притянула к себе и пронзительно закричала в самое ухо:

– Ме-е-е!..

– Бабушка! А-а-а! – я запаниковала, задёргалась во все стороны, мгновенно ощутив страх смерти. Вырваться, скорее вырваться из её омерзительных, грязных, липких рук! Но бабуля, похоже, вложила в эту хватку свою последнюю силу. Поняв, что оторвать бабушкины пальцы от себя не удастся, я постаралась её поднять... Сорок килограммов – против ста двадцати. Я чуть не сломала спину. Больно, противно, плохо... И я ничем, ничем не могла ей помочь! Я плакала – и бабушка тоже: «Ме-е-е!...»

– Я – Лидия Ивановна!

– Я знаю.

– Я должна знать, где мой дом.

– Он здесь!

– Сразу?

– Что сразу?

– А вдруг он меня выгонит?

– Кто?

– Ну, он – дом.

– Да никто вас отсюда не выгонит, успокойтесь! Живите себе! – улыбаюсь я.

Всплёскивает руками, улыбается в ответ.

Бедная тётя! Несчастное дитя! Хотя, может, счастливое? Ведь каждый день для неё новый и молодой. И мать ещё жива, и отец, и старшие братья. И учится она, и работает, и на прогулки ходит. И в парикмахерскую, и в зоопарк. И одежду сама себе шьёт. А то и из-за границы привозит... Всё это она рассказывает мне. И каждый раз по-другому. При этом – радуется. Но вдруг приходит печаль.

– Я вот всё время думаю...

– О чём, тётя Лид?

– Надо что-то делать!

– И как – надумали?

– Да! Надо черпать! Черпать надо себя!

* – строка из стихотворения И. А. Бунина «Одиночество».

* – финальная фраза поэмы «Цыгановы» Д. Самойлова.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Никита БРАГИН

г. Москва

Брагин Никита Юрьевич (1956 г.р.), москвич, член Союза писателей России. Автор 15 книг стихов. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2018), Всероссийского фестиваля авторской песни им. Валерия Грушина (2013, 2014, 2019, 2020, 2021), международного поэтического конкурса «45 калибр» (2014, 2019, 2020), международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019), Большого дистанционного литературного конкурса МГО СП России (2020, Гран-При), XXVIII международного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце» (2021), открытого литературного проекта «Поэзия русского слова» (2022). Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института Российской Академии наук. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из новых стихов

Русское утро

Светает над полями вешними,
и на душе легко и вольно,
как будто светлое раздолье
охватывает и несёт,
и над цветущими черешнями
плывёшь, возносишься и вскоре
ты видишь золотое море
и слышишь голос древних вод.

Ты представляешь поле дикое,
его ковыльные курганы,
где каменные истуканы
стоят на страже вековой,
и корабли Петра Великого,
что шли к Азову тихим Доном,
и боевых машин колонны,
и бомбы беспощадный вой.

И надо всем — виденье Родины,
хранящее под омофором
все эти вольные просторы
бескрайних солнечных полей!
Как древле у реки Смородины,
мы ныне стали на распутье
меж смутой, серебром и сутью,
и надо выбирать скорей!

А впереди война столетняя,
всё длится, множа кровь и ужас,
вершится и в жару, и в стужу
России новой горький труд.
Мы ждём, когда настанет сретенье
у разделённого народа,
когда на бранном поле всходы
над нашей кровью прорастут.

Оно настанет без сомнения,
в один поток сольются воды
согласно Богу и природе,
согласно кровному родству.
Так поднимаешься ступенями
из предрассветной тьмы всё выше,
и вскоре птичье пенье слышишь,
и видишь утра синеву.

Симфония Победы

Когда наливаются тучи на Западе
кромешным пожаром и кровью больной,
когда, словно буря сквозь мирные заводы,
война налетает свинцовой волной,

когда говорит с интонацией скептика
о родине неисправимый подлец,
когда ни огня по дороге не светится,
и смерть наступает, и миру конец,

тогда ощущаешь — огонь ослепительный
вздывается в сердце, взлетает с душой,
и, лица закрыв, потрясенные зрители
не в силах смотреть — за устоем устоя

мучительно рушатся, медленно падают,
разносится грохотом дьявольский смех,
смыкается над городскими громадами
огромное море, едино для всех!

К финальному акту мы вовремя прибыли,
последние стены готовы упасть,
но нам ли мириться с безумьем погибели,
открывшей над миром кровавую пасть?

Мы издревле помним, как множится мужество,
как малый росток разрывает бетон,
как ворон над полем сражения кружится,
и падает оземь, стрелой поражён,

как Русь за холмами прощается с Игорем,
как парус Петра осеняет Неву,
как древний собор, что обрушился, выгорев,
опять поднимает златую главу,

как поле зовёт победителя-пахаря,
как яблони в мае роняют цветы,
как светятся над топорами и плахами
Покровского храма родные кресты.

И слышится пение Матери-Родины
у детской кровати, где сказки и сны,
и в поле донецком — могучей мелодией,
победной симфонией Русской Весны.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Борисова Ольга Михайловна – поэт, переводчик, писатель, публицист, общественный деятель, член Союза писателей России. Член президиума ИАСТ/ МААТТ Международной ассоциации писателей и публицистов (Германия), Европейского Конгресса литераторов (Чехия), Оргкомитета Всероссийской литературной премии «Искусство слова». Организатор Международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Лауреат ряда Всероссийских и Международных литературных премий. Публикуется в литературных изданиях Великобритании, Канады, Македонии, Сербии, Болгарии, Белоруссии, Украины, Чехии, Израиля, Греции, Литвы, Бангладеш, Молдовы и России. Автор 15 книг стихов, прозы и публицистики. Главный редактор литературно-публицистического альманаха «Параллели», альманаха «Крылья», журнала «Параллельки».

«Я по листве бреду опалой...»

За чашкой чая

С горчинкой чай и горечь на устах,
Качаю ложкой боль воспоминаний.
Обиды нет, лишь память на листьях,
Исписанных в период испытаний.

Янтарный чай в стакане на столе,
В нём оживают прошлые виденья.
А дождь вопросы ставит на стекле,
Слезой стекают капельки сомненья.

Дождит с утра и дробью по судьбе
Проходит боль назойливо бесстрастно.
Послушай, дождь, я расскажу тебе,
Что всё на свете этом не напрасно.

«Ведь жизнь прожить – не поле перейти», –
Так говорили бабушки и деды.
Не сбиться бы с привычного пути,
Когда проходишь горести и беды...

Остывший чай с чаинками на дне,
И дождь не унимается сегодня.
Идёт он по излому прежних дней,
По лету, что считается Господним.

Книга века

Мы в книгу века вписаны судьбой
Красивым шрифтом в двух иль трёх строках.
В ней те, кто шёл по следу за тобой,
И кто творил на разных языках.

Мы будем жить и через сотню лет
На книжных полках, глянцевых листах.
На них отобразится наш портрет,
Живое слово в пламенных стихах.

Оно над миром протрубит опять,
Когда придёт его черёд и час.
Тогда и время повернётся вспять,
И воскресят забытых миром нас.

Мы в книгу века вписаны давно,
О нас гласит бездушная строка.
И мне поэтом стать судьбой дано,
И я творю на разных языках.

Слияние

Я не ропщу. Сжимаю кулаки.
Бреду во тьме дорогою крутою.
Ну как же звёзды всё же далеки,
И привлекают взгляды красотою.

Мне часто небо снится по ночам.
Оно зовёт, стирая плавно грани.
Небесный свет касается плеча,
Ложится на атлас простынной ткани.

Всё слито, всё едино в этот миг,
И небо обнимает нежно землю.
И видится в небесной выси лик,
Стекающий медовою капелью.

Но утро восстаёт из темноты,
Роняя перья, ворон метит крыши.
Выходит мир из прежней немоты,
Он вновь грешит,
он снова дышит,
дышит.

Лампадки жертвенный огонь...

Лампадки жертвенный огонь
Струится красноватым цветом,
А лучик тычется в ладонь
С небесных высей мне приветом.

Ещё все спят, во всём покой,
И дом наполнен тишиною.
Апрель в висках стучит строкой,
И набегают мысль волною.

Что мир похож на божий храм,
В котором свой порядок вечный.
Царём дарован грешным нам,
Задуман стать он бесконечным.

И мы в нём тоже божества,
Должны блюсти покой планеты.
Во имя жизни торжества
Нести скрижальные заветы.

С иконы смотрит Божий лик,
Мерцает свет лампадки красной.
Мне в душу свет её проник,
Я поняла, что жизнь прекрасна!

Вкус жизни

Прорехи жизни залатаю
Своим беззубым я стихом
И отпущу в подлунье стаю –
Летите с встречным ветерком!

Их разнесут повсюду птицы,
И нащебечут всем стихи.
Мои бессмертные страницы
Отпустят боли и грехи.

Я только тень в подлунном мире,
Свой путь старательно несущу.
Ничтожный раб я гордой лиры,
Её божественный сосуд.

И на Земле таких немало,
Но как же мил мне голос муз!
Я по листве бреду опалой
И ощущаю жизни вкус.

Андрей НОВИКОВ

г. Липецк

Новиков Андрей Вячеславович – родился 26 декабря 1961 года в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. Окончил Литературный институт им. Горького. После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарём в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортёр», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Автор 9 книг. Председатель Липецкого регионального отделения Общероссийской общественной организации писателей «Литературное сообщество писателей России» (Литфонд). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Из цикла стихотворений о Туркменистане (2)

Дарваза

Пусть на пламя смотреть не устанут глаза,
Из подземной каверны фонтаны огня,
Подожгли тебя люди... Теперь Дарваза
Стала сказочным символом ночи и дня.

Каракумы – чернильный и белый песок,
Здесь на плоской пустыне гуляют ветра,
Вихри пыли стремятся в последний бросок,
Необъятного неба гортанна сура.

А каверна клокочет, протяжно поёт,
Интригует полвека и дерзко манит.
Словно истина плату безмерно берёт,
Ненасытно взлетая в горячий зенит.

Завывающий ветер несется без туч,
Газ в песчанике режет тугие пласты.
Врата Ада, ваш символ упрям и могуч,
Как мерило нелепой, земной суеты.

Маленький мальчик в чалме

Неба утреннего купол,
Жаворонок в высоте
ноту нужную нащупал
и доверился мечте.

То в зенит он устремится,
То к земле летит сюда,
Словно хочет возвратиться,
Чудом в прошлые года.

Он на дерево не сядет,
В разомлевшей синеве,
Свил гнездо потомства ради,
Скрывшись в луговой траве.

Есть печальная легенда,
Но она и в нашем дне
Отразилась неизменно –
Сказ о мальчике в чалме.

Мальчик умный жил в ауле,
В школе первый ученик,
Но зазнался, упрекнули –
Спор с учителем возник.

Молвил и на сердце рана:
– Если выгнал, ну и пусть,
Лучше жаворонком стану,
Чем к учителю вернусь!

И, наверное, из страха
Он не стал себя винить,
Слёзно попросил Аллаха
В жаворонка превратить.

Бог услышал эту дерзость,
Потому известно мне –
Жаворонок – это мальчик
С хохолочком, как в чалме.

С той поры в народе знают,
Птицеловы честь хранят –
В жаворонка не стреляют,
Птичку слушают и чтят.

Он поёт легко и нежно,
Он самозабвенью рад,
Вдохновение над бездной,
Так в народе говорят.

Парау-биби

На скале Копетдага, её береги
И преданье храни на века,
Стала белой мечетью Парау-биби,
Невесомая, как облака.

Древний купол плывёт на восьми парусах,
Зодчий выверил форму звезды,
Украшала рабат Ферава в небесах,
А под ними дома и сады.

По легенде красивой туркменкой слыла
И достойной Парау-биби.
Высоко для молитвы стояла скала,
Это место Аллах возлюбил.

Но однажды коварно напали враги,
Приближалась несметная рать,
Аксакалы решили Парау-биби
Чужеземцам в уплату отдать.

Но несчастная женщина скрылась в скале,
Перед ней появилась мечеть.
Оказалось, не прерван начертанный путь
На родной, благодатной земле.

Ветер времени умно века перечёл,
Пробежали они как вода.
Из паломниц поток в благодатный престол,
Для туркменок надежда всегда.

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич. Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражистъ». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншаня, г. Синьян. Награждён Почётной грамотой министерства культуры РФ (от 06.11.2012). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Подборка сонетов – 2025

Сонет про машину времени

Всё чаще, чаще в наших разговорах –
Старинная карета на рессорах,
Увы, машина времени – мечты
И памяти – где вместе я и ты,

Ты – или веселясь, или рыдая,
Послушно едешь, Муза молодая...
Влечёт карету пожилой Пегас,
Крылами помогая каждый раз...

Какое слово славное – карета!
Тобой и мной восторженно воспета,
Карета мчит – откуда и куда? –

Пардон, снимите шляпы, господа!
Поскольку обещает нам прогресс
Машину под названием Мерседес!

Сонет про поэта Кострова

Помню я, как в ЦДЭЛе
Всем известный острослов
Балагурил на пределе
Догорающий Костров...

– Выпей, милая подружка!
Где твоя большая кружка?
Спой мне песенку свою!
Очень жаль, что я не пью! –

Помню, как сгущался дым
Пьющей братии над ним...

Как подружка: – Ай лав Ю! –
Пела песенку свою...
А бухой буфетный зал
Им, поющим, подпевал...

Сонет про миллион

Я в детстве умным был.
Но в юности – умнее,
И в зрелости – умнее...

...Теперь, в упадке сил,
Я становлюсь глупее.
И вновь мне Бог и Бес
Преподают урок –
Затем, чтобы я смог
Продолжить жизни срок,
Играя в лотерею:
«Билет на миллион».

...И по дороге к Раю
Я с глупыми играю,
Безумно в жизнь влюблён...

Сонет про любовь

Я был любовником когда-то...
А ты любовницей была –
Свежа, красива и светла...
Любовь, конечно, виновата,
Что неслучайно нас свела:
Дела-слова, слова – дела!

Как хорошо влюблённым быть!
Таинственно тебя любить...
Часов и лет не наблюдать,
Когда на сердце – благодать!

Зачем я весь ушёл в слова?
Зачем ты вся ушла в дела?
Ответа нет, но жизнь права,
Хотя, увы, едва жива.

Соловьиный сонет

Бабочки летают...
Соловей поёт...
Вот ведь как бывает,
Если повезёт!

Поле, луг, и речка...
Поперёк – родник...
Здесь душой навечно
Я к нему приник.

Хорошо! – ей-ей...
Пой, поэт, и пей –
Словно соловей
Или муравей...

Далеко видна
Вольная волна...

Сонет про тех, кто в теме

Я – с теми,
Кто знает меня с детских лет,
Весь – в теме,
Под маской – «Известный поэт».

Сонеты, октавы
И полусонеты –
Сильней нет отравы, –
Ещё не допеты...

Свободный ли, узник,
Нам искренне рад, –
Приветствует музыку
И маскаррад...

Увы, и эзоповский древний язык,
К которому наш современник привык...

Ефим ГАММЕР

г. Иерусалим, Израиль

Гаммер Ефим Аронович. Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия). Окончил отделение журналистики ЛГУ в Риге. Автор 29 книг стихов, прозы, очерков, эссе. Член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников – обладатель Гран При и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Публикуется в журналах России, США, Израйля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины.

Стихоассоциации моего двора...

1
Солнечный зайчик,
бедный ребёнок,
бегаёт попросту,
солнцем угрет.
На всякой войне,
среди бомб и воронок
мелькает,
как будто и смерти нет.

2
Я, пацан,
под зябкие зубарики,
подбирал травинку
вместо хлебной крошки.
– Жми отсель!
Схлопочешь по паяльнику.
– А не утечешь,
прибавим трюшки!

3
Сколько битых на дворе моём.
Посмотрите, коль даны глаза.
Впрочем, если вам глаза – внаём,
или их вам выела роса,
то чего там? Проще – в новый дом,
в новый смысл, чтоб – новый окоём,
небеса, леса и прочая краса...
Сколько битых на дворе моём.
Не постигнешь сердцем и умом.

4
А на дворе, моём дворе –
сияние – утопия.
Земное солнце. По жаре
не выискать бедовее.

5
Фокстрот крепчал. И лопались поджилки.
Любовь ждала за каждым за углом.
И вызревали пяточком копилки.
И кровоточил нос при встрече с кулаком.

6
Пришли иные – новые потомки.
Припудрили на всякий случай нос.
И перестройку сунули в котомку.
– Ну, кто поднимет?
– Братцы, не дорос!

7
Мыслишка всякая в игре.
Крепчает солнце.
Ловите искры в сентябре.
Кто жив – спасётся!

8
Ой, небо, действительно, мило.
Бескрайнее, голубое.
И сотворение мира
будто ещё с тобою.

9
Когда бы дождик в пятницу,
а истина в четверг.
Когда бы с жизнью справиться –
вернуть 20-й век.
Когда бы смехом-хохотом
привлечь ушедший мир.
Чтобы видели – не плохо там,
где есть бесплатный сыр.

10
Надежда сумраком полна.
Что день грядущий ей хлопочет?
А дядя Костя из окна
видал на ощупь и до дна
весь этот мир.
Засим – запил.
А что? Не пить?
Но пить он хочет.
А этот мир видал до дна –
и в этом не его вина.

11
Надежда полнится грозой.
Вина – вином, любовь – стихами.
И – в лепрозории запой.
Увечный грит про вечный бой
и инвалидную ногой –
не в глинозём, не в перегной,
а прёт, мертвяк, к прекрасной даме.
У дамы той пристойный вид:
прическа, губки, взгляд прелестный –
всё при себе и всё уместно
в краю, где жить легко, где жить полезно,
где каждый мёртв, хотя и сыт.

12
Судьбою полнится надежда.
– Рог изобилья! Пей до дна!
А наша жизнь всегда поспешна,
не в праздник, в будни включена.
А будни – что? Сплошная слякоть,
тоска, похмелье, мрак и холод,
и сила воли, чтоб не плакать,
когда смеяться повелят.
Ту би о но ту би...
Не жди, не думай, и люби...

Ирина РЕЗНИК

г. Омск

Резник Ирина Ивановна. Родилась в Казахстане. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, кандидат философских наук, член творческого Союза художников России. Автор 14 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских литературных журналах (Омск, Москва, Санкт-Петербург и др.). Лауреат ряда поэтических и художественных конкурсов. Участница творческого объединения «Рисовальные понедельники» при Омском музее Народного художника РСФСР К. П. Белова. Руководитель учебно-исторического культурного центра Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС). Учёный секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (ПАНИ, Санкт-Петербург). Редактор отдела публицистики журнала «Северо-Муйские огни».

«За горою событий, за дымкой времён...»**Пётр и Феврония**

Воткнув иглу, обмотанную ниткой,
Чуть недовышив на воздухе образа,
Она ждала и знала, что с молитвой
Уходит к Господу, подняв к нему глаза,

Тот, кто был с ней и в радости, и в горе,
Правитель честный, исцеляющий больных.
Он, примиряя подданных, что в ссоре,
Кормил голодных, одевал нагих,

И злобу, и жестокость пресекая,
Живя в согласии, к богатству не стремясь!
И не нужна была ему другая,
И ей был нужен только этот князь!

Они уже монахиня с монахом
Не рядом, но сердца не разлучить!
Спокойно старость встретили без страха,
И вот она наматывает нить

На ту иглу. Их порознь похоронят.
«Любовь сильнее смерти» – доказав,
Святыми стали Пётр и Феврония –
Навеки неразлучны в небесах!

Жена – мужу

Давай сейчас простим друг друга,
И ты поверь,
Что есть из замкнутого круга
Тугая дверь.
И пусть её не видно сразу,
Но всё же есть.
Не продаются по заказу
Душа и честь.
Не покупаются заботы –
К чему торги?
Ведь любят даже не за что-то,
А вопреки.
И мы с тобой любовь искали,
Тогда, давно.
Нашли, но шли за ней печали,
Всё, как в кино,
Сюжет которого, похоже,
Из жизни взят.
Она же спрашивает строже,
Честней стократ.
Открыть бы дверь тугую эту
Из круга ль, в круг,
Забыв, что гордость ли задета,
Иль предал друг...
Обида для души, заметьте –
Смертельный яд!
Идут за нами наши дети,
На нас глядят.

Дожди и зонты

Я не боюсь остаться под дождём –
Под тёплым, летним, без зонта и куртки.
Давай с тобой по улицам пройдем,
Ещё по мокрым, тихим переулкам,

Как шли давно, промокшие насквозь,
Не беспокоясь даже о простуде.
А сколько их сквозь жизнь мою лилось,
Потоков дождевых, а значит, будет

Сирени белой чудо за окном,
За мокрую одежду утешенье –
Смородиновый чай, рука с теплом,
Мурлыканье котов в завершенье.

И каждый лист, травинка, лепесток –
Всё после ливня тщательно умыто!
Умыл бы души нам Илья Пророк!
В его руке я вижу белый свиток.

А затяжной – он с осенью «на ты» –
Стучит, стучит настойчиво – уныло.
Спешат прохожие – и движутся зонты,
Я так иду – я свой опять забыла.

***

Если мысли вразброд, и душа не поёт,
Если ссоры всерьёз, то тогда мне
Остаётся одно – опуститься на дно
И лежать не подвижнее камня.

Наблюдать за бесцветным течением дня
И за чёрной тягучестью ночи,
И забыть обо всём, что касалось меня,
Только сердце забыть не хочет.

Ни забыть, ни простить, ни отдать, ни принять,
Ни поверить словам хорошим...
Как легко полюбить, если вам двадцать пять,
И как трудно годами позже.

И поверить труднее мне в искренность слов
И правдивость пустого взгляда.
В этом взгляде когда-то жила любовь,
Только это было когда-то...

За горою событий, за дымкой времён,
Как в старинной забытой были,
Где в окошко стучал развесистый клён –
Мы под ним целоваться любили.

Поищу в своём сердце ответ на вопрос:
Неужели забудется это?
И зачем нам ненужные ссоры всерьёз –
И боюсь не найти ответа...

Леонид КАРПОВ

п. Кестеньга, Республика Карелия

Член Союза российских писателей (член правления КРО /Карельского регионального отделения/ СРП). Автор 3 книг стихов: «Давай поговорим» (2013), «Всё просто и всё очень сложно» (2016), «Полёт души» (2023). Публиковался в местных СМИ, журнале «Север» (Петрозаводск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), поэтическом альманахе-навигаторе СРП «ПаровозЪ – 2023».

Победитель всероссийского литературного конкурса «Горячий снег» – к 80-летию Сталинградской битвы (Симферополь, 2023).

Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Как хорошо проснуться рано...»

Порыв души

По самой главной улице судьбы
уже хожу и медленней, и реже.
Здесь узы пережитого слабы,
но чувства и эмоции всё те же.
Вдруг в сердце закрадётся грусть-тоска
по временам, приснившимся как будто,
и сразу станет ясно, как близка
последняя минута.

Моя Отчизна, та, что за окном,
тень той, что возвышается над МКАДом,
уже давно объята полусном,
навевным пургой и листопадом.
Вдали от политических интриг,
торжественных приёмов и обеден,
её, хранимый Богом, светлый лик,
увы, всё чаще бледен.

Но что с того? К ней не было и нет
людской любви ни края, ни предела.
В сумятице лихих и славных лет
она, святая, столько претерпела,
что хочется, почувствовав и свой
порыв души в стремлении едином,
быть для неё не гостем, не судьёй,
а благодарным сыном.

По минному полю

Всевышний не сладкую долю
мне вверил – засаду и плен.
Нас гонят по минному полю,
погибших сапёров взамен.
Жизнь манит насытиться маем,
стекает дождём по щекам,
а мы беспощадно ступаем
по лютикам и василькам.

Как вас угораздило, братцы,
у Вечных огней зиговать?
За что вы готовы сражаться?
Кем стала вам Родина-мать?
Зачем так стараетесь быстро
из памяти выбросить вон,
как вместе мы гнали фашиста
до самых рейхстагских колонн?

И вот уж в глазах, как ни странно
понять, что мы снова одни,
рябит от Петров да Иванов,
непомнящих больше родни.
И в воздухе тесно снарядам,
а минам в земле невдомёк:
кто это, шагающий рядом
со Смертью – «укроп» или «орк»?

Я «хабчик» губами мусолю –
свезло напоследок курнуть.
Нас гонят по минному полю
в последний безрадостный путь.
Мой брат с позывным «Облепиха»
и друг с позывным «Абдулла»,
всё сделайте как-нибудь тихо,
чтоб мама с ума не сошла.

Чтобы себя не предать

Сколько печали в простывшем апреле,
слякоти и шелухи...
В песне, что мы дописать не успели,
рифмы к молитвам глухи.
Смысл полустёртых зачёркнутых строчек
скоро никто не поймёт.
Мне бы ещё жизни той хоть глоточек –
всё остальное не в счёт.

Что там меня караулит за дверью:
смерть или ласковый май?
Я в неизбежность прозрений не верю,
так что смелей вынимай
из рукава ли козырные карты,
сердца ли жар из груди...
Как ни крути – только мы виноваты
в том, что нас ждёт впереди.

Где-то, ветрами и солнцем раздета,
в грязь оседает зима,
чтобы от красок и запахов лета
вновь мы свихнулись с ума.
Сколько восторга в целебном июле,
в августе – всё благодать!
Мы потому лишь себя обманули,
чтобы себя не предать.

Как хорошо!

Как хорошо проснуться рано,
когда проблемы сладко спят,
и в паре метров от дивана
увидеть россыпи маслят;
кусты черники под торшером;
за креслом берег озера,
а на ковре, от пепла сером,
костёр, искрящийся слегка!

До сей поры не веря в случай
понять, что жутко повезло
и по тропе, сквозь лес дремучий,
уйти в крестьянское село;
на миг про дьявола и Бога
забыть в бревенчатой избе
и вдруг почувствовать, как много
миров рождается в тебе!

Григорий ГАЧКЕВИЧ

г. Кишинёв, Молдова

Гачкевич Григорий Миронович. Родился в 1973 году в г. Бендеры (МССР). Окончил Молдавскую экономическую академию по специальности «финансы и кредит». Награждён государственными наградами Республики Молдова: орденом «Трудовая слава» и медалью «За гражданские заслуги». В 2023 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор 18 книг стихов для детей. Лауреат международных литературных конкурсов «Открытая Евразия – 2021», «Славянское слово – 2022», «Золотой Витязь – 2023», «Золотое перо Руси – 2024». Публиковался в ряде российских журналов: «Мурзилка», «Формаслов», «Сура» и др.

Стихи из цикла «5+»

Ну и ну!

1.
Я испачкал одеяло
Посередине дня,
«Горем луковым» ругала
Бабушка меня.
Это всё неправда, кстати,
Расскажу я всем:
Ел не лук я на кровати,
А вишнёвый джем.
2.
Размышлял я день-деньской,
Где гуляет «волк морской»,
Если он – в лесу, не в море:
Рыбам – счастье, зайцам – горе.
Если всё наоборот,
И по морю он плывёт:
Рыбы, прячьтесь в глубине,
Зайцы, радуйтесь вдвойне!
3.
– Посмотри-ка, мой родной,
Начал дождь идти грибной.
Руки я раздвинул срочно:
Все грибы поймаю точно!
Где же, бабушка, опята,
Грузди, рыжики, маслята?
Только капли надо мной –
Разве это «дождь грибной»?

Малина

Ел малину я с куста.
Досчитал её до ста.
Лето. Солнечное утро.
Мне казалось, – жизнь проста.
А в саду рос абрикос,
И возник большой вопрос:
Дотянусь ли я до фрукта,
Если встану в полный рост?
Но совсем я был без сил –
Куст малины подкосил...

Питон

Почему не любят змей? –
Объясните мне скорей! –
Без труда и тренировки
Змеи все сильны и ловки.
А какая чешуя! –

Красота, а не змея!
Если был бы выбор мой,
Стал бы точно я змеей!

Только кем же лучше стать,
Кто мне может подсказать?
Может быть, сперва – гадюкой?
Нет, не хочется быть злою;
На людей чуть что кидаться
И гадюкой называться.

Может, в кобру превратиться? –
Величава, как царица.
Или лучше стать удавом? –
Он крутым известен нравом,
На тебя глядит в упор,
Словно маг-гипнотизёр.

Нет! – Решаю быть питоном,
Среди-змейным чемпионом!
Завтра утром в класс, друзья,
Приползу питоном я,
Буду ждать учителей
И проверю, кто смелей.
Будет всё мне трын-трава! –
Кто ж питону вlepит «два»?!

Буйабес

Что за блюдо «буйабес»? –
Это – с мясом? Или без?
В «Гугле» был ответ таков:
«Суп французских рыбаков».

Сам я рыбы наловлю,
Маму с папой удивлю,
Хоть всего мне восемь лет,
Приготовлю я обед.

Я бегу скорей на пруд,
Там карасики живут,
Час сижу, затем другой,
Клёв по сути никакой.

Лишь лягушки: «Ква-ква-ква!»,
Так что кругом голова...

...Я уснул, и снится мне,
Как кричу в своём же сне:
«Мама, папа!
Буйабес!
Вам с лягушкой?
Или без?»

Екатерина БОЛЬШАКОВА

г. Москва (Зеленоград)

Большакова (Кононова) Екатерина Владимировна. Родилась и выросла в г. Вышний Волочёк. Выпускница Тверской государственной медицинской академии (по профессии – врач пульмонолог). В 2021 году награждена знаком «За мужество и доблесть в борьбе с коронавирусной инфекцией». Член литературных объединений «Рассветная Звонница» (г. Тверь) и «Вместе» (г. Вышний Волочёк), Творческой ассоциации литераторов Верхневолжья. Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в «Тверском литературном альманахе», «Невском альманахе», в журнале «Северо-Муйские огни» и др. Участник форума «Таврида» (2018), Межрегионального совещания молодых литераторов СПР в г. Ярославль (2019), Всероссийского совещания молодых литераторов СПР в г. Химки (2020, 2022), литературного семинара, организованного Центром провинциальной литературы «Глубинка» в г. Ярославль (2021). Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Зелёный листок», лауреат II степени всероссийского литературного фестиваля-конкурса им. Евгения Гусева «Яблочный Спас» (2023), в номинации «Литература для детей». Автор книги стихов «Вдыхая жизнь».

«И счастья беспокойного пылинка...»

***

Осень подводит всему терпеливо итог:
Тёплая шаль на плечах, а во взгляде печаль.
С детством прощаюсь, привычно шагнув за порог,
Видя, как плавится неба вечернего сталь.
Время: минута, мгновение... Медленный вдох.
Рыжим котёнком уткнутся в макушку лучи
Солнца, и знаешь, что это касается Бог...
Жаль, только матери руки умеют лечить
Боль и печали моих непрожитых побед...
Что не случилось, наверно, и не суждено.
В складках подушки уже не отыщется след
Снов, превратившихся ночью в цветное кино...
Тихо мою колею заметает листва,
Яркой палитрой наполнив дождливые дни.
Осенью я понимаю, что снова жива...
И, наконец-то, себя не хочу изменить.

Бессонница

Несерьёзная, даже беспечная,
Ночь исчерчена – млечный путь.
В небесах – благодать бесконечная,
На земле – не уснуть...
Меланхолия кипенно-белая
Разъедает полночную тишь.
Рвутся строки из уст оголтелые...
Я не сплю – ты услышь.

Уеду в Питер

Забрезжит свет вдаль у горизонта –
Последний луч натянут, словно нить.
В глазах – тоска, усталость... и забота.
Я прекращаю на сегодня жить.
Вдыхаю, зарываясь в тёплый свитер.
Дремлю, тревожно дёргая ногой...
Пошлю всё к чёрту и уеду в Питер,
Назначив вновь свидание с собой.
В ушах гремит оркестр пересудов,
В кармане смятый на «Сапсан» билет.
Прошу у жизни, будто в банке, ссуду,
Заём на пару-тройку новых лет.
Маршрут знаком и так до боли близок,
На стёклах – росчерк майского дождя.
И не придумать лучшего девиза,
Дела отправив лесом. Выходя,
Из поезда вдыхаю запах утра,
Мечтая жажду странствий утолить.
Взглянув назад необычайно мудро,
Я без сомнений продолжаю жить.

Мечта

Я просто тебя загадала:
ты сбылся.
Возможно судьба поиграться хотела.
Я помню сомнения сердца и тела.
Мне снился...
твой взгляд.
Запоздалая встреча, пускай,
Я не против такого расклада.
Души заплутавшей простая отрада.
Мой рай,
там где ты и наш солнечный мир...
Без сомнений,
Любовь мне открыла неспешность мгновений...
Мечтай!

Варенье для души

Каплей варенья стекает созревшее лето.
Солнечно-сладким останется в памяти вкус.
Яблок прозрачные души пряят до рассвета...
Этот полёт нарушать я с годами боюсь.

Каплями дни утекают и в памяти нашей
Несколько ярко-медовых лежат про запас.
С каждою осенью мир холоднее и старше,
Но согревает медовый и яблочный Спас.

***

Я наслаждаюсь проливным дождём,
Он бьёт по черепице старой крыши.
Но мне порою кажется, что слышу,
Как ночь танцует танго с сентябрём.
Струится платье алое, летит
По ветру, будто огненная стая
И под дождём уже пожар пылает...
Не угасая до утра горит.
А мы с тобой на чердаке вдвоём
Смеемся, говорим без перерыва,
Как будто на краю того обрыва,
Что прятался когда-то за жнивьём.
Так что теперь? Осенняя пора –
Пора взросления, итогов, покаяний?..
А для меня – чудес и ожиданий,
И поздних посиделок у костра.
Да будет так! Прогнозам вопреки:
Уютный домик, юркая тропинка
И счастья беспокойного пылинки,
Что долетела до моей руки.

Владислав БУСОВ

г. Кашира, Московская обл.

Владислав Бусов родился 20 сентября 1946 года в городе Мариуполь. Окончил Ждановский металлургический институт, по образованию инженер-металлург. Член городского литобъединения «Зодиак». Публиковался в коллективных поэтических сборниках, альманахах и журналах «АлександрЪ», «Арина НН», «Рукопись», «Бийский Вестник», «Новый Свет», «Образ», «Ковчег» и др. Лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» им. Георгия Кольцова, дипломант VIII Международного конкурса ПАНИ. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя

«Он стихами за Русь отболел...»

К 130-летию Сергея Есенина

***

Гой ты, Русь, моя родная...
Сергей Есенин

Я сегодня встану рано,
Чтоб увидеть ширь полей.
Солнце мне блинов румяных
Испечёт погорячей.

В небе жаворонок вьётся
С песней звонкою своей.
Славно так ему поётся,
От неё в душе светлей.

Я сегодня утром рано
«Божьей дудки» слышу грусть.
Так поэт золотоглавый
Воспевал родную Русь.

***

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом...
Сергей Есенин

Найти слова мне осени печальной
О времени багряно-золотом,
И чтоб звучало это не банально,
И озаряло тихим светом дом.

Тот дом родной родительский поэта,
Что по сей день живёт в его стихах,
Не потому ли первозданным светом
Горят костры в рябиновых садах...

***

На крыльцо зайду и в сени
Дома твоего,
Я приду к тебе, Есенин,
Постучусь в окно.
Ты откроешь мне калитку,
В сад с тобой пройду,
Там, где белые накидки
Яблоней в цвету.
Постоим мы у сарая,
Вспомним сеновал,
На котором ты, мечтая,
О любви писал.
И пойдём на луг, Есенин,
Ты покажешь мне,
Где пасутся в час весенний
Кони на заре.
Сколько лет пройдёт, не знаю,
Но скажу, поэт,
Ты в душе моей оставил
Неизбывный след.

Прикосновение

«Несказанное, синее, нежное...» –
Я держу поэтический клад.
А поля нынче зеленью свежее,
Как и прежде, мой радуют взгляд.

След поэта в пронзительной строчке,
След поэта в родимом краю,
В той избе, где с душою он ночью
О собаке пел песню свою.

За поэтом погнать бы вдогонку,
Где он «ранью» стремглав проскакал,
И увидеть бы мне жеребёнка,
О котором с любовью писал.

Посмотреть бы с холма на излучину
Той реки, у которой он рос,
Чтоб в душе отозвался созвучием
Тихий шелест рязанских берёз.

Поэт

Распускается тополь по-прежнему,
Посадил его в мае поэт.
На поля выходил он безбрежные,
На луга, где лазоревый цвет.

На Оку выходил синеглазую
И в просторные дали глядел,
И слова оживали неспроста –
Он стихами за Русь отболел.

И поныне живёт слово чистое
И лучистое, словно венец.
Там, за дальними вечности высями,
Бережёт его душу Творец.

***

Отговорила роща золотая...
Сергей Есенин

Поговори со мною, роща,
«Весёлым языком» берёз.
Как ты с Поэтом, дольше, звонче,
Капелью серебристых рос.

Прощальных дней златая россыпь
Подарком станет дорогим.
С тобою повстречаю осень,
С тобою быть хочу другим.

Чтоб на душе светлее стало,
Ушла сердечная печаль,
Чтоб в жизни и в большом и малом
Мне было б ничего не жаль...

Сергей ОКИШЕВ

г. Омск

Окишев Сергей Владимирович. Родился 3 июля 1959 г. в городе Томске. В 1981 году окончил Омский государственный университет по специальности «математик, преподаватель». Кандидат технических наук, доцент. Преподаёт в Омском государственном университете путей сообщения высшую математику и численные методы. Публиковался в литературном журнале «Город», коллективных поэтических сборниках «Складчина» и «Серебряный Город-2», антологии Омской поэзии «Годовые кольца». Автор 7 книг стихов. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Ну а Время нас несёт неистово...»

(по лирическим мотивам Рэя Брэдбери)

От автора

В предлагаемой подборке помещены стихотворения, написанные по прозаическим лирическим отступлениям, кратким стихотворным вставкам или просто под впечатлением от прочитанного у Рэя Брэдбери. Творчество замечательного американского писателя пронизано лирикой, чувством времени, любовью и поэзией. Это позволяет использовать его прозу как идейную и чувственную основу для сочинения нетривиальных стихов.

Золотые яблоки солнца

Мне Солнце мнится деревом горящим,
Несущим лучезарные плоды,
Пронизанные жарким настоящим
И огненной молнией мечты,

Просквоженные грузом тяготенья,
Пропитанные мудростью веков,
Палящею грозой уничтоженья
И вечною улыбкою богов.

От их огня, от жара и кипенья,
От жёлтых обжигающих лучей
Рождаются великие творенья
В ликующем сознании людей.

Так воспоём же то, что так любимо,
Что движет соком мыслей и идей!
Вкусим душой плодов неопалимых
От солнечных пылающих ветвей!

Мне Солнце мнится деревом горящим,
Несущим драгоценные плоды,
Пронизанные ярким настоящим
И огненной мелодией мечты...

***

Поезда, что идут на восток и на запад,
Исчезают из жизни моей навсегда –
И от этого хочется медленно плакать,
Словно ночью на город спустилась беда.

Потерявшие память о пункте отъезда,
Позабывшие в долгих скитаниях суть –
Всё пронзают они бесконечные бездны,
Продолжая свой долгий, томительный путь.

Поезда, что идут на восток и на запад,
Заблудились меж станций и прожитых лет.
Исчезают они в тёмнокрылую слякоть
И увозят с собой неизвестный ответ.

Под унылый и жалобный крик паровоза
В придорожных селениях гаснут огни,
Забираются в душу крупинки мороза,
Улетают из жизни осенние дни...

Поезда, что идут на восток и на запад:
В перестуке ночном убегают года...
Оставляя от прошлого тающий запах,
Не вернутся они никогда-никогда...

***

Заплачь обо мне, заплачь!
Я был не так уж и плох...
Принёс я немало удач,
Пока не ослеп, не оглох...

Заплачь обо мне, заплачь!
Не враль я был, не игрок...
С тобою – рука в руке –
Прошёл я немало дорог...

Заплачь обо мне, заплачь!
Ведь я же тебя любил,
А больше – правду и свет,
Которых не защитил...

Заплачь обо мне, заплачь!
Заплачь, покорясь судьбе...
Как плачет осень средь дач,
Как плакал я о тебе.

Из дали, из высоты
К тебе я шлю свой призыв,
Но губы сжимаешь ты,
Из глаз ни одной слезы...

***

Мы становимся ужасно важными,
Одолев десятки тусклых лет:
Ведь такое выпадет не каждому,
Особливо, если он – поэт.

Но с чего бы нам, однако, важничать?
Неспособны мир мы удержать.
Мы способны хвастаться и бражничать,
Доброту и честность осмеять.

Мы и сами в мире не удержимся:
Словно непрозревшие щенки,
То ударимся мы в нём, а то порежемся,
От познания сути далеки.

Падаем; шатаюсь, поднимаемся;
Снова поворачиваем вспять...
Всё пустым и тленным увлекаемся,
Времени не в силах осознать.

Ну а Время нас несёт неистово,
Увлекает, кружит в темноте.
Мы не успеваем даже исповедь
Прокричать на роковой черте.

Екатерина ГРОМОВА

г. Петрозаводск, Республика Карелия

Громова Екатерина Андреевна. Родилась в 1993 году в Петрозаводске. Поэт, руководитель Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Лауреат молодёжного конкурса журнала «Север» «Северная звезда», III международного литературного конкурса-фестиваля «ЛитКузница», призёр II Международной литературной премии им. А. Серафимовича, лауреат VI международной поэтической премии «Фонарь-2024». Публиковалась в литературных журналах «Север», «Сибирь», «Волга-XXI век», «Берега», «День и ночь», «Подъём», «Аврора», «Дрон», в альманахах «Царицын», «Земляки», «Образ», «Солнечный круг». Автор книги стихов «Север внутри». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Время счастья без права на мокрый платок...»

***

Робкие бабочки – листья медовые –
Крыльями гладят холодный гранит.
Солнце иконой висит в изголовии
Тусклого озера, слабо блестит.

Лился по сердцу нектар созерцания
Осени, песней на выдохе став.
Берег напротив овечьим сиянием,
Здесь – только звон погибающих трав.

Кажется в эту погодную смуту мне –
Сквозь облака различим божий глаз...
Небо предвещием снега укутано,
Будто бы спрятано Богом от нас.

Дачное

Рассматривать узоры на ковре,
Взлетая в сон под песенку кошачью,
Не ведать о дедлайнах и хандре,
Впадать в июнь у бабушки на даче.

И босиком помчаться во всю прыть
На нашу кухню сдобным ранним утром.
Доев оладьи, ящериц ловить.
Тогда простое было самым мудрым.

Залезть в песок, сокровище найти,
Пускай им был угрюмый серый камень.
Сходить на речку, ну а по пути
Нарвать люпинов бабушке и маме.

На берегу соседской детворе
Сказать про то, что видели мы зайца,
И увидеть в закатном янтаре
Драконов, фей и с ними попрощаться.

Мои драконы машут мне хвостом,
Играют зайцы меж цветов у речки.
...На том конце – ждёт бабушка, а дом
Пустует и грустит по-человечьи.

***

Мой мир – как тень, как предрассветный сон,
Резной листок в объёмах древней книги,
Пластмассовый потёртый медальон,
В ладонях – горстка дикой земляники.

Под шагом дышит влажный белый мох,
К созвездиям взлетает грай вороний...
Дано не зря парить промеж эпох,
Не усташась, что кто-нибудь прогонит.

Мой тайный мир и звонок, и силён,
Похож на трель никем не зримой птицы.
Когда покинет зеркало времён,
Сгорит и в Млечный Путь переродится.

***

Везет мне – я с миром играть буду вечно,
Ведь вечность как космос, а космос – мой дом.
Грешна – ну а кто в наши дни безупречен?
Зато я уже и в Сейчас и в Потом.

Умела – и нынче умею, наверно,
Ошибки свои выдавать за судьбу...
Считавшая счастье – и счастьем, и скверной –
Такой, что нет-нет, да прикусишь губу.

Но слово гуляет по снам и страницам,
За слово влюблялись, ругали порой.
Судьба моя – вечно кому-нибудь сниться,
А значит, я буду все время живой.

***

Я звёзды читаю взамен новостей –
Понятный и близкий космический слог
Не жётся углями горячих статей,
Не топит ручьями из точек и слов.

Я смыслы и тайны храню на руках,
Созвездья на коже своей отразив,
По ним узнаю я себя в зеркалах
В иных оболочках, в обличьях других.

Я звёзды читаю в попытке найти
Дорогу в далекий пустующий дом,
Увидеть намек, очертанье, пунктир,
Увидеть, куда возвращаться потом.

Но закольцевалась однажды строка,
И точки начала по разным углам
Швырнула провиденья злого рука,
С тех пор я себя всё ищу по мирам...

***

Время счастья без права на мокрый платок
Мною принято в дар от Вселенной.
Это время – исток, это время – итог.
Это то, что едино и ценно.
Не растратить его бы на мелочный быт,
Все мгновенья, как дым, пропуская,
Я замечу, как в небе красиво летит
Голубиная лёгкая стая,
И услышу, как тихо в кроватках сопят
Наши дети, во сне улыбаясь.
Если б что-то хотелось прожить мне опять –
Только время, где всё начиналось.

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Виктор КУСТОВ

г. Ставрополь

Кустов Виктор Николаевич, 1951 г. р., образование высшее (геологоразведочный факультет Иркутского политехнического института) – член Союза писателей России, главный редактор всероссийского литературного журнала «Южная звезда».

Автор 16 книг прозы, пьес, публицистики. Победитель международного конкурса им. А. Грибоедова «Литературный Олимп» в номинации «Драма» (2011). Лауреат премии А. Губина (2014, 2023).

Из цикла «Рыбацкий альбом»

(продолжение, начало в №3-2025)

Каботажное плавание

По окончании девятого класса родители решили подарить нам недалёкое, но экзотическое путешествие. Управление строительства приобрело для собственных нужд катер. Нужды заключались в том, чтобы делать замеры глубины Хантайки по судоходному фарватеру и иногда перетаскивать баржи, доставляемые енисейскими буксирами из Игарки. Но без него вполне можно было обойтись некоторое время, и вместо пионерского и прочих лагерей отдыха, в связи с отсутствием таковых в доступной окрестности, было решено организовать для бесящихся от избытка энергии чад экскурсию по памятным местам, среди которых на первом месте было посещение Игарки, на втором – Курейки с останками некогда знаменитого дома-музея ссылки Сталина, а также Туруханска и Дудинки.

Наш класс был немногочисленным, и мы размещались на катере, не стесняя особо команду, к тому же, ночёвки у нас были на берегу. Всё путешествие заняло две недели. Мы побывали в Игарке, пропахшей деревом и покрытой опилками. Потоптались в мемориале бывшего вождя народов, загаженном, без окон и дверей, посбивали ещё не созревшие шишки с самых северных кедров на берегах Курейки. В Туруханске светлыми ночами познали бессонницу от самых злых и крупных комаров, от которых даже ДЭТА, по тем временам самое эффективное средство, не спасало. Нагляделись и наслушались в Дудинке иностранцев, матросов, посещавших валютный порт, недоступный местным клуб-ресторан.

Была вторая половина июля, вершина северного лета, когда температура поднимается до тридцати, а то и выше, градусов. Северное тепло – не южная приятная истома, солнечные лучи здесь злы и горячи, не побережешься – немудрено и солнечный удар получить. Но лета хочется, хоть короткого, но, как и положено, с загаром, купанием. В Снежногорске мы купались в озёрце, образовавшемся на дне карьера. В жаркие дни вода в нём прогревалась неплохо, и тёплые дни проводили на его берегах без перерыва на обед. В Хантайке плавали только самые отважные или толстокожие. В Енисее, возле Игарки, в протоках, купаться было можно. Во всяком случае, зайти в реку и несколько метров проплыть удавалось даже мне, имеющему далеко не мощную жировую прослойку. Особый шик было понырять с катера, и, не обращая внимания на ворчание капитана, мы избегали по деревянному трапу, шлёпали по горячей палубе и с ходу бросались в чуть прогретую реку.

Но это в жаркий полдень. А ближе к вечеру и светлыми ночами, помимо гуляний с местными девчонками и с одноклассниками, мы пытались ловить рыбу в Енисее.

Енисей здесь, в нижнем течении, был широким, на противоположном берегу человека без бинокля не разглядишь. По нему ходили огромные морские суда, вывозившие из Игарки лес, из Дудинки – продукцию Норильского горно-металлургического комбината, и завозившие грузы для многотысячного заполярного города и его спутников. Сновали и мелкие речные судёнышки, занятые той же разметкой фарватера и перетаскиванием барж. И рыбацкие катера. Но не так много, рыба не была столь важным товаром, как лес или металл.

Енисей здесь, у Полярного круга, уже считался началом Большой земли, «материка». Той самой землёй обетованной каждого заполярника. «Материк» – это долгое лето, фрукты и море. Это домик в родительской деревне или квартира в мегаполисе. Или же ничего, но, когда придёт пенсионный возраст, обязательно будет какая-нибудь крыша над головой там, где всегда тепло... На «материке» – другой жизненный ритм. Другие для давно живущих на севере непривычные и порой неприемлемые правила игры. И отторженность от вот такой, заповедной природы.

Енисей с его снующими судами, деловыми и праздными, с точки зрения северянина, из той, «материковой», суетной жизни. Особенно это ощущается, когда проплывает вдоль покрытых тайгой берегов туристический многопалубный теплоход. Его белый парадный вид и обязательная музыка, далеко разносящаяся над водой, вносят в рутинную обыденность редких населённых пунктов незапланированную праздничность.

Есть и прагматическая сторона этого события: к пароходу устремляются от берегов лодки для традиционного бартера: солёная или свежая рыба меняется на водку. Водка – это то, что на севере никогда лишним не бывает. В Снежногорске в тот год в ходу был спирт. Особой доблестью считалось пить его неразбавленным. От него «горели». Говорят, что даже синий огонь виден изо рта у сгоревшего. Я не видел, хотя по возвращении из этого путешествия попал на поминки: «сгорел» отец моего одноклассника.

Работа, рыбалка, охота, застолье – четыре стороны мужской жизни в Заполярье. Некоторым, правда, хватало двух: работы и застолья.

У пацанов на Енисее из всех интересов на первом месте была рыбалка. Самую примитивную снасть, которая была распространена среди местных, я освоил, и даже выловил несколько сигов и приличных окуней. Этой снастью была закидушка. Простейшая, представляющая из себя чаще всего шнур, не очень большую гайку, которая великолепно закидывается, не сносится течением и довольно легко вытаскивается, и несколько поводков с крючками. Лучше – три-четыре, чтобы при забросе не могли перепутаться.

Местные мужики и в Игарке, и на Курейке, и в Туруханске промышляли с лодок рыбу крупную, способную прокормить и зимой: нельму, хариуса, крупного сига, тайменя и налима, из которого получается вкуснейшая маринованная печень, ничуть не хуже тресковой.

Большой популярностью пользовались перемёты: многометровые шнуры с несколькими десятками крючков и солидным грузом. Они завозились в уловистые места, там, где были рыбы тропы, растягивались, перекрывая эту самую тропу и подставляя рыбе заманчивую наживку. Перемёты ставились, как правило, на большую рыбу, хищную. Проверялись они раз или два в сутки, отыскиваемые по приметам и вылавливаемые «кошками». Иногда крупная рыба оттаскивала какой-нибудь конец перемета в сторону, поиски становились длительными, но, в итоге, и такой перемёт вместе с обессилевшей рыбиной находился.

И всё же, сознаюсь, это плавание запомнилось не рыбалкой. Запомнилось оно пьянящей свободой, в которой было и азартное, и рискованное купание, и первые симпатии, и переживания, и долгие гуляния по ночным светлым берегам Енисея, и быстрые поцелуи. Запомнилось не по-северному жаркими днями, длинными песчаными енисейскими косами, ядрёным хвойным запахом прогретой тайги, и даже надоедливыми и злыми комарами, не дающими уснуть, уже когда, казалось, не осталось никаких сил.

В эти дни мы были отрезаны от посёлка, родителей, на катере радиации не было, и капитан лишь сообщал из населённых пунктов, где мы находились, что всё в порядке. Никто не вмешивался в наше бытие. Кроме самого естественного и неоспоримого – среды, в который мы находились.

Славное море

После первого курса студенты геологоразведочного факультета Иркутского политехнического института проходили геодезическую практику в прибайкальских степях, а полевую, в течение десяти дней, непосредственно на берегу Байкала, в местечке, называемом Улан-Нур. Это выжженное солнцем и продутое ветрами место с небольшим, но уютным заливчиком, похожим на южные пляжи, если забыть о холодной байкальской воде и поверить лишь жаркому солнцу.

Жили мы в палатках, готовили на костре концентраты и то, что удавалось добыть в Байкале. Вечерами подолгу сидели у огня, сжигая привезённые дрова (вокруг не было ни деревца), и пели под гитару. Было довольно скучновато по той причине, что эти десять дней в Улан-Нуре мы практиковались лишь своей группой, а в ней, в силу специфики профессии – техника и технология разведки нефтяных месторождений – очень перспективная профессия – убеждали на приёмной комиссии парней, поступавших на иные специальности, были одни мужики.

Это было время, когда романтика освоения Сибири начала угасать, но часть молодёжи продолжала ещё грезить таёжными тропами, открытиями. Удачным считалось распределение не на денежную должность, а на «передний край»: в поисковую экспедицию, в неизведанное место, в дальнюю геологическую партию. Это была эпоха романтических ухаживаний, гитарных переборов и голоса Высоцкого: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...»

Практика заключалась в том, что целыми днями под палящим солнцем, отчего мы все загорели так, как я никогда, ни до ни после, не загорал, бродили по выжженной степи, обстукивая выданными нам геологическими молотками скальные обнажения и пытались в них найти что-нибудь ценное или необычное. Но в связи с тем, что мы не были первыми, никаких неожиданных открытий естественно не произошло.

Зато перед нами каждый день простирался Байкал.

Удивительное море. Я бывал потом на нём в разное время года и убедился, что Байкал каждый день новый. Каждый восход и закат неповторим. Даже в пасмурные дни, одинаковые до безликости, цвет и состояние моря разнятся.

...По утрам мы сбегали по набитой тропинке от палаток на галечный берег, а затем на узкую полосу песчаного пляжа и, в зависимости от холодостойкости, либо просто ополаскивались, либо вбегали в воду и тут же, словно ошпаренные (и на самом деле, тело горело), выскакивали на берег (как я), либо, а среди нас было двое «моржей», заплывали на приличное расстояние от берега и, не обращая внимания на призывы и руководителя практики, не торопились возвращаться. Эти двое как-то на спор решили проплыть от мыска до мыска, во всю длину залива, километра полтора, и даже поплыли, но общими возгласами с берега были сняты с дистанции где-то на трети пути.

Не в силах сопротивляться романтическому влечению к однокурснице из группы будущих разведчиков месторождений, в последний день практики я не вернулся вместе со всеми на базу, а под жгучим солнцем отмахал десяток километров с гаком до залива Мухор, где в живописнейшей и уютной небольшой бухте напротив южной оконечности острова Ольхон проходили практику настоящие геологи. И здесь, в уникальной по климатическим условиям лагуне, накопался вволю, вода в заливе прогревалась так же, как если не на Чёрном, так уж на Балтийском море точно...

Но это к рыбалке отношения совсем не имеет.

А рыбачить на Байкале мне довелось два раза.

Первый – тем самым жарким летом семидесятого года. Руководитель практики, выезжавший на это место не первый раз, захватил с собой спиннинг, настроенный на хариуса. Более нигде мне не приходилось такой снастью пользоваться из-за отсутствия какого-либо из двух взаимосвязанных условий: наличия большого спокойного водоёма и хариуса, или же рыбы, берущей приманку с поверхности.

Эта снасть выглядела так: обычный спиннинг, но желательнее удилще подлиннее, леска прочная, но не слишком, ибо байкальский хариус не велик, если судить по тому, что пришлось ловить. К леске привязывается нечто, похожее формой на грушу или же конус, размером с десяток сантиметров, из плавающего материала, той же пробки из спасательного пояса, в которую или залит свинец, или иным способом вделана тяжёлая сердцевина. Если бросить эту «грушу» в воду, она превращается в поплавок, с торчащей над поверхностью остроконечной частью. От острого конца по леске на не очень большом расстоянии и на коротких поводках, чтобы можно было забросить спиннинг, привязываются две-три мушки.

Делаешь заброс и медленно подтягиваешь к себе этот груз-поплавок, который при движении приподнимается над водой, мушки всплывают, бороздят поверхность, и хариус реагирует...

На всю нашу команду азартных рыбаков оказалось двое. Мы распределили время: один день я – утром иду рыбачить, мой коллега – вечером, другой – наоборот; и в течение недели вполне успешно налавливали хариуса и на хорошую уху, и на приготовление настоящего лакомства – рыбы на «рогне». Этот способ жарки без сковороды я тогда впервые узнал. Действительно, таёжное блюдо: чешуя не чистится, выбрасываются лишь внутренности, делается надрез по бокам, если рыба крупная, то парочка, куда втирается соль. Затем рыба насаживается на заострённые палочки, своеобразные шампуры, и те втыкаются возле костра на таком расстоянии, пока жар терпит рука. Периодически поворачиваешь, томящиеся таким образом тушки до румяной готовности. Когда рыба готова, шкурка легко отделяется, и получаешь доступ к аппетитному, запашистому кушанью, вкус которого не изменён никаким маслом...

Вторая моя байкальская рыбалка, вернее, попытка, состоялась спустя пять лет, когда после окончания института втроём мы решили пройти по старой байкальской железной дороге, построенной в начале двадцатого века горными инженерами, нашими предтечами, (я получил диплом горного инженера) и каторжанами. Уже при советской власти дорогу спрямили, и в шесть десятков вёрст железное полотно по-над Байкалом оказалось ненужным, как и посёлки, в которых теперь доживали те, кто ещё либо помнил, либо знал по рассказам иную жизнь...

Это уникальные и красивые места с многоцветной растительностью по распадкам, с бухточками, заливами и мысочками, с густыми запахами тайги и Байкала: хвои и воды. Попали мы на не по-летнему холодную неделю, что случается в июне в тех местах, когда зацветает черёмуха. Затеяли это маленькое путешествие с целью и отдохнуть, и поднабраться впечатлений, потому что все трое писали либо стихи, либо прозу, либо в газеты, и вот по пути иногда пытались ловить то, что видит око да зуб неймёт... Эта поговорка вполне характеризует наши попытки.

Представьте отвесный скалистый берег Байкала. Метрах в пяти ниже начинается водная гладь, и дальше, в прозрачной воде, совсем недалеко, – мы как-то промерили леской, получилось восемнадцать метров – такое же скальное дно. И над ним, если нет ряби, видна лениво перемещающаяся вполне приличная рыба, бродящая то стайками, то в одиночку. Вообразите ещё и волнение, которая от такой картины во время ювелирной подводки крючка с червячком под самый нос рыбины, которая, вместо того чтобы броситься на наживку, отворачивается...

Помнится, мы просидели так несколько часов над неторопливой и не уходящей никуда стайкой, не знаю даже какой рыбы, но, увы, все наши попытки соблазнить её чем-нибудь, ни к чему ни привели...

И, тем не менее, это было прекрасное путешествие, потому что, помимо встреч с местными жителями, их историй, ставших основой и рассказов, и очерков, было самое главное – свидание с незабываемыми байкальскими закатами и рассветами.

Щучье лето

С тысяча девятьсот семидесятого года в советский обиход начало входить слово «достать». В расписании магазинов появились «мясные» и «колбасные» дни, когда продавались мясо и колбаса, которых в остальные дни на прилавках не было. В столовых «рыбный» день – четверг. Я квартировал у старичков-пенсионеров, обедал обычно в институтской столовой, а вот на ужин что-нибудь покупал в магазине и исчезновение колбасы остро ощущал. К стипендии в тридцать пять рублей родители ежемесячно высылали мне сто рублей, и в принципе на этот тогдашний оклад хорошего специалиста (после института ставка инженера была сто десять рублей) жить было можно. Но всё-таки не очень роскошно. Во всяком случае, прибахлиться было проблематично. Отчасти поэтому производственные практики были сезоном долгожданным для всех одноклассников без исключения.

Для нас, будущих геологов, они были равнозначной заменой строительным отрядам, мода на которые росла с каждым годом. Желающих отдыхать летом были единицы. В студенческие строительные отряды запись начиналась с зимы, и в лучшие, а, как правило, они же были и самыми наваристыми по заработку, набирали по конкурсу. Или по связям. Стимул был не только материальный: особо отличившихся в отрядах даже награждали медалями, не говоря уж о всяческих знаках и грамотах Центрального комитета Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи, продвигали по комсомольской, партийной и административной линиям.

Мы лишены были поощрительности моральной, разве что получали оценку за практику, но зато работали в бригадах на ставке помощника бурильщика третьего или даже четвёртого разряда. И это была возможность неплохо заработать. «Пахать», правда, приходилось порой до обмороков. Во всяком случае, оные со мной случались, когда работал верховым на буровой, где заездка длилась четыре дня, а смены – восемь через восемь часов – выматывали до предела. К тому же, работа была очень тяжёлая физически: брать на «пупок» двухсоткилограммовые «свечи» (буровые трубы) в течение всей смены. Мечтой любого верхового было долгое бурение без спуска и подъёма, тогда «верховой» сачковал, но так получилось, что обе мои практики проходили на буровых со сложными геологическими условиями и бурение занимало от силы час. Дольше долота не выдерживали.

Но практики давали нам деньги, и неплохие по тем временам, и мы практиковались как можно дольше, выкраивая для отдыха перед институтом неделю или две от силы...

Летом семьдесят второго года практику я проходил в Братском районе Иркутской области. Буровая стояла на самом берегу водохранилища, покрытом крупным жёлтым песком. Бурение скважин в Восточной Сибири существенно отличалось от уже гремевшего Самотлора тем, что нефть здесь пряталась глубоко за прочными породами, и многотровые проходки тюменских нефтяников казались нам просто фантастикой. Здесь, на пластовом горизонте на долото проходка составляла не более двух метров, а глубины были в два-три раза больше. По этим причинам буровая стояла на одном месте не меньше года, и бригада успевала её обжить. На каждой обязательно были общие рыболовные снасти, если рядом находился водоём, и общее ружьё, с которым можно было поохотиться и на боровую дичь, и даже на что-либо существовавшее. Так на этой моей первой буровой мужики завалили сохатого, и мы день варили в вёдрах мясо и несколько дней потом ели.

Буровая – это маленький хуторок со своим хозяйством. Бывало, что и корову на ней держат. На этой же была лодка и, так как желающих в свободное время порыбачить было много, пара плотов. Водохранилище в этом месте было не очищено перед затоплением, покрыто гниющими на корню деревьями. Оно заходило языками в распадки, и в округе в невероятном количестве водился рыбий хищник: окунь и щука.

В один из тёплых и тихих июльских дней, которых выпадает в этих местах не так много, я видел, как загорает окунь. Предзакатная гладкая поверхность воды вдруг покрывается чёрненькими бугорками плавников, превращаясь в этакий пупырчатый ковер. Я бросал спиннинг с плота, когда впервые увидел это, и не понял, что происходит, и только, когда стал подплывать к ближайшим бугоркам, разглядел неторопливо уходящих в глубину, при приближении плота, с ладонь и больше окуньков. Все мои попытки поймать хоть одного из этого обилия так и не увенчались успехом: вечно голодный хищник в такие минуты не замечал ни блесну, ни живую рыбёшку.

В короткие перерывы между сменами особо не порыбачишь, поэтому я остался на буровой на свои выходные дни и, воспользовавшись лодкой, объехал близлежащие заводы. Надо сказать, они производили удручающее впечатление: над поверхностью торчали верхушки ещё не погибших деревьев, ощущался запах гнили. В бурой воде было предостаточно и невидимых стволов, корней, веток, лодка то и дело натывалась на них, да и блёсен я пооставлял немало, но, тем не менее, каждый день был с уловом, и неплохим. Во всяком случае, от лодки к кухне носить мне рыбу помогали. Самая крупная щука, которую я тогда выловил, была почти с меня ростом, за полтора метра, она долго таскала лодку по заводу, и, если бы я не успел вовремя вместо руки подставить под режущую леску лодочную уключину, не знаю, смог бы её удержать или нет. В лодку тогда я её даже не пытался поднять, так и буксировал вдоль берега до буровой, где мужики помогли вытащить её на сушу. А не сорвалась она лишь потому, что блесна прочно сидела в глотке и достать её мы смогли только вырезав.

...Технику спиннинговой охоты я освоил подростком на Западной Двине и на окрестных лесных озёрах Смоленщины. Одну такую поездку я помню очень хорошо. Это был знойный июль, мы ехали на дрезине, потом шли по густому лесу, наконец, вышли к мощным, в два обхвата взрослого мужика, дубам, за которыми и открылось небольшое круглое озеро с чёрной от торфяника водой. На нём уже был плотик, сооружённый предыдущими рыбаками, и мы курсировали вдоль заросшего лилиями и кувшинками озера, из-под которых и вылетали на призывную игру блесны щуки. И было жарко, и злые, кусучие-прекусучие оводы... А спиннинг был у меня самодельный, с коротким удилищем и тогда популярной ленинградской катушкой. Щуки там были по сравнению с сибирскими мелкие, два-три килограмма.

Единожды ловил на узкой безымянной речушке возле автострады между Москвой и Тверью, когда путешествовал с родителями на машине. Там и спиннинг не был нужен, длинного удилища и куса лески такого же размера вполне хватало, чтобы добросить до противоположного берега. Но на этой речушке щучат было, вероятно, видимо-невидимо, потому что буквально каждый заброс заканчивался поклёвкой...

Но более таких щук, как тогда на Братском водохранилище, ловить не довелось.

Юрий ЖЕКотов

г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край

Жекотов Юрий Викторович. Член Союза писателей России. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Берега», «Дальний Восток», «Мир животных», «Молодая гвардия», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Подъём», «Приокские зори», «Российский писатель», «Север», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Юный натуралист» и др. Лауреат ряда международных и национальных литературных премий. Почётный работник общего образования РФ.

Круг почёта

(из цикла «Рассказы дальневосточного охотника»)

Сколько мечталось об этом и грезилось в юные годы, порой казалось несбыточной мечтой, чтобы хоть когда-нибудь без посредников, один на один вступить в долгий разговор с тайгой. Охотники-промысловики представлялись людьми особой когорты, почти что небожителями, все сплошь героями, вышедшими из книг и кинофильмов, смело смотревшими в глаза опасности и успешно преодолевающими любые трудности и препятствия.

Охота из скрадка на утку, походы с манком за рябчиком и даже временный промысел в бассейне реки Шумиха, конечно, тоже прекрасное и увлекательное времяпровождение, но хотелось большего, основательного. И вот, свершилось: согласно договору со зверопромхозом, вступил Николай Присяжнюк на пять лет в полные права на владение охотничьими угодьями в верховьях реки Мы. Директор Николаевского зверопромхоза Черменин Валерий Владиленович пошёл навстречу пожеланию, предложил освободившийся участок приамурской тайги, выдавая лицензию, долго жал руку, поздравляя с приобретением и желая доброго начинания на закреплённой территории.

С первого дня нахождения в «именных» угодьях пребывал охотник в самом счастливом настроении, будто начался долгожданный, а теперь к тому же ещё и затяжной праздник календаря. Непревзойдённым богатеем себя считал Николай Степанович, купцом высочайшей гильдии! И по праву – не перечесть-не сосчитать сокровищ, обладателем которых он стал: лесных дворцов – чудом сохранившихся с «ветхих» времён двух допотопных избышек, сложенных из почерневших от времени брёвнышек, лишь с заменёнными нижними венцами; таёжной реки, наполненной до краёв серебряными водами со многими впадающими в неё ключами-родниками, знающими старинные песни; облачённого в дорогие яркие одежды осеннего леса, щедро бросающего охапки россыпного золота под ноги охотнику; бесконечных хитросплетений звериных следов и несчётного количества голосов перелётных и зимующих птиц. Богатей, каких поискать! Владелец сокровищ, которые не каждый и рассмотрит. А ему других и не надо.

День на третий-четвёртый, когда немного поутихла радость от встречи с заповедным краем, появилось у Николая Присяжнюка ощущение, что кто-то за ним наблюдает, сначала кратковременное и вроде случайное, но постепенно переросшее в уверенность, что следят за ним достаточно пристально, контролируют поступки и действия, пытаются понять, чего он стоит и из себя представляет. Однако никому претензий в соглядательстве промысловик до поры предъявить не мог.

Однажды, возвращаясь с обхода капканов, отклонился немного в сторону от пути охотник, желая срезать гриб – чагу, призывно маячившему в недалёком березняке, и наткнулся на отчётливый отпечаток медвежьей лапы. След был свежим, и охотник без труда установил, что огромный топтыгин сопровождает его во время дневных переходов на некотором отдалении, не выдавая себя каким-либо шумом, несмотря на внушительные габариты.

В отпечаток задней лапы косолапого легко встал Николай Присяжнюк двумя ногами. Встал, да и заоглядывался по сторонам: «Это же не медведь, а целый мамонт!» Определил навскидку, что местный косолапый далеко за полтонны весом будет. Закралось подозрение: «Уж не скрадывает ли меня зверь? Ждёт удобного момента, чтобы напасть! Чего по пятам-то ходит? Громила какой! Такой, захочет, и избышку по брёвнышкам раскатает!» На всякий случай промысловик поплотнее прикрыл дверь в зимовье в ближайшую ночь, карабин держал под рукой: «Если сунется топтыгин с ночным визитом, надо быть наготове! Бережёного бог бережёт».

Но медведь агрессии не проявлял, к избышке не подходил, капканы не трогал, он как бы, не желая лично представляться, изучал ситуацию со стороны. И изначально напряжение, в котором пребывал охотник, обнаружив след зверя-великана, со временем ушло.

И всё-таки очного знакомства избежать не удалось. Осваивая участок, заглянул Николай Присяжнюк в небольшой распадок, где, поднимаясь в верховье безымянного ключика, неожиданно услышал хруст веток за спиной. Поздновато среагировал охотник, к тому же сплосховал – карабин «Веprь» в избышке оставил, отправился в последний поход лишь с ружьём ИЖ-18Е двенадцатого калибра. Обернулся, а медведь уже в зоне досягаемости всего-то в десятке метров от него. Поднялся топтыгин на задние лапы, боженьки мои! Живут же такие! Махина за три метра! В него из пушки прямой наводкой нужно стрелять, а не из ружья! Сейчас сграбастает! Лишь чудо спасти может! Засуетился охотник, в стволе ружья дробовой патрон на рябчика, давай его вынимать, на пулевой менять, а патронташ не расстёгивается, руки цепкость потеряли, патроны не вынимаются, на землю норовят упасть.

Встал, наконец, на изготовку охотник, руки трясутся. Мишень-то большая, но на мушку никак не попадает, так стрелять и не решился: не буди лихо, пока оно тихо. Да и медведь, хотел бы, давно решил дело в свою пользу. Подошёл косолапый к ближайшей лиственке, приподнялся и прямо на глазах охотника стал чесать спину. То присядет, то передние лапы поднимет, то морду к небу от удовольствия задерёт. Не танец, а лесная ламбада, да и только! Вот и понимай местного хозяина как знаешь! Может, он тешился-куражится перед скорым обедом или уму-разуму учит, указывает новичку-охотнику: «Видишь – пограничные столбы с затёсами и чесалками, и везде здесь мои знаки, а ты границу, не спросясь, перешёл. Понимать должен: кто у кого в гостях! Не пришлый я, по наследству от предков владения получил, можно считать: всё здесь – моё родовое поместье. Хочу – чешусь, а хочу – рыбачу, хочу – караю, а хочу – милую! Закон – тайга, прокурор – медведь! А ты тут без году неделя. Ходи пока, да не забывай поклоны бить. Худоба-стыдоба, хоть бы для солидности жирка чуток нагулял».

Почтительно отступил охотник. Изучив повадки косолапого, определил Николай Присяжнюк, что тот в своём осеннем рационе делает ставку на рыбу, употребляя её немереными количествами, не приветствует долгого пребывания на своей территории других медведей, на дух не переносит волков и всячески изживает их, хозяйничает в основном в сумеречное и ночное время, предпочитая на рассвете возвращаться в один и тот же таёжный распадок. Не заходил туда больше промысловик, не тревожил готовящегося к зиме медведя.

В самом конце октября, печатая след в первый снег, обошёл медведь избушку на Заболоченном ключе по часовой стрелке метров за сто, как бы в последний раз проверяя: в достойные ли руки передаёт свои топыгинские владения и, замкнув круг, ушёл на спячку куда-то в захламлинные буреломом верховья хребта. Наверное, сокрушался напоследок: «Ростом, увы, не удался сменщик, не тянет даже на молодого медведя, но это как рассудить, зимой тоже не найдёшь дураков по снегам шуровать! Ладно, посмотрим, что из него получится».

Вероятно, проснувшись по весне и обойдя свои владения, остался доволен медведь, с тех пор не попадался на глаза, не пугал охотника, но перед уходом на берлогу традиционно обходил зимовье, соблюдая некий ритуал и оставляя в центре медвежьей вселенной избушку с промысловиком. Соседство с настоящим хозяином тайги – косолапым великаном – продолжалось лет шесть-семь, а потом медведь пропал, может, подался учить уму-разуму другого охотника. А может, убедившись в надёжности преемника, сдал ему все свои охранные грамоты и уснул в устланной мхом верховой берлоге под выворотнем старой пихты вечным сном.

Алексей ПРАНОВ

г. Рославль, Смоленская обл.

Пранов Алексей Николаевич, 1961 г. р., образование высшее (биолог-охотовед). Почётный работник органов рыбоохраны РФ, Почётный член Смоленского областного ООиР, Ассоциации «РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗ». Член Союза российских писателей.

Автор 7 книг стихов и прозы, автор-составитель и редактор 4 сборников стихов смоленских поэтов. Рассказы, очерки, стихи печатались в альманахах «Охотничьи просторы», «Под часами», в журналах «Смоленский литератор», «Рыболов», «Природа и человек», «Охота и охотничье хозяйство», «Тверь охотничья». Автор и ведущий рубрик «По лесам, лугам, болотам с ручкой и блокнотом» и «Окно в природу», региональных печатных изданий «Авось-ка» и «Рославльская правда». Лауреат и «Абсолютный победитель» (по интернет-версии) поэтического конкурса «Гринландия 2017» в номинации «Украсим Родину цветами»; победитель ряда литературных конкурсов (в том числе международного, посвящённого памяти поэта Алексея Мишина). Награждён общественной медалью «За вклад в образование, культуру, искусство и литературу». За популяризацию традиционных видов российской охоты – медалью Алексея Орлова; за книгу «Золотой Борок» – медалью Дмитрия Соловьёва (основоположника российского охотоведения). Руководитель литературного объединения «Истоки» (г. Рославль).

«Рыцарь леса»

Рассказ

Всего месяц отсутствовал я в родных краях, а уже порядком истосковался по знакомым местам. Первое, что приходит на память при мысли о Родине, – привычные глазу и милые сердцу пейзажи детства. Как же радостно было, глядя в окно вагона, встречать и провожать взглядом картины неброской природы среднерусской полосы. Вот сквозная берёзовая рощица тянется вдоль железнодорожного полотна; вон несколько флегматичных бурёнок беззаботно пасутся под «недреманным оком» пастыря, облачённого в линялый брезентовый пыльник; а там, на пологом склоне зелёного холма, прикорнула деревенька в несколько серых хат с непреременными возле них стогами сена, укрытыми – чем придётся – на случай дождя. Казалось бы, всё обыденно, приземлённо и прозаично, но... «Когда поостранствуешь, воротись домой...» В общем, и про «дым Отечества» нисколько не преувеличение, подписываюсь: испытал на себе...

Миновав переезд с полосатым шлагбаумом, опущенным поперёк размытого, разъезженного колёсами просёлка, наш поезд, заранее известив округу пронзительным гудком о своём намерении,

на минуту остановился на каком-то глухом полустанке. Несколько человек спешно покинули состав, а нескольких он, наоборот, гостеприимно принял в своё чрево. С чемоданами и походными сумками в руках, боком, новые пассажиры озабоченно продвигались по узкому проходу вагона в поисках свободных мест. Пустующих полок было достаточно, устраивались где кому больше приглянется. Дошла очередь и до моего «плацкарта».

– Не стесню? – с приветливой улыбкой обратился ко мне коренастый мужичок в форменном, сдвинутом на затылок картузе лесника. – Хоть будет с кем за беседой времечко скоротать, – не дождавшись моего согласия, озвучил он свою «программу-минимум» на ближайшее время нашего совместного следования.

Не мешкая попусту, он деловито пристроил свой багаж на верхнюю полку и уселся напротив меня, позволив разглядеть себя попристальней: лет пятидесяти, розовощёк, в меру упитан, выбрит, боек и, видимо, не слишком отягощён бременем застенчивости, почти поголовно свойственной нашему деревенскому жителю. Возникшее чувство некой неловкости помешало мне молча составлять мнение о своём визави.

– Далеко едете? – поинтересовался я, как бы призывая не оттягивать процесс коротания времени.

– Далечко! Сначала в область, затем в столицу, а оттуда-а-а... аж в Уфу! Давайте знакомиться – Пётр Миронович, – представился он, протянув руку.

– Алексей Николаевич, – ответил я с коротким рукопожатием.

– Очень приятно, Алексей Николаевич. А вы, если не секрет, куда следуете?

– Точнее будет, откуда: возвращаюсь из командировки, был месяц на Байкале...

– О-о-о! Замечательные места, знакомые! Пришлось мне там срочную армейскую службу проходить, есть что вспомнить, – расплылся в довольной улыбке Пётр Миронович. – БАМ возводили бесплатно, проявляли энтузиазм. Там я и лес полюбил, по-тамошнему – тайгу, там и охотником стал, пристрастился, так сказать...

– Да, места там сказочно-красивые...

– Красивые? Ну, не знаю, – бесцеремонно перебил меня бывший баковец. – Чащобник непролазный, сплошь ветровал да бурелом. Дорог нет. Какая ж тут красота? Нет, не за это полюбил. Богатые места – это да, этого не отнимешь: и зверь, и рыба, и шишка кедровая. А так... Есть у меня напарник, как и я – лесник. Он тоже всё на красоту любит. Ставим с ним сети с лодки – и снасть моя, и лодка – так его только и понукаю: не туда гребёшь, табань, возьми левее, не спеши... А он, верхогляд, знай головой вертит да языком цокает: красота какая! Зорька у него рдеет, ути пролетели, ива к воде склонилась... Пропавший человек...

«Больше любит говорить, чем слушать», – мысленно приобщи́л я к «объективке» на Петра Мироныча свежее наблюдение, но перебивать не стал.

– А то ещё учудил: раздавали нам служебный транспорт в лесхозе, мотоциклы с коляской. Нам с ним в первую очередь, как передовикам и ветеранам, так сказать. Так он что? А дайте мне, говорит, лошадь с телегой, мне будет сподручней. Лесничий чуть не подпрыгнул от радости: не знал, как от этого тягла избавиться, а тут доброволец! А кобылке ведь бензин не зальёшь, ей сена накоси, овса прикупи, подкову подгони... А упряжь? Хлопотно! Правда, где на телеге, где на санях, иной раз и верхом, по-кавалерийски, побывал мой Гриня – его Григорием зовут – в тех кварталах, куда на «Урале» высокопроходимом и не сунешься. Всё обследовал, взял что надо на заметку. Бывало, начнёт рассказывать, как его и зверь подпускает – не боится конного, и птица терпит до последнего, с ветки не слетает. Это у него всё тоже – красота! Хоть бы пользовался моментом, стрелял! Нет! Всё этой красотой любит, малохольный. Зато, как только на совещание к лесничему – Мироныч, выручай, заедь за мной! На кобыле-то, пердячим транспортом, ему полдня до райцентра тащиться, да и засмеют городские. Приходится нянчиться...

Мироныч беззвучно посмеялся над простотой своего товарища и, не дав мне переварить полученную информацию, продолжил:

– Он и жену так выбирал, красивую всё искал. Женился не сразу после службы, как все хорошие люди, а долго выискивал попривлекательней да пофигуристей. Нашёл, когда самому уж за тридцатник, не добрый молодец, так сказать, а ей и того больше, да с прицепом. Ни тебе свадьбы, ни гармошки – ничего. Так, сошлись и живут. Правда, живут дружно, двух общих растят (сказано было «рОстят», с ударением на первый слог). Старший, её который, тот в город подался: выучился на педагога, учительствует. Приедет к родителям, на Гриню: батя, батя... Батя! А тот и уши развесит: возьми, Саша, сальца, не забудь медку, грибочков. Сами не жируют, а тут батя и индейку зарежет на гостинец, не поскупится, так сказать. Потеха, право слово...

Я снисходительно ухмыльнулся, что было воспринято как знак одобрения критическому отношению Мироныча к непрактичному поведению его «малохольного» напарника.

– У нас с моей Нюрой всё по-другому, всё, так сказать, по-человечьи, чин чинарём всё получилось: познакомились, пригляделись друг к другу, чуть обвыклись – да и за свадебку. Мой родитель, Царствие ему Небесное, меня ещё сизмала поучал: выбирай, Петя, жену не в хороводе, а в огороде! Я и выбрал. Пусть не красавица – с лица воды не пить. Зато работающая, из зажиточной семьи: отец её тоже по лесной части. Видит тесть, парень я сметливый, домовитый – позвал в примачи. Я ломаться не стал: чего не пойти? Мне он позже свой обход и передал, за что спасибо. Научил многому, чему в книжках не научат. Любил тестюшка всякие мудрости запоминать и мне

пересказывать. Как, говорит, сказывал Сергей Миронович (!) Мичурин, человек не должен ждать милости от природы: бери всё, что есть! Всё наше! Я с ним и не спорил: кто я, а кто Мичурин, хоть оба и Миронычи. Вы не курите? Нет? А я вот никак не брошу: как на БАМе, от гнуса разного, мокреца да комара, спасаясь, научился дым пускать, так поныне и дымлю как паровоз. Пойду в тамбур, отравлюсь папироской...

«Псевдотёзка» Мичурина пошёл покурить, широко расставляя ноги и держась по пути за стойки и перегородки – вагон сильно качало на старом аварийном участке дороги. Эта картина добавила комичности в восприятие знатока цитат и доморощенного философа. На память пришло сказанное кем-то из сатириков поучение: «Для того чтобы чувствовать юмористическое настроение, надо отдалить от себя объект на некоторое расстояние, смотреть на него косым взглядом. Не следует ни очень любить, ни сильно ненавидеть, а надо... оставаться равнодушным к предмету юмористического наблюдения». «Стоит попробовать», – решил я. Через пять минут «курильщик» вернулся и продолжил о своём, как и не было паузы в разговоре.

– Раз послал Бог дурню удачу... – это я про Гриню. Принёс он из леса сосунка-олёнёнка, выкормил сироту-заморыша из соски. Глядь – уже такая ланка к зиме по двору ходит, сытая, аж лоснится. Просто зависть берёт, сколько мяса на дармовщинку. Ручная, домашняя, а стала отлучаться: сперва на час-другой, а потом и на день, и на два уходит. «Гриша, – говорю, – уйдёт и не вернётся, всё к тому. Пропадёт центнер дичины ни за понюшку». «Не твоя, – отвечает, – забота: не всё на центнеры меряется». Да так го-о-рдо, с высокоме-е-рием. Ну, по моему и вышло: нашлись люди, кто ложку мимо рта не пронесит...

«Откровенный жлоб, но за собой этого не подозревает, поэтому даже не маскируется», – мысленно завершил я характеристику собеседника, а на словах поинтересовался, провоцируя на дальнейшую откровенность:

– А вы, Пётр Мироныч, так и проработали всю жизнь лесником? Говорят, незавидная должность, ответственная, а платят гроши. Так ли?

– О-о-о, мил человек! А сметка на что? Тут напому слова Петра Первого, как мне их тесть передал: «Жалованье лесникам положить плёвое, ибо дело их воровское, себе на прокорм добудут». Что смеётесь? Истинная правда, так и говорил!

– Да я и не спорю, действительно говорил. Только когда это было?

– Да, давненько. Только что изменилось? Вот называли нас теперь лесничими... Не лесниками, как было, а лес-ни-чи-ми! Звучит? Ещё бы! Как наш бывший директор – теперь уж тоже лесничий, только старший – говорит: «Статус, престиж!» А что с этого престижа? С него сапог не сошьёшь и каши не сваришь. До семнадцатого года, при царе, лесничий костюм носил зелёного сукна с позументами, кортик на поясе и звался «Ваше благородие», потому как лицо был неприкосновенное, на государственной службе! А нынче? Ни то ни сё. Ещё мой тесть синий форменный костюм носил и в лес с казённым ружьём ходил, для острастки всяким проходимцам. Теперь ни-ни, что ты! Только словом увещевай, тыча пальцем в кодекс...

На лице лесника появилось выражение такого недовольства и возмущения, что поневоле захотелось даже ему, не располагавшему к себе душевного участия, сказать что-то доброе, ободряющее, вселяющее надежду:

– Ну, Пётр Миронович, не отчаивайтесь так-то. Уверен, скоро грянут перемены к лучшему, не останетесь вы, лесники, без внимания и заботы...

– Грядут? Когда? Уже и жить-то осталось... Так вот и приходится про сметку помнить. Вот расскажу случай, в прошлом году было. Поехал я с утра делянку проверить: скоро её принимать у лесорубов, а макушечник да порубочник в валах гниёт, спалить не удосужились, тянут резину. Посмотрел, убедился: полный бардак! Ну, думаю, воля ваша, а приёмку я не подпишу, дам предписание. А у них тоже сроки, штрафные санкции за несоблюдение предусмотрены... А репутационные потери? Могут ведь и не выделить им другую делянку по причине ихней неадекватности. В общем, придётся голубчикам за мной походить, поупрашивать, поискать, так сказать, компромисс... Ладно, прикидываю, не зря сюда наведалься. Продвигаюсь по краю делянки, перелажаю через пни да колоды, пригляделся: опят – видимо-невидимо! Молоденькие, светлые, ещё сарафанчики под шляпкой. Рюкзак с собой, давай собирать. Увлёкся, но ухо держу востро. Слышу: трактор тарыхтит, свернул к реке, заглох... Кто может быть? Надо проверить. Рюкзак с грибами оставил, пробираюсь к реке. Подкрался незаметно, наблюдаю: «Белорус» с прицепом у самой воды, борт откинут, на воде лодка, двое в лодке сети снимают, третий на берегу. Так, так... Ребята местные, деревенские, меня знают, не раз моей добротой пользовались. Буду, думаю, с ними поостроже. Дождался когда лодку с сетями и уловом на берег подтянули, выхожу: «Здравствуйте, господа хорошие! Значит, безобразия нарушаем? Красиво, ничего не скажешь». Оторопели, переглядываются. Один мне хорошо знаком, зимой под Новый год с ёлкой попадался. Отделался тогда, так сказать, испугом: привёз половину барана и был прощён. Он-то и взял на себя инициативу, подходит: «Дядь Петь, не казни, мы в долгу не останемся...» – «А-а-а, ты, племянничек! – говорю как своему. – Ну, пошли, посмотрим, есть за что казнить-то...» Заглядываю в баркас: в сетях рыба. Щуки, лещи, окуни... С ночи набилось изрядно. «Вот что, – говорю, – рыбу в мешок, её конфискую...» – «Ну, дядь Петь!» – начинают канючить. «Никаких «ну»! – пресекаю. – Иск за неё знаете какой? А штраф? Вот то-то! Сети вам оставляю до решения вопроса. Вечером с паспортами ко мне. Не явитесь – пеняйте на себя!

Вопросы?» – «Всё ясно...». Ребята попались покладистые, неконфликтные, разошлись, как говорится, бортами: вечером привезли парной телятины с печёнкой, пообщались, расстались при полном непротивлении сторон.

– Да, лихо вы вопросы решаете, Пётр Миронович! – стараясь замаскировать иронию, с напускным одобрением услышанного подивился я «таланту» лесничего. – И часто так?

– Да нет, не так часто. Но случается, не стану греха таить...

– Так, всё же, осознаёте, что грех?

– А как же! Осознаю! Но, как говаривал мой тесть: кто безгрешен, пусть первый бросит в меня камень. Вы бросите? Вот то-то...

Насладившись эффектом, произведённым на слушателя очередной цитатой, рассказчик продолжил:

– На следующий день решил навестить своего кореша, угостить его свежей рыбкой. Подъезжаю на мотоцикле, захожу: красавица Гришкина картошку чистит, собирается обед готовить. «Где, – спрашиваю, – кормилец?» – «Уехал, – отвечает, – на квартала с проверкой». «Уехал!» А телега во дворе оглоблями в землю. «Что, – спрашиваю, – опять верхом?» – «Да, на Пегасе...» Это он кобылу свою Пегасом прозвал, она его, видите ли, вдохновляет стихи сочинять. Лес, говорит, это храм, а красота – Божья благодать, не стреляйте в неё. Не от мира сего человек: стихи сочиняет, а на обед пустые галушки. Достал я пакет с рыбой – щучка там, пара лещиков, мелочи с десяток. «Прими-ка, – говорю, – голубка, чем богат, когда ещё твой добытчик соберётся семью побаловать». Так голубка меня так благодарила, так благодарила, – ладно, в ноги не кланялась...

– Добрейшей вы души человек, Пётр Миронович, – подыграл я «благодетелю».

– Ну, уж так воспитан. Слушай дальше. На завтра слышу – понукает на кобылу, заезжает во двор. Привёз целый воз конского навозу. «Куда, – спрашивает, – Пётр, свалить укажешь?» Фу-ты, думаю, к нему с добром, а он с дерьмом. Но промолчал, сделал вид, что рад: на грядки, так сказать, сгодится, спасибо! Сообща скидаём вилами, он и задаётся вопросом: «Что за рыбку-то должен?» Да едко так спрашивает, хитро поглядывая, что, мол, ему отвечу. Хотел я, было, вспылить. Насилу сдержался, но совладал, держу себя в руках. Не вдруг отвечаю, чуть поостыв: «Какие между товарищами могут быть счёты? Ты это, Гриша, оставь...» – «На том, – говорит, – благодарю, в долгу не останусь: весной лошадкой твой огородишко всколыхнём, можешь рассчитывать». Вот и делай такому добро, ещё, глядишь, и сам должен останешься.

Поёрзав на лавке и поудобней угнездившись, Мироныч задумался, припоминая, чем бы ещё удивить случайного попутчика, какой своей житейской «сметкой» поделиться.

– А по какому же вопросу в Уфу? Не ближний свет, – воспользовавшись заминкой, подал я тему свежего сюжета.

– Не по доброй воле, вынужденно: послало начальство получить награду, – самодовольно подбоченившись одной рукой, гордо ответил лесник. – Послали на меня бумагу: так, мол, и так, достоин почётного звания за многолетний труд. Оттуда ответ: ждём, пусть приезжает! Вот и еду, хорошо, ещё за счёт лесхоза, а то бы... – тут он сделал решительный жест, как бы отстраняя что-то ненужное.

– Что ж за награда?

– Самая что ни на есть: почётного знака «Рыцарь леса» удостоился под старость. Новый наш руководитель – молодой, после института – высмотрел в интернете такой конкурс: кто все силы положил на охрану леса – тому награда. Сначала хотели Гриню выдвинуть, так тот заартачился: не надо, не достоин. Я ему по-товарищески: «Гриша, счастье в руки идёт, не будь дураком, воспользуйся!» Нет, ни в какую! Загордился, словом. Тут я и смекнул: а чем ты, Пётр Миронович, хуже? Лишний раз начальству на глаза появился, медком угостил, карасиками живыми побаловал... Была в запасе шкурка выдры выделанная, себе на шапку берёг – ею на День лесника пожертвовал, преподнёс в подарок. Оценили моё такое уважение, послали документы: вот, еду по вызову...

Локомотив после гудка сбросил скорость, послышался скрип торможения: поезд приближался к железнодорожному вокзалу моего родного городка, где мне выходить. «В поисках счастья по свету достаточно пройдено, словно доверчивый пёс на призывный гудок, я возвращаюсь к тебе, моя малая родина, в свой захолустный и тихий такой городок...» – спонтанно пришли на память строки полузабытого стихотворения. За руку, но холодно попрощавшись со случайным попутчиком, я забрал свою сумку и направился к выходу. Долго потом размышлял я над тем, как порой несправедливо судьба назначает «рыцарями» не тех достойных, кто действительно «без страха и упрёка», а тех, кто вовремя заприимител склонность начальства порадеть за угодливого да удобного, а этим только «дурак» и не воспользуется...

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новокутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эhtiбаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

Северомуйск – 2025